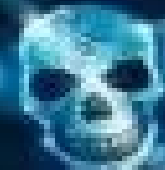

Copyrighted Material

SPILLER

Second Grave on the Left

DARYNDA JONES

Copyrighted Material

Аннотация Чарли Дэвидсон, ангел смерти, единственный в своем роде, снова встретится с вами в очередном романе, наполненном тревожными сверхъестественными интригами. Когда лучшая подруга Чарли Куки будит ее среди ночи, Чарли понятия не имеет, что ей придется столкнуться с демонами, которые охотятся за Рейесом (кстати, сыном Сатаны, да-да, буквально). Появится ли у Куки когда-нибудь вкус? И хватит ли во всем мире шоколада и кофе, чтобы Чарли смогла раскрыть очередное дело? _____

Перевод: Euphony

Даринда Джонс

Вторая могила слева

Перевод: Eurhony

Худ. оформление: RuSa

Аннотация

Чарли Дэвидсон, ангел смерти, единственный в своем роде, снова встретится с вами в очередном романе, наполненном тревожными сверхъестественными интригами. Когда лучшая подруга Чарли Куки будит ее среди ночи, Чарли понятия не имеет, что ей придется столкнуться с демонами, которые охотятся за Рейесом (кстати, сыном Сатаны, да-да, буквально). Появится ли у Куки когда-нибудь вкус? И хватит ли во всем мире шоколада и кофе, чтобы Чарли смогла раскрыть очередное дело?

За ангелов смерти и умереть не жалко.

Надпись на футболке, в которой часто замечали Шарлотту Джин Дэвидсон, ангела смерти, единственного в своем роде

— Ну же, Чарли, просыпайся скорее.

Пальцы с острыми ногтями впились мне в плечи, делая все возможное, чтобы разогнать сонное марево, в котором я мариновалась. Трясли меня достаточно сильно, чтобы в Оклахоме началось землетрясение. То есть очень-очень сильно, учитывая, что живу я в Нью-Мексико.

Судя по тому, как и с какой интонацией звучал голос незваной гостьи, я была уверена, что обращалась ко мне моя лучшая подруга Куки. С моих губ сорвался раздраженный вздох, пока я смирялась с фактом, что моя жизнь сплошь состоит из одних только вторжений и требований. В основном, требований. Скорее всего потому, что я единственный ангел смерти по эту сторону Марса, единственный портал, через который могут пройти умершие. По крайней мере, те, что не перешли сразу после смерти и застряли на Земле. И таких просто возмутительно много.

Будучи ангелом смерти с самого рождения, я припомнить не могу, когда бы мертвецы не стучали в мою дверь — образно выражаясь, потому что мертвые вообще редко стучат — с просьбами помочь им в неоконченных делах. Меня всегда поражало количество мертвых, забывших выключить плиту.

Чаще всего те, кто проходит через меня, просто чувствуют, что уже достаточно пробыли на Земле. Войдите в ангела смерти. Он же — я. Из любой точки мира меня видят умершие и могут перейти через меня на ту сторону. Мне говорили, я — как маяк, яркая, как тысяча солнц. Наверняка не очень-то удобненько для мертвецов с похмельем после мартини.

Я — Шарлотта Дэвидсон. Частный детектив, консультант полиции и вообще вся из себя крутая девица. Или могла бы быть крутой, задержись я подольше на занятиях по смешанным боевым искусствам. А ходила я туда исключительно ради того, чтобы научиться убивать людей бумагой. Ах да, не будем забывать об ангеле смерти. Вообще-то быть ангелом смерти не так уж плохо. У меня есть кучка друзей, за которых я убить готова. Некоторые из них живые, некоторые — не очень. Семья, которой я, можно сказать, благодарна. Некоторые из них тоже живы, а некоторые — не очень. А еще есть у меня кое-кто... одно из самых могущественных созданий во вселенной — Рейес Александр Фэрроу, получеловек, полусупермодель, он же сын Сатаны.

Короче говоря, будучи ангелом смерти, я понимаю мертвых. У них просто ужасное представление о времени. Впрочем, это не проблема. Но когда тебя вот так будит посреди ночи вполне себе живое, умеющее дышать существо, чьи ногти наверняка регулярно затачивают не где-нибудь, а в «Мире ножей», что-то есть в этом неправильное.

Я отмахивалась от рук, как мальчишка, попавший в гущу девчачьей драки. Потом уже махала в пустоте, потому что нарушительница моего покоя сбежала, чтобы перекопать мой

шкаф. Зуб даю, в старших классах Куки выиграла в номинации «Самый подходящий человек для того, чтобы помереть сию секунду». Несмотря на непреодолимое желание использовать на ней свой убийственный взгляд, я никак не могла набраться храбрости открыть глаза. Даже сквозь закрытые веки просачивался резкий свет. У меня серьезные проблемы с потребляемой мощностью электричества.

— Чарли...

Опять двадцать пять. Может, я умерла. И сейчас плыву к свету, прямо как в фильмах.

— Я не шучу...

По ощущениям я не то чтобы плыла, но опыт подсказывал, что нельзя недооценивать время, выбранное для смерти.

— Серьезно, вставай уже.

Стиснув зубы, я изо всех сил постаралась задержаться на Земле. Нельзя... плыть... к свету.

— Ты хоть меня слышишь?

Теперь голос Куки звучал приглушенно, потому что она рылась в моих вещах. Ей повезло, что мои отточенные инстинкты не надрали ей зад. Не опрокинули на пол, побитую и сломленную. Стонущую от боли. И время от времени дергающуюся в агонии.

— Бога ради, Чарли!

Внезапно меня обступила тьма, когда что-то из одежды приземлилось мне на лицо. Что было совсем не кстати.

— И тебе ради бога, — еле слышно ответила я, спихивая с головы растущую стопку одежды. — Ты что творишь?

— Одеваю тебя.

— Я уже одета так, как надо одеваться в... — я бросила взгляд на мерцавшие цифры часов на тумбочке возле кровати, — ... в чертовы два часа ночи. Ты серьезно?

— Серьезно. — Куки бросила мне что-то еще, но промазала, попала в лампу на тумбочке, и та упала. Абажур приземлился мне на ноги. — Надевай.

— Абажур?

Но Куки уже не было. Это странно. Она выскочила за дверь, бросив меня в зловещей тишине. Такой, от которой тяжелеют веки, дыхание становится ритмичным, глубоким, ровным.

— Чарли!

От ее визга меня едва удар не хватил, я подпрыгнула и чуть не свалилась с кровати. Господи, да у нее казенные легкие. Кричала ведь из своей квартиры, которая напротив моей.

— Ты и мертвого разбудишь! — проорала я в ответ. Потому что не очень-то у меня получается иметь дело с мертвыми в два часа ночи. А у кого, собственно, получается?

— Я и на большее способна, если ты сейчас же не вытащишь свою задницу из постели.

Для лучшей подруги, соседки и дешевой донельзя помощницы Куки становится назойливой. Три года назад мы обе переехали в свои квартиры, расположенные напротив. Я только что уволилась из Корпуса мира, а Куки завершила бракоразводный процесс, оставшись с прицепом в виде ребенка. Мы с ней из тех, кто, только-только познакомившись, уже как будто сто лет друг друга знают. Когда я открыла свое детективное агентство, она предложила отвечать на звонки, пока я не найду кого-то на постоянной основе. Остальное уже история. Так Куки и стала моей рабыней.

Оглядев разбросанную по спальне одежду, я с сомнением подняла пару вещей.

— Тапочки с кроликами и кожаная минниубка? — крикнула я Куки. — Вместе? Как комплект?

Она вихрем вернулась в комнату. Руки уперлись в бока, подстриженные черные волосы торчат во все стороны, только не вниз, и взгляд такой, каким награждает меня мачеха, когда я встречаю ее приветствием нацистов. И почему эту женщину так раздражает ее сходство с Гитлером?

Я с досадой вздохнула.

— Мы едем на одну из тех вечеринок, где каждый должен нарядиться пухленькой зверушкой? Знаешь, меня ведь такие люди в панику вгоняют.

Куки заметила трусы и бросила их в меня вместе с футболкой, гласившей: «За ангелов смерти и умереть не жалко». А потом опять метнулась вон из комнаты.

— Это значит «нет»? — поинтересовалась я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Со всем драматизмом, на какой способен мой врожденный актерский талант, я отбросила одеяло, разрисованное кроликами Багз Банни, и согнулась в постели, отчаянно пытаясь запихнуть ноги в носки, как это обычно и делают люди, которым приходится одеваться в два часа ночи, после чего занялась кружевным лифчиком с эффектом пуш-ап. Я такие ужасно люблю, потому что мои девочки заслуживают всяческой поддержки, какую я только могу им обеспечить.

Пока я изгибалась так и сяк, надевая лифчик, вернулась Куки. Я посмотрела на нее с любопытством.

— Ну как, в безопасности твои подружки размера двойного D? — спросила она, встряхнув футболку и натянув ее мне на голову. Потом всучила жакет, который я не носила со старших классов, бросила мне под ноги тапочки и за руку потащила меня из комнаты.

Куки как апельсиновый сок на белых штанах. Или на нервы действует, или веселит, зависит от того, на ком штаны. Я на ходу прыгнула в тапки с кроликами, пока она тащила меня вниз по лестнице, и уже в холле кое-как напялила жакет. От моих протестов вроде «Да подожди же ты!», «Ай-я-яй!» и «Мой мизинец!» толку было мало. Она только слегка ослабила хватку, когда я спросила:

— У тебя что, лезвия вместо ногтей?

Нас поглотила освежающая черная ночь, пока мы бежали к машине Куки. Прошла всего неделя с тех пор, как мы раскрыли одно из самых шумевших за всю историю Альбукерке дел — убийство трех адвокатов, связанное с бандой, которая занималась торговлей людьми. Я наслаждалась затишьем после бури. Как говорится, ничто не вечно под луной.

Надеясь отыскать в безрассудном поведении Куки хоть каплю юмора, я терпела ее рукоприкладство, пока она — по причинам, которые мне еще предстоит выяснить, — пыталась запихнуть меня в багажник своего «тауруса». Сразу возникло две проблемы: во-первых, мои волосы зацепились за замок, а во-вторых, в багажнике уже торчал почивший парень, чье призрачное тело слабо мерцало в тусклом свете. Я подумала, рассказать ли Куки о мертвеце в багажнике, но решила, что не стоит. Она вела себя странно и без информации о мертвом безбилетнике. Слава богу, она не видит мертвых. Но я ни за какие коврижки не полезу в багажник к этому пассажиру.

— погоди, — сказала я и подняла одну руку в знак капитуляции, другой в это время пытаясь освободить прядь каштановых волос из механизма замка. — Ничего не забыла?

Она застыла как вкопанная и озадаченно воззрилась на меня. Было смешно.

Я, конечно, не мать, но почему-то мне кажется, что трудно забыть то, что ты тридцать

семь часов кряду пытаешься выдавить из того самого места между ног, преодолевая все это время мучительную боль. Я решила наемкнуть:

— Начинается на «э» и заканчивается на «mmm-бер».

Куки моргнула и на секунду задумалась.

Я попыталась еще раз:

— М-мм, плод чрева твоего.

— А-а, Эмбер с отцом. Лезь в багажник.

Я разгладила оскорбленные волосы и осмотрела багажник. Мертвый парень выглядел так, будто при жизни был бомжом. Он лежал, свернувшись в позе эмбриона, и не обращал на нас ни малейшего внимания. Что само по себе странно, раз уж я, по идее, яркая и блестящая. Как тысяча солнц и все такое. Хотя бы кивка мое присутствие должно заслуживать. Но он не реагировал никак. Совершенно. Абсолютно. Полный ноль. Облажалась я как ангел смерти. Видимо, мне позарез нужна коса.

— Так не пойдет, — сказала я, пытаясь припомнить, где продают сельскохозяйственные инструменты. — Куда вообще можно ехать в два часа ночи, да так, чтобы обязательно в багажнике?

Куки протянула руку прямо сквозь мертвого парня, схватила одеяло и захлопнула крышку багажника.

— Прекрасно. Полежай тогда назад, но не высовывайся. И накройся одеялом.

— Куки. — Я положила руки ей на плечи, чтобы остановить ее. — В чем дело?

Тут я их и увидела. Слезы, брызнувшие из ее голубых глаз. Плакать Куки могла только по двум причинам: из-за фильмов Хамфри Богарта и если кто-то из ее близких попадал в беду. Дыхание ее стало сбивчивым и частым, а над самой Куки, как туман над озером, витал страх.

Теперь, когда я полностью владела ее вниманием, я снова спросила:

— Так в чем дело?

Прерывисто вздохнув, она ответила:

— Пять дней назад пропала моя подруга Мими.

У меня отвисла челюсть, и поймать ее я не успела.

— И ты только сейчас мне об этом говоришь?

— Я только что узнала. — Нижняя губа Куки задрожала, и у меня сдавило грудь. Не люблю видеть, когда моей подруге больно.

— Садись, — мягко приказала я, забрала у нее ключи и влезла за руль. Куки обошла машину и села с пассажирской стороны. — А теперь рассказывай, что случилось.

Перед тем, как заговорить, она закрыла дверь и утерла слезы.

— На прошлой неделе Мими мне позвонила. Казалась ужасно напуганной и все спрашивала и спрашивала о тебе.

— Обо мне? — удивилась я.

— Она хотела узнать, можешь ли ты помочь ей... исчезнуть.

Ой как все плохо. «Плохо» жирным шрифтом. Заглавными буквами. Я стиснула зубы. В последний раз, когда я пыталась помочь кому-то исчезнуть (на прошлой неделе, кстати), все закончилось наихудшим способом из всех возможных.

— Я ей сказала, что, в чем бы ни заключалась проблема, ты можешь помочь.

Мило, но, как ни печально, меня явно переоценили.

— Почему ты не сказала мне, что она звонила? — спросила я.

— Ты была по уши в деле вместе со своим дядей, и постоянно кто-то пытался тебя убить. Ты и правда была очень занята.

Что ж, тут Куки права. Меня пытались убить. Снова и снова. Хорошо, что ничего у них не вышло, иначе сидела бы здесь мертвенькая.

— Она сказала, что приедет и сама с тобой поговорит, но так и не появилась. А сегодня я получила эсэмэску. — Куки передала мне свой телефон.

«Куки, давай встретимся в нашем кафе. Приезжай, как только получишь сообщение. Одна. М.»

— А я даже не знала, что она пропала.

— У тебя есть собственное кафе? — спросила я.

— Как я могла не знать? — От эмоций у нее перехватило дыхание.

— Минуточку. А откуда тебе сейчас известно, что она пропала?

— Я пыталась дозвониться ей на сотовый, когда получила сообщение, но она не брала трубку. Тогда я позвонила ей домой. Ответил ее муж.

— Ну да, он-то должен быть в курсе.

— Он в панике. Хотел знать, что происходит. Но в эсэмэске сказано, чтобы я приходила одна. Поэтому я сказала ему, что позвоню, как только что-нибудь узнаю. — Куки прикусила губу. — Его это не очень обрадовало.

— Еще бы. У женщины не так много причин, чтобы хотеть исчезнуть.

Она задумалась, моргнула и так резко вдохнула воздух, что ненадолго закашлялась. А когда наконец полегчало, проговорила:

— Нет-нет, ты не поняла. У них очень счастливый брак. Уоррен землю целует, по которой она ходит.

— Ты уверена, Куки? То есть...

— Абсолютно уверена. Поверь, если кого и обижали в этой семье, так только банковский счет Уоррена. Не поверишь, он до потери сознания любит эту женщину. И детей.

— У них есть дети?

— Да, двое, — как-то уныло отозвалась Куки.

Я решила не спорить о возможности насилия в их семье, пока не узнаю больше.

— Значит, он понятия не имеет, где она?

— Ни малейшего.

— И она не сказала тебе, что происходит? Почему хотела исчезнуть?

— Нет, но ей было страшно.

— Значит, будем надеяться, что скоро у нас будут хоть какие-то ответы.

Я завела машину и поехала к кафе «Шоколадный кофеек», которое, к сожалению, Куки не принадлежало. Почему «к сожалению»? Шутите? Кофе и шоколад вместе — кто бы ни изобрел такое сочетание, он просто обязан был получить Нобелевскую премию мира. Или хотя бы подписку на «Ридерз Дайджест».

На парковке мы заехали в самый темный угол, чтобы осмотреться, пока никто нас не заметил. Кто знает, как примет Мими мое появление, учитывая, что она сказала Куки приезжать одной. Основываясь на той толике информации, что у меня была, я составила в уме список тех, кто мог преследовать Мими. И ее муж был на первом месте. Игнорировать статистику трудно.

— Может, здесь подождешь? — спросила Куки, потянувшись к дверной ручке.

— У нас в офисе полно документов, которые сами себя не разгребут. Так что, дорогуша,

я никак не могу сейчас тебя потерять.

Она бросила на меня еще один взгляд.

— Чарли, все будет в порядке. Она не причинит мне вреда. Я хочу сказать, я же не ты. На меня не нападают изо дня в день и не пытаются убить.

— Меня тоже, — отозвалась я, притворяясь оскорбленной до глубины души. — Но вдруг тот, кто ее преследует, позволит себе не согласиться с нами? Я иду, и точка. Прости, детка.

Я вышла из машины и бросила ей ключи, когда она тоже выбралась наружу. Еще раз оглядев почти пустую парковку, мы направились к забегаловке. Тапочки с кроликами меня почти не смущали.

— Видишь ее? — спросила я, когда мы оказались внутри, потому что понятия не имела, как выглядит эта женщина.

Куки осмотрелась по сторонам. Внутри было всего два человека: мужчина и женщина. Меня не удивила такая низкая популярность заведения, особенно если учесть безбожное время суток. На мужчине были фетровая шляпа и длинный плащ, а сам он смахивал на кинозвезду сороковых годов. Женщина была похожа на проститутку после очень насыщенной рабочей ночи. Однако их можно было не учитывать, потому что оба были мертвы. Мужчина сразу же меня заметил. Черт бы побрал мою яркость. А женщина даже ухом не повела.

— Разумеется, не вижу, — ответила Куки. — Тут ведь никого нет. Где же она? Может, я слишком медлила? Наверное, не стоило звонить ее мужу и терять время, чтобы вытащить из постели твою тощую задницу.

— Что-что?

— О боже, все плохо. Я знаю. Чувствую.

— Куки, тебе надо успокоиться. Серьезно. Давай немного разнюхаем, что к чему, прежде чем звонить в Национальную гвардию, ладно?

— Ладно. Поняла. — Она прижала руку к груди и заставила себя успокоиться.

— Ну как? — поинтересовалась я, не в силах удержаться, чтобы ее не подразнить. — Валиум не нужен?

— Нет, все в порядке, — ответила Куки, используя технику глубокого дыхания, которой мы научились, когда смотрели документальный фильм о родах под водой. — Острая ты на язык задница.

А вот это уже лишнее.

— Раз уж зашел разговор о моей заднице, нам предстоит долгая и нудная беседа по поводу твоего о ней мнения. — Мы подошли к барной стойке. — Тошная? Да как ты можешь? — Кафе в стиле ретро щеголяло круглыми бирюзовыми барными стульями и розовыми столешницами. К нам двинулась официантка. Светло-бирюзовая униформа на ней сочеталась с цветом табуретов. — Так вот, я хочу, чтобы впредь ты знала, что...

— Приветтики.

Я обернулась к официантке и улыбнулась. Бейдж гласил, что ее зовут Норма.

— Что, девочки, захотелось кофейку?

Мы с Куки переглянулись. Это все равно, что спросить у солнца, хочет ли оно светить. Мы заняли по табурету за стойкой и закивали, как китайские болванчики на приборной панели «фольксвагена».

И она назвала нас девочками, а это страшно мило.

— Тогда вам повезло, — усмехнулась Норма, — потому что я варю лучший кофе по эту

сторону Рио-Гранде.

Тут я и втрескалась по уши. Ну, капельку. Стараясь не пускать слюни от доносящегося до меня богатого аромата, я проговорила:

— Вообще-то, мы кое-кого ищем. Вы сегодня долго работали?

Норма разлила кофе по чашкам и отставила кофейник в сторону.

— Надо же, — сказала она, удивленно моргая, — у тебя самые красивые глаза на свете. Они же...

— Золотистые, — закончила я за нее и опять улыбнулась. — Мне частенько это говорят. — Наверное, золотистые глаза большая редкость. Комментариев они заслуживают немало. — Так что насчет...

— Ах да, нет, моя смена только началась. Вы мои первые клиенты. Но повар здесь всю ночь. Возможно, он сможет помочь. Брэд! — крикнула она себе за спину так, как может кричать только официантка подобной забегаловки.

За спиной Нормы через кухонное окно свесился Брэд. Я ожидала увидеть взлохмаченного пожилого дяденьку, по которому бритва плачет. А вместо этого уставилась на мальчишку не старше девятнадцати лет. Он шаловливым взглядом оценивал официантку, которая явно старше его, и улыбался, как может улыбаться только молодой парнишка во время флирта.

— Звала? — промурлыкал он, продемонстрировав все свои умения на полную катушку.

Официантка закатила глаза, после чего наградила его самым что ни на есть материнским взглядом.

— Эти дамы кое-кого ищут.

Его взгляд устремился ко мне, и интерес на его лице нарисовался отнюдь не почтительный.

— Что ж, слава богу, они нашли меня.

Вот те раз. Я постаралась не захихикать.

— Вы не видели тут женщину, — деловито спросила Куки, — за тридцать, короткие каштановые волосы, светлая кожа?

Повар насмешливо выгнул бровь.

— Каждый вечер, леди. Назовите побольше примет.

— Фотография есть? — спросила я у Куки.

Ее плечи расстроено поникли.

— Я об этом даже не подумала. Дома у меня точно есть одна. Ну почему, почему я не додумалась взять ее с собой?

— Не третируй себя. — Я повернулась к парнишке и спросила: — Дашь мне свой номер? И имя с номером официантки, которая была здесь перед вами, — добавила я, обращаясь к Норме.

Она в сомнениях склонила голову.

— Думаю, милая, надо сначала у нее спросить, давать или не давать такие сведения.

Как правило, у меня всегда с собой самое настоящее ламинированное удостоверение частного детектива, которым я могу сверкнуть, чтобы развязать людям язык. Но Куки вытащила меня из дома так быстро, что я подумать не успела его взять. Терпеть не могу, когда мне нечем сверкнуть перед людьми.

— Я могу вам назвать имя официантки, — заявил пацан с игривым блеском в глазах. — Иззи. Ее номер в мужском туалете. Вторая кабинка, прямо под трагической поэмой о

мужике с сиськами.

Да уж, парнишка явно не поваром должен был стать.

— Мужик с сиськами — это, конечно, трагично. Может, я вернусь завтра? Будешь на посту?

Он развел руками, как бы показывая на то, что его окружает.

— Это же мечта наяву, крошка. Ни за что не пропущу.

Несколько секунд я осматривала кафе. Оно располагалось на углу оживленного пересечения улиц в центре города. В рабочие часы здесь наверняка не протолкнуться. Мертвая сидящая звезда киноиндустрии в фетровой шляпе по-прежнему пялилась на меня, а я по-прежнему не обращала на него внимания. Не самое подходящее сейчас время для беседы с чуваком, которого никто, кроме меня, не видит. Спустя несколько огромных глотков самого лучшего в мире кофе (Норма не шутила), я повернулась к Куки:

— Давай-ка немного осмотримся.

Она чуть не поперхнулась своим кофе.

— Ну конечно. Я об этом даже не подумала. Осмотримся. Я знала, что не зря взяла тебя с собой. — Она спрыгнула с табурета и, ну, буквально осмотрелась. Понадобилась вся моя сила воли, чтобы не рассмеяться.

— Может, начнем с туалетов, Магнум? — предложила я, пока упомянутая сила воли не испарилась совсем.

— Правильно, — отозвалась она и помчалась в подсобку.

Ладно, можно начать и оттуда.

Через несколько минут мы вошли в женский туалет. Нам повезло: Норма лишь приподняла брови, когда мы стали обыскивать кафе. У некоторых наверняка лопнуло бы терпение, особенно когда мы двинулись в мужской туалет, который, по сути, был создан исключительно для мужчин. Норма же оказалась надежным сотрудником. Она наполняла сахарницы, следя за нами краешком глаза. Однако после тщательной проверки мы убедились, что Элвиса в здании нет. Как и подруги Куки по имени Мими.

— Почему ее здесь нет? — спросила Куки. — Как думаешь, что случилось?

Ясно, она опять начинает паниковать.

— Обрати внимание на очевидное.

— Я не могу! — крикнула она. Паника, видимо, достигла апогея.

— Прислушайся к смыслу слов.

— Я не такая, как ты. Я не умею думать, как ты, и у меня нет твоих способностей, — сказала она, заламывая руки. — Я не умею вести расследования, ни публичные, ни частные. Подруга попросила меня помочь, а я не могу даже просто прийти вовремя в назначенное место! Я не могу... — Дальше я слышала только «бла-бла-бла».

Разглядывая наверняка свежую надпись на стене женского туалета, я обдумывала возможность дать Куки пощечину, но она вошла в раж, а я не люблю вмешиваться. Через минуту она успокоилась без моей помощи и уставилась на стену.

— Ой, — робко произнесла она, — так ты говорила буквально.

— Ты знаешь, кто такая Джанель Йорк? — спросила я.

Почерк, которым написали имя, был слишком хорош для подростка, жаждущего попортить общественную собственность. Под именем тем же витиеватым почерком было написано «ХАНА L2-S3-R27». Это точно не граффити. Это послание. Я оторвала бумажно-полотенце и позаимствовала у Куки ручку, чтобы записать информацию.

— Нет, не знаю никакой Джанель. Думаешь, это Мими написала?

Заглянув в мусорную корзину, я вытащила недавно открытую упаковку от несмываемого маркера.

— Я бы сказала, что шансы выше средних.

— Но зачем она позвала меня сюда, если собиралась только написать на стене сообщение? Почему бы просто не послать мне смс?

— Не знаю, солнце. — Я оторвала еще один клочок бумажного полотенца, чтобы покопаться в мусоре, но не нашла ничего интересного. — Думаю, она действительно собиралась с тобой встретиться, пока что-то (или кто-то) не изменило ее планы.

— Вот черт. И что нам теперь делать? — Куки снова поддалась панике. — Что нам теперь делать?

— Во-первых, — отозвалась я, сунув руки под кран, — мы перестанем повторять одни и те же предложения. Звучит смешно.

— Да-да, — она согласно кивнула. — Извини.

— Во-вторых, ты выяснишь все, что сможешь, о компании, на которую работала Мими. О владельцах, генеральных директорах, членах совета директоров. Poiщи и чертежи здания... на всякий пожарный. И проверишь это имя, — добавила я, тыча пальцем в надпись на стене позади меня.

Взгляд Куки задумчиво опустился в пол. Я почти видела, как заработали шестеренки у нее в голове, как ее разум летит во всех возможных направлениях, пока она набрасывала на плечо сумочку.

— Я позвоню дяде Бобу, когда он придет на работу, и узнаю, кого назначили на дело Мими.

Дядя Боб — брат моего отца и детектив управления полиции Альбукерке, как когда-то и мой отец. Моя работа с ним в качестве консультанта полиции обеспечивала значительную часть моих доходов. Для этого человека я распутала множество дел, а до него — для моего отца. Куда проще раскрыть дело, когда можешь спросить убитого, кто помог ему покинуть бранный мир.

— Надо узнать, кто в их участке занимается пропавшими без вести. И еще нам нужно поговорить с ее мужем. Как бишь его?

— Уоррен, — ответила Куки, идя за мной к выходу.

Выходя из туалета, я составляла в уме план действий. Мы расплатились за кофе, я стрельнула в Брэда улыбкой и направилась к двери. К сожалению, очень сердитый мужчина с пушкой наголо затолкал нас обратно в кафе. Наверное, слишком самонадеянно будет предположить, что он здесь исключительно наживы ради.

Куки затормозила прямо у меня за спиной и от изумления открыла рот.

— Уоррен, — произнесла она.

— Она здесь? — спросил мужчина. Ярость и страх искажали его мягкие черты.

Даже у самого матерого из ныне живых копов затряслись бы коленки, стой он в сантиметре от дула короткоствольного тридцать восьмого. Однако Куки, похоже, не наградили при рождении приличным инстинктом самосохранения.

— Уоррен Джейкобс, — произнесла она, шмякнув его ладонью по макушке.

— Ай. — Он потерял место, куда приземлилась рука Куки, пока сама Куки отбирала у него пистолет и прятала в своей сумочке.

— Ты что, хочешь, чтобы здесь кого-нибудь убили?

Он пожал плечами, как мальчишка, которого отчитывает любимая тетюшка.

— Что ты здесь делаешь? — продолжала Куки.

— После твоего звонка я поехал к твоему дому и проследил за вами. Потом ждал, когда выйдет Мими. Когда она так и не появилась, решил зайти.

Выглядел он как человек, который выбит из колеи и несколько дней не ел от беспокойства. И он был так же виноват в исчезновении жены, как я. Я умею читать человеческие эмоции, как никто другой, и от этого человека четко веяло невиновностью. Отчего-то ему было нехорошо, но это не имело ничего общего с криминальной деятельностью. Скорее всего он чувствовал себя виноватым за какую-то выдуманную обиду, из-за которой, по его мнению, и ушла жена. Что бы ни происходило на самом деле, у меня были серьезные сомнения, что текущие события как-то с ним связаны.

— Идемте, — сказала я, подталкивая обоих обратно в зал, и громче позвала: — Брэд!

Голова повара высунулась в окно, лицо озарилось порочной не по годам улыбкой.

— Уже соскучилась?

— Сейчас проверим, из какого ты теста, красавчик.

Он приподнял брови, принимая вызов, и провернул в руке лопатку, как ударник рок-группы — барабанную палочку.

— Садись и смотри, — отозвался он, нырнул обратно и закатал рукава.

Да уж, этот пацан разобьет сердце больше, чем должно выпасть на его долю. Я даже вздрогнула, представив, какую резню он устроит.

Спустя три огромных буррито, какие здесь подают на завтрак, и семь чашек кофе (только четыре из них — мои) я сидела рядом с человеком, который настолько погряз в волнениях и сомнениях, что мои синапсы держали пари друг с другом, как долго он сможет удержать в себе завтрак. Шансы были явно не в его пользу.

Он рассказывал мне о недавних изменениях в поведении Мими.

— Когда вы заметили эти разительные перемены? — задала я, наверное, сто двенадцатый вопрос. Плюс-минус.

— Не знаю. У меня в голове полная каша. Иногда даже сомневаюсь, что замечу, если мои собственные дети вдруг загорятся. Может быть, недели три назад.

— Кстати о детях, — сказала я, поднимая на него взгляд, — где они?

— Что? — переспросил он, глядя на меня. — А-а, они у моей сестры.

И это хорошо. Потому что парень явно не в себе. Благодаря Норме мне больше не надо было писать на салфетках, так что теперь я делала заметки в блокноте для заказов.

— И ваша жена ничего не говорила? Не просила о чем-то необычном? Не рассказывала, что волнуется или что кто-то ее преследует?

— У нее подгорел ростбиф, — просиял он впервые за весь разговор, потому что смог ответить хоть на один мой вопрос. — И после этого все покатилося псу под хвост.

— Значит, она серьезно относится к приготовлению пищи.

Он кивнул, потом покачал головой:

— Нет, я не это имел в виду. У нее никогда ничего не подгорает. Тем более — ростбиф.

Куки ущипнула меня под столом, заметив, что я раздумываю, смеяться в этом месте или нет. Быстренько одарив ее фирменным взглядом, я вернула лицу выражение заботы и понимания.

— Вы же профессиональный сыщик, верно? — поинтересовался Уоррен.

Я покосилась на него:

— Дайте определение слову «профессиональный».

Однако он молчал, погруженный в свои мысли, и я сказала:

— Нет, серьезно. Я не похожа на других частных детективов. У меня нет этики, нет норм поведения, нет любимых средств для чистки оружия.

— Я хочу вас нанять. — Его явно не впечатлило мое признание о средствах для чистки оружия.

А я ведь уже собиралась разыграть целое представление, чтобы уговорить Куки работать на меня безвозмездно. Особенно с тех пор, как ей едва хватает того, что я плачу, на еду. Однако же, когда объявятся представители коллекторской конторы, деньги придутся очень кстати.

— Я очень дорого стою, — протянула я, стараясь хоть капельку сойти за шлюху из таверны.

Уоррен наклонился ко мне.

- А я очень богат.

Я глянула на Куки в поисках подтверждения. Она приподняла брови и кивнула.

— Ага. Тогда, думаю, мы сработаемся. Хотя... минуточку, — сказала я, не в силах остановить чехарду собственных мыслей, — насколько богат?

— Полагаю, достаточно. — Если его ответы станут еще хоть чуточку неопределеннее, то будут похожи на еду в школьных столовых по всей стране.

— Я не об этом. Кто-нибудь просил вас одолжить денег в последнее время?

— Только мой кузен Гарри. Но он всегда просит займы.

Может, кузен Гарри совсем отчаялся. Или вконец обнаглел. Записав сведения о Гарри, я спросила:

— Можете вспомнить что-нибудь еще? Что угодно, что могло бы объяснить поведение Мими?

— Вряд ли, — ответил Уоррен, подавая свою кредитку Норме.

Поскольку ни у меня, ни у Куки не было денег на незапланированный кофе, не говоря уже о завтраке, и поскольку меня одолевали сомнения, что мои тапочки с кроликами возьмут взамен...

— Мистер Джейкобс, — проговорила я, снова прикидываясь большой девочкой, — должна вам кое в чем признаться. Я давненько поднаторела в чтении людей, и, без обид, уверена, вы от меня что-то скрываете.

Он пожевал губу. Раскаяние так и сочилося из всех пор. Правда, вина его была не из разряда «я убил свою жену и похоронил ее безжизненное тело на заднем дворе», а из разряда «мне кое-что известно, но колоться я не хочу».

С громким вздохом он уронил голову на руки.

— Я считал, что у нее интрижка.

В яблочко.

— Что ж, это уже кое-что. Можете объяснить, почему вы так считали?

Похоже, у него не осталось сил, потому что даже пожать плечами толком не получилось.

— Из-за ее поведения. Она отдалилась. Я спрашивал, а она смеялась и говорила, что я единственный мужчина в ее жизни, потому что другого она просто не вынесет.

Для судеб мира, конечно, мелко, но, учитывая, как сильно, по всей видимости, изменилась Мими, вполне нормально, что муж заподозрил адюльтер.

— Ах да, недавно умерла ее подруга, — сказал вдруг Уоррен. Его лоб пошел складками, пока он пытался вспомнить подробности. — Я и забыл совсем. Мими сказала, ее убили.

— Убили? Как? — спросила я.

— Извините, но я не помню. — И от него хлынула еще одна волна чувства вины.

— Они были близкими подругами?

— В том-то и дело. Они вместе учились в старших классах, но потом не общались. Мими даже ни разу не упомянула ее имени, пока она не умерла. Потому-то я и удивился, что ее убийство так сильно отразилось на Мими. Она была страшно подавлена, но...

— Но? — подстегнула я, когда он снова потерялся в мыслях. Только-только стало интересно, не может же он сейчас взять и замолчать.

— Не знаю. Она очень расстроилась, но кажется, что дело не в смерти подруги. Тут что-то другое. — Он стиснул челюсти, пытаясь пробраться сквозь воспоминания. — Я мало в то время об этом думал, но, честно говоря, ее как будто не удивило, что подругу убили. Надо было видеть ее лицо, когда я поинтересовался, хочет ли она пойти на похороны. Будто я попросил утопить соседскую кошку.

Признаюсь, упоминание о кошке не дало мне никакой подсказки.

— Она разозлилась?

Уоррен моргнул и уставился на меня. Он так долго на меня смотрел, что я провела языком по зубам, чтобы убедиться, что в них ничего не застряло.

— Она была в ужасе, — сказал он наконец.

Проклятье. Вот бы он вспомнил имя женщины! И почему Мими не удивилась, узнав, что ту женщину убили? Как правило, убийство удивляет всех, кого затрагивает.

Кстати об именах. Я решила спросить о том, которое написано на стене в туалете. Не найдя в зубах ничего инородного, я задала вопрос:

— Мими когда-нибудь упоминала о Джанель Йорк?

— Это она, — удивился Уоррен. — Та самая подруга Мими, которую убили. Как вы узнали?

Ничего я не узнавала, но от того, что он думает иначе, вид у меня был очень довольный.

Не зная броду, не лезь в воду. Никогда.

Наклейка на бампер

— Что ты слушаешь? — спросила я, потянувшись вперед, чтобы выключить радио. Для сложившихся атмосферных условий «This Little Light of Mine»^[1] слишком уж веселенькая.

Не отрываясь от дороги, Куки щелкнула кнопкой поиска.

— Не знаю, здесь должны крутить классический рок.

— Понятно. Скажи-ка мне, ты купила машину с рук? — поинтересовалась я, возвращаясь мыслями к мертвому парню в багажнике и гадая, как он там оказался.

Надо выяснить, была ли Куки до знакомства со мной черной вдовой. Ну, волосы-то у нее черные. И недавно она их подстригла. А вдруг она так маскируется? Не говоря уже о том, что ни свет, ни заря и без кофе ее агрессивное поведение на дороге совсем не вяжется со знакомой мне спокойной и счастливой Куки. Умершие редко остаются на Земле без весомой причины. Мертвый парень из багажника, похоже, умер насильственной смертью. И, раз уж мне предстоит переправить его на ту сторону, я должна выяснить, как он погиб и почему.

— Ага, — рассеянно ответила Куки. — Мы хотя бы знаем, с чего начать. С Джанель Йорк. Позвонить твоему дяде? И, может быть, судмедэксперту?

— Обязательно, — отозвалась я, напуская на себя самый беспечный вид, какой только могла изобразить. — А где ты ее купила?

Вопрос ее озадачил.

— Что купила?

Я пожала плечами и глянула в окно.

— Машину.

— В «Домино Форд». А что?

Я всплеснула руками.

— Да так, просто интересно. Разве не о таких вещах думают по дороге домой после попыток расследовать дело об исчезновении?

От ужаса глаза Куки превратились в блюдца.

— Боже мой! У меня на заднем сиденье мертвец?!

— Чего? — переспросила я после секундной заминки, которая должна было просто вопить о том, как я поражена. — С чего ты взяла?

Шины взвизгнули, когда Куки резко свернула на автозаправку, не забыв наградить меня всезнающим взглядом.

— Кук, мы в пяти секундах от дома.

— Говори мне правду, — настаивала она, чуть не впечатав меня в лобовое стекло. Классные же у нее тормоза. — Я серьезно, Чарли. Мертвые по пятам за тобой ходят, но я не хочу, чтобы они ошивались у меня в машине. И ты чертовски плохо врешь.

— Ничего подобного. — Меня почему-то обидели ее слова. — Я отличный лжец. Спроси моего дантиста. Он клянется, что я регулярно пользуюсь зубной нитью.

Подъехав к одной из колонок, она еще раз посмотрела на меня. Тяжелым взглядом. Как тюремному надзирателю цены бы ей не было.

Превратив обычный вздох в представление, достойное Бродвея, я сказала:

— Честное слово, Кук, на заднем сиденье нет никаких мертвых.

— Значит, есть в багажнике. В багажнике труп, да?

Забавно было слышать панические нотки в ее голосе. Пока она не вылетела из машины на улицу.

— Да нет же, — проворчала я, вылезая наружу, — нет там никого.

Указав на свой белый «таурус», Куки одарила меня обвиняющим взглядом.

— В багажнике мертвое тело, — сказала она утвердительно. И громко. Достаточно громко, чтобы услышал коп, который сидел с опущенным стеклом в машине рядом с нашей.

Я закатила глаза. Конец октября! На кой черт опускать стекла? Когда он открыл дверь машины и выпрямился во весь рост, я уткнулась лицом в ладонь. Слава богу, хоть в свою. Этого не должно было случиться. Если я еще раз позвоню дяде, детективу полиции Альбукерке, посреди ночи с просьбой вытащить меня из очередной перебранки со случайным копом, которые я время от времени устраиваю, он меня убьет. Сам говорил. Ножом для чистки апельсинов. Не знаю, правда, почему именно им.

— Какие-то проблемы, леди? — поинтересовался офицер.

Взгляд Куки стал мрачнее тучи.

— Почему бы тебе не сказать ему, что в багажнике нет трупа, а?

— Да ладно тебе, Кук...

В ожидании ответа она уперлась руками в бока. Я повернулась к Грязному Гарри^[2].

— Послушайте, офицер О. Вон, — обратилась я к нему, глянув на бейдж с именем, — я понимаю, то, что говорит Куки, звучит не очень, но уверяю вас, она выражается фигурально. Мы бы никогда не с-стали... — Я снова глянула ему в лицо. Губы высокомерно поджаты, и у меня по позвоночнику проползло не очень приятное чувство узнавания. В духе «Оно» Стивена Кинга. — А вы случайно не родственник Оуэна Вона?

Губы копа совсем превратились в одну тоненькую линию.

— Я и есть Оуэн Вон.

И снова здравствуйте. По известным только ему причинам Оуэн Вон пытался убить меня в старших классах. Переехать на джипе. Позже он признался полиции, что хотел всего лишь меня покалечить, но отказался объяснить почему. Наверное, я где-то перешла ему дорогу, но так и не узнала, чем так ему насолила.

Я решила сохранять хладнокровие. Ни к чему бросать ему в лицо напоминания о криминальных случаях из прошлой жизни. Пора забыть давние обиды. Тем более что у него пушка есть, у а меня нет.

Улыбнувшись, я толкнула его в плечо, словно мы с ним старые друзья.

— Давненько не виделись, Вон.

Не сработало. Он напрягся, около секунды изучал место, где только что был мой кулак, потом опять посмотрел мне в лицо и сосредоточился на глазах, словно мечтал только об одном — увидеть, как их покидает жизнь.

Мне стало неловко.

А потом я вспомнила, что в старших классах он дружил с Нилом Госсетом. Совсем недавно мы с Нилом возобновили знакомство, и я сочла удачной мыслью воспользоваться этой информацией, чтобы растопить глыбу льда, в которой заморозили Вона.

— А знаешь, на днях я пересеклась с Нилом. Он теперь заместитель начальника тюрьмы в Санта-Фе.

— Я знаю, где сейчас Нил, — чистейшее презрение в его голосе было чересчур прозрачным. — Я знаю, где сейчас все вы. — Он наклонился ко мне. — Даже не сомневайся.

Целую минуту я переваривала шок, пока он шагал к своей патрульной машине. Куки тоже смотрела на него с приоткрытым ртом, пока он не выехал с заправки.

— Он даже багажник не проверил, — промямлила она.

— Только мне так кажется, — начала я, глядя на исчезающие задние фары его автомобиля, — или тут действительно произошло что-то в духе чокнутых маньяков?

— Что, черт побери, ты ему сделала?

— Я? — Я положила руку на грудь, чтобы продемонстрировать, как сильно ранили меня ее слова. — Почему ты всегда считаешь, что во всем виновата я?

— Потому что так и есть.

— Чтоб ты знала, в старших классах этот человек пытался раскатать меня по асфальту. На джипе.

Куки повернулась ко мне со скептическим выражением лица.

— Ты когда-нибудь думала переехать в другую страну?

— Вообще-то да.

— Багажник. Труп. — Она вернулась к машине и открыла крышку багажника.

Я наклонилась и закрыла крышку, пока мертвый парень меня не заметил.

— Так и знала! — Куки отпрыгнула на пару шагов. — В багажнике труп!

Я несколько раз прижала к губам указательный палец, чтобы она говорила потише, а потом зашипела, как алкаши в барах для одиночек:

— Нет там никакого трупа. Там мертвый парень. Чувствуешь разницу? И если он поймет, что я его вижу, то начнет приставать с просьбами выяснить, как его убили, и расхлебать за него тонны всякого дерьма.

Внезапно ее лицо загорелось обвинительным приговором.

— И ты позволила бы мне целую вечность разъезжать по городу с этим чуваком в багажнике?

— Да нет, конечно! — фыркнула я. — Вовсе не вечность, а так, пару-тройку дней. Пока я не выясню, кто он такой.

В несколько шагов Куки оказалась со мной нос к носу.

— Ты очень, очень, очень не права.

Потом развернулась и направилась к дому.

Черт возьми. Я потрусилась за ней, диву даваясь, какое огромное расстояние может покрыть взбешенная женщина за каких-нибудь несколько секунд.

— Куки, нельзя идти домой пешком. Темно. И мы на Централ.

— Лучше в дюжине темных переулков повстречать по десять хулиганов, чем ехать в той машине, — она показала себе за спину, даже не сбившись с шага.

Посчитав в уме ответ на только что заданную задачку, я спросила:

— А как же темные парковки? И подворотни? Там же тоже страшно?

Куки продолжала идти вперед, выполняя свою благородную миссию — держаться как можно дальше от умерших. И дать себя зарезать за пять баксов, заваливавшихся у нее в заднем кармане. Не видя в этом никакой логики, я все-таки понимала ее страх. Хотя нет, не понимала.

— Куки, меня постоянно окружают мертвые. Они у меня в офисе, в приемной, возле кофемашины. Почему вдруг это стало проблемой?

— Потому что. Тебя постоянно окружают мертвые. Не меня. И не в моей машине.

— Тогда, наверное, не стоит говорить тебе о маленьком мальчике у тебя в квартире?

Она резко остановилась. На лице ясно читалось изумление.

— Ну да. Не стоит. Забудь, что я только что сказала.

— У меня в квартире мертвый мальчик?

— Ну, не постоянно...

Покачав головой, Куки сорвалась с места, а я внезапно обнаружила, что пытаюсь догнать ее в тапках. Вздыхнув, я сообразила, что такие пробежки съедают мои драгоценные калории. Позже надо будет восполнить утраченное тортиком.

— Поверить не могу! У меня в квартире мертвый мальчик, а ты ни разу даже словом не обмолвилась.

— Не хотела тебя тревожить. Думаю, он без ума от Эмбер.

— Господи, — выдохнула Куки.

— Послушай, — я схватила ее за куртку, чтобы остановить, — давай доставим твою машину к дому, а потом я со всем разберусь. Нельзя бросать ее там. Кто-нибудь может ее угнать.

Глаза Куки засияли.

— Думаешь? А может, мне вернуться и оставить ключи? Ну, знаешь, чтобы облегчить угонщикам задачу.

— М-мм, кажется, у меня идея.

Загоревшись новой целью, она бросилась к машине. Меня лишь капельку беспокоило ее поведение. В конце концов бежала она в нужном направлении.

— Если не считать того раза, когда я купалась в чем мать родила с членами шахматного клуба, — сказала я, немного запыхавшись, — это была самая напряженная ночь в моей жизни. — Задумавшись, я споткнулась, чуть не упала, чудом осталась на ногах и посмотрела под ноги, что, по идее, стоило сделать до того, как заговорить. — Нет, беру свои слова назад. Самая напряженная ночь у меня была тогда, когда я помогла отцу распутать загадочное дело, связанное со взрывом газа, в котором погибло тридцать два человека. Когда дело было закрыто, все они захотели перейти. В одно и то же время. Все их чувства и эмоции бурлили во мне одновременно. Вся ночь ушла на то, чтобы прийти в себя.

Куки слегка притормозила, но в мою сторону так и не глянула. Не могу ее винить. Надо было давным-давно сказать ей о маленьком мальчике. Несправедливо с моей стороны взять и ошарашить ее такой новостью.

— Если бы не мужчина, который видел, как студент колледжа что-то делает с газовыми трубами, дело бы не раскрыли. А мне было всего семь, — объяснила я, надеясь отвлечь Куки пустой болтовней. — Тогда мне было сложно со всем разобраться. Смотри-ка, твоя тачка в полном порядке, — махнула я в сторону машины.

Она подошла к «таурусу» и, обернувшись ко мне, сказала:

— Прости, Чарли.

Я остановилась с подозрительным видом.

— Собираешься отпустить пошлую шуточку? Мне таких еще в двенадцать лет по горло хватило.

— Я тут вне себя от труп в багажнике...

— Парень, мертвый парень, не труп.

— ... а ты делаешь такие вещи! Эту историю ты мне еще не рассказывала.

— Какую? — спросила я, все еще что-то подозревая. — Ты о взрыве? Так это ерунда. — Я и рассказала ей, только чтобы отвлечь от мертвых людей, из-за которых она с катушек съезжает.

— Ерунда? Да ты как супергерой, только без плаща.

— Ой, как мило. В чем подвох?

Куки усмехнулась:

— Никаких подвохов. Только скажи мне, что в багажнике нет мертвого тела.

Ужасно не хотелось, но я все же взяла ключи и открыла багажник.

— Здесь нет никакого мертвого тела.

— Чарли, можешь не врать. Все нормально.

Я удивленно моргнула. Парня из багажника не было.

— Да нет же, я серьезно, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

Для удобства я сделала несколько шагов назад и наткнулась на что-то холодное и недвижимое. Температура вокруг меня резко упала, и по спине побежали холодные мурашки. Все равно, что войти в морозильную камеру, вот только мне не хотелось тревожить Куки. Снова.

— Нет, — повторила я, пожимая плечами, — мертвого парня там нет.

Со всезнающим видом Куки поджала губы. Я шагнула в сторону и оглянулась, как бы осматривая местность. Краем глаза я изучала высящуюся сбоку от меня башню. Мертвый парень из багажника смотрел прямо на меня и все-таки не видел. Без единой эмоции на лице. Пришлось подавить желание помахать перед ним или щелкнуть пальцами. Ему наверняка не понравится.

— Он стоит рядом с тобой? — спросила Куки.

Видимо, слишком пристально я на него пялилась, раз уж моя лучшая беспечная физиономия не обвела Куки вокруг пальца. Виновато вздохнув, я кивнула.

— Давай же! — Она схватила ключи и бросилась к водительской двери. — Залезай, Чарли, скорее, пока он не вернулся!

— Ага, — протянула я, открывая пассажирскую дверь и залезая внутрь.

Куки до сих пор думает, что от мертвых можно сбежать. Я решила оставить все, как есть, пока она заводила машину и с одержимостью банши выруливала со стоянки. Если, конечно, сравнение с банши удачное.

— Мы от него оторвались? — спросила она.

Меня на части разрывало. С одной стороны, ей нужно знать, понимать, как функционирует другой мир. С другой, меня сжигало желание в целости и сохранности добраться до дома. И чтобы из моей головы или груди не торчали никакие автомобильные запчасти.

— Ну конечно, — соврала я, изо всех сил стараясь не смотреть на нее.

Ситуация напомнила мне, как когда-то в колледже, по пути на занятия я свернула за угол и напоролась на местного эксгибициониста. Что тогда, что сейчас, не смотреть было трудно. Но сейчас, кажется, даже сложнее, потому что мертвый парень из багажника устроился у Куки на коленях.

— Бррр, — поежилась она и включила печку, хотя мы почти въехали на парковку у нашего дома.

Мы поднялись к нашим квартирам. Была половина пятого.

— Я приму душ, а потом разузнаю, что случилось с Джанель Йорк, — заявила Куки. — Может, тебе удастся немножко вздремнуть?

— Кук, — начала я, стараясь незаметно переместиться левее, потому что мертвый парень из багажника уже вторгся в мое личное пространство на расстояние пальца от моей груди. А у меня на груди пунтик. — Я выпила больше трех чашек кофе. Сейчас ничто на свете меня не усыпит.

— Ну хоть попробуй. Я тебя разбужу через пару часов.

— Опять будешь швырять мне в лицо шмотки?

— Нет.

— Ладно, но говорю тебе, я просто не в состоянии снова уснуть.

Если верить цифрам, проснулась я спустя два часа. Почти семь. Как раз хватит времени принять душ, сварить кофе и поглазеть на горячих парней в интернете.

Оказалось, что мертвому парню из багажника тоже срочно понадобилось в душ.

Большая грудь — большая ответственность.

Надпись на футболке

— Знаешь, в миске больше нет места для хлопьев.

Я стояла под душем с такой горячей водой, какую только смогла добыть, и все равно мурашки покрывали каждый сантиметр моего тела. Так обычно и бывает, когда призраки принимают душ вместе со мной. Я заглянула в невидящие глаза мертвого парня из багажника Куки. Грязные, спутанные каштановые волосы до плеч, всклокоченная борода, зеленоватые глаза. Я прямо магнит для подобных типов.

От моего дыхания шел пар и отскакивал от стен. Я с трудом противилась желанию поднять руки вверх и медленно покрутиться в волнах этого пара, прикидываясь океанской богиней. Круто, наверное. Добавить, что ли, драматизма для пущего эффекта?

— Частенько сюда заходишь? — спросила я вместо этого, подшучивая над самой собой. Больше не над кем. Да и хуже не будет.

Конечно, парень не ответил, и я рискнула проверить его плотность, ткнув в него указательным пальцем. Кончик пальца уперся в потрепанное пальто, такое же материальное для меня, как и стены в душе, однако вода, стекавшая с пальца, проходила сквозь парня и капала на пол с другими каплями. Тыканье эффекта не произвело. Невидящие глаза смотрели прямо сквозь меня. Странно. А в багажнике Куки казался таким вменяемым.

Неохотно я запрокинула голову, чтобы смыть с волос кондиционер, но продолжала таращиться на то, как он наблюдает за мной. Если можно так сказать.

— Было у тебя когда-нибудь, чтобы день начался плохо, а закончился еще хуже?

Ясно, он один из тех психов, которые постоянно молчат. Не ответил же. Я задумалась, как давно он умер. Может, он так долго шастает по Земле, что совсем спятил. Как-то я видела такое в кино. Если, конечно, он действительно был при жизни бездомным, то душевная болезнь могла и тогда играть большую роль в его существовании.

Стоило мне выключить воду, он взглянул вверх. Я тоже. Только потому, что так сделал он.

— Что там, здоровяк?

Но, когда я снова опустила взгляд, его и след простыл. Он просто испарился, как это любят делать призраки. Ни тебе «до свидания», ни «на днях увидимся». Исчез и все.

— Давай, парень, покажи им всем, где раки зимуют.

Может, это его надолго отвлечет. Мертвые такие странные люди.

Потянувшись через занавеску за полотенцем, я заметила, как по руке стекают алые капли. Снова глянула на потолок. Там растекалось красное пятно, шире и шире, как лужа крови под кем-то, кто еще мог истекать кровью. Не успела я сказать «Какого х...», как что-то проломило потолок. Кто-то. Большой и тяжелый. И приземлился прямо на меня.

Мы повалились на пол непонятной кучей тел и конечностей. К сожалению, меня расплющило под человеком из закаленной стали, но кое-что я тут же распознала. Я узнала

знакомый жар, как подпись, как предвестник его появления. Пытаясь выбраться из-под самого могущественного существа во вселенной (то есть из-под Рейеса Фэрроу), я осознала, что с ног до головы заляпана кровью. Не своей. Его.

— Рейес, — позвала я, охваченная тревогой. Он был без сознания, одет в пропитанную кровью футболку и джинсы. — Рейес.

Кое-как я обхватила ладонями его голову. Темные волосы были влажными от крови. Широкие царапины пересекали лицо и шею, как будто кто-то пытался разорвать его когтями, но больше всего крови сочилось из смертельно глубоких ран на груди, спине и руках. Он пытался себя защитить, но от чего?

Сердце бешено билось у меня в груди.

— Рейес, прошу тебя...

Я погладила его лицо, ресницы, сейчас темно-красные и слипшиеся от крови. И в тот же миг он открыл глаза. Зарычал. Черный плащ возник из ниоткуда, окутав его, нас. Сильная рука потянулась ко мне и сдавила горло. Через секунду, за которую мое сердце успело сделать всего один удар, меня впечатали в стену, а перед лицом блеснуло острое как бритва лезвие.

— Рейес, — слабо просипела я, уже готовая упасть в обморок, потому что рука на моем горле точно знала, где надавить.

Его я уже не видела, только черноту, плывущую перед глазами, — его развевающийся плащ, являвшийся частью его самого и скрывавший его личность даже от меня. Мир пошел пятнами, завертелся. Я боролась с удушающей, как стальной ошейник, рукой. Хотелось бы верить, что справлялась я неплохо, но ноги мои подкосились, не в состоянии больше выносить вес тела.

Я почувствовала, как он прижался ко мне в тот самый момент, когда затмение уже было неизбежно. Услышала, как он говорит, и голос его, словно дым, клубился вокруг меня:

— Не стой на пути у раненого зверя.

А потом он исчез, гравитация вступила в свои права, и я опять грохнулась на пол, но на этот раз лицом вниз, и какая-то слабая мыслишка на краю сознания подсказывала мне, что все очень-очень хреново.

***

В день, когда я родилась, случилось нечто странное. Как только меня вынули из материнской утробы, меня уже ждала снаружи темная фигура. На нем был плащ с капюшоном. Полы плаща клубились вокруг него, как дым на легком ветру, наполняя всю родильную палату незримым колебанием волн. Лица его я не видела, но знала, что он наблюдал, как доктор перерезал пуповину. Я не чувствовала его пальцев, но знала, что он прикасался ко мне, когда меня обтирали акушерки. Я не слышала его голоса, но знала, что он прошептал мое имя, и звук был глубокий, хриплый.

Он был таким всеильным, что само его присутствие меня ослабляло, сгущало воздух, который с трудом проникал в легкие. Я его боялась. А став старше, поняла, что он вообще единственное, чего я боюсь. В детстве меня никогда не изводили нормальные фобии, что, наверное, хорошо, если вспомнить, что вокруг меня постоянно толпились призраки. Но он

приводил меня в ужас. Хотя и появлялся только тогда, когда в этом была острая необходимость. Он спасал меня, спасал мою жизнь, и не раз. Так почему же он так меня пугал? Почему я окрестила его Злодеем, когда действия его были, ну, не совсем уж злыми?

Наверное, все дело в силе, которую он излучал. Она будто поглощала часть меня, когда он оказывался рядом.

Пятнадцать лет спустя холодной ночью, царившей на улицах Альбукерке, я впервые встретила Рейеса Фэрроу. Мы со старшей сестрой Джеммой собирали материал для школьного проекта, бродя по неблагополучным районам города, когда увидели в окне одного из жилых зданий какое-то движение. С ужасом мы поняли, что какой-то мужчина избивает мальчика-подростка. В тот момент у меня в голове билась только одна мысль — спасти его. Как угодно. В отчаянии я запустила в окно кирпичом. Это сработало. Мужик перестал бить парня. Но, к сожалению, заметил нас. Мы бросились по темному переулку в поисках прохода в проволочной изгороди и внезапно поняли, что парню тоже удалось сбежать — он стоял на четвереньках позади дома.

Мы вернулись. По его лицу текла кровь, капала из уголка невообразимого рта. Мы узнали, что его зовут Рейес, и пытались ему помочь, но он отказался от помощи, даже угрожал, лишь бы мы ушли. Тогда я впервые поняла, что мужчины не в ладах с логикой. Однако из-за того случая я не очень удивилась, недавно узнав, что последние десять лет Рейес провел за решеткой за убийство того самого мужика.

Это лишь один среди множества фактов о Рейесе, которые мне удалось собрать. Не самое последнее место в этом списке занимает то, что Рейес и Злодей, темное существо, которое следило за мной со дня моего рождения, одно и то же лицо. Он и был тем, кто снова и снова спасал мне жизнь. Тем, кто следил за мной под покровом теней, кто сам был тенью, и кто защищал меня издали. Тем, кого я больше всего боялась, пока росла. Черт возьми, он вообще был единственным, чего я боялась, пока росла.

Принять то, что дымчатое существо из моего детства на самом деле человек из плоти и крови, было нелегко. Больше скажу — ошеломительно. Получалось, что он может покидать свое физическое тело и путешествовать сквозь пространство и время в бестелесном виде. Может испаряться в одну секунду. Может в мгновение ока вынуть меч и перерубить человеческий позвоночник. Может растопить полярные ледники одним только взглядом из-под темных ресниц.

Однако каждое открытие только порождало все больше и больше вопросов. Всего неделю назад я узнала, откуда у него все эти сверхъестественные способности. Я заглянула в его мир, когда его пальцы гладили мою руку, губы огнем опаляли мою кожу, а сам он тонул во мне. Ослепительный оргазм снес замок на его прошлом и приоткрыл завесу в его мир. Перед моими глазами разворачивалось рождение вселенной, когда его отца — его настоящего отца, самого прекрасного из когда-либо созданных ангела — низвергли с небес. Люцифер продолжал бороться, армия его ширилась, и тогда, после горячей схватки, родился Рейес из раскаленной сердцевины сверхновой звезды. Быстро добившись высокого положения, он стал почитаемым лидером. Второй после отца, он командовал миллионами солдат, был полководцем злодеев. Он превосходил своего отца в красоте и силе, и на теле его был запечатлен ключ от врат ада.

Но его отец так и не смирил своей гордыни. Он хотел вернуться на небеса. Хотел подчинить себе все живое во вселенной. Хотел занять престол Господа.

Рейес выполнял все отцовские приказы, следил, ждал, когда на Земле родится портал —

прямой путь в рай, способ вырваться из ада. Искусный и безупречный в своей хитрости охотник, он снова и снова находил возможности пройти сквозь ворота подземного мира и отыскивал порталы в самых отдаленных уголках вселенной — тысячи огней, одинаковых по форме и образу. Тысячи ангелов смерти, ждущих высокой чести служить на Земле.

Но Рейес внимательно присматривался и наконец разглядел один из этих огней, сотканный из чистого золота. Увидел дочь солнца, сияющую и блестящую. Меня. Я обернулась, заметила его и улыбнулась. И Рейес пропал.

Он послушался приказов отца, не вернулся в ад и не рассказал о том, где мы. Веками он ждал, когда меня пошлют на Землю, и сам родился на Земле, отрекшись от всего, что знал. Потому что в день, когда он родился человеком, он забыл, кем и чем был на самом деле. И, что еще важнее, он забыл, на что способен. Он бросил все, чтобы быть со мной. Но жестокий поворот судьбы направил его в лапы монстра, и Рейес рос, подчиняясь любой прихоти самого худшего на свете хищника. Постепенно к нему возвращались воспоминания о прошлом. О том, кто он такой. Но к тому времени его уже посадили в тюрьму за убийство человека, который его вырастил.

***

Я очнулась на полу ванны и резко выпрямилась. Твердая скользкая поверхность — она и в Африке твердая и скользкая. Руки разъехались подо мной, и я опять шмякнулась. Больно шмякнулась. Второй раз я уже так не торопилась и, оглядываясь в поисках Рейеса, мысленно клялась самой себе обязательно купить резиновый коврик или что там кладут на дно ванны, чтобы не было скользко.

Крови не было. Никаких следов борьбы. Как и Рейеса. Что с ним случилось? Почему он был так сильно ранен? Я боролась с его образом перед глазами, потому что от него становилось плохо и тошнило. А потом вспомнила, что он мне сказал. «Не стой на пути у раненого зверя». Только сказал он это на арамейском — одном из тысяч языков, известных мне с рождения. И голос его был переполненным болью, низким рычанием. Я обязана его найти.

Затолкав себя в джинсы и свитер, я обулась и завязала волосы в хвост. У меня куча вопросов. И куча забот. Последний месяц Рейес был в коме. Его подстрелил тюремный охранник, собиравшийся дать предупредительный выстрел по кучке дерущихся заключенных, которые, похоже, затевали бунт. В день, когда власти собирались отключить его от аппарата искусственного жизнеобеспечения, Рейес неким волшебным образом очнулся и дал деру из больницы для хроников в Санта-Фе, как будто ему плевать на заботы суетного мира. Это случилось неделю назад, и никто с тех пор ничего о нем не слышал. Даже я. До сегодняшнего дня.

Жив ли он сейчас? Кто на него напал? И кому вообще это по силам? Он же сын Сатаны, как-никак. Кому придет в голову с ним связываться? Есть у меня парочка источников информации, которые стоит проверить, но, когда я выходила из квартиры, зазвонил телефон.

— Выкладывай быстрее, — сказала я в трубку.

— Ладно. Здесь двое мужчин из ФБР, — выпалила Куки. Быстро.

Вот дерьмо.

— У нас в офисе люди в черном?

— Ну да, но скорее в темно-синем.

Гадство. Нет у меня времени на мужчин. В одежде любого цвета.

— Ладно, два вопроса. Они в бешенстве? И они обалденные?

После долгой-долгой паузы Куки подала голос:

— Во-первых, не думаю. Во-вторых, никаких комментариев. И в-третьих, ты на громкой связи.

Повисла еще одна долгая-долгая пауза, и я сказала:

— Ну и ладненько. Я мигом.

Я бы сама положила трубку, не сделай этого за меня длинная рука. У меня за спиной стоял Рейес. Жар, повсюду следовавший за ним, проник под одежду и пропитал меня теплом. Он придвинулся ближе, прижался к моей спине всем телом. В ответ на его близость меня накрыло волной адреналина, а когда он наклонил голову, согревая дыханием мою щеку, ноги меня чуть не подвели.

— Ты приятная добыча, Датч, — мягко проговорил он, и его голос лаской прошел по мне.

Прилив восторга пронесся по моему позвоночнику и расплескался в животе. Рейес называет меня Датч с самого рождения, а я так и не узнала почему. Он как пустыня, прекрасная и непреклонная, суровая и неумолимая, обещающая сокровища за каждой дюной, манящая прохладой воды, сокрытой в ее недрах.

Я развернулась к нему лицом, но он явно не собирался уступать мне ни сантиметра завоеванного пространства. Пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него, впитать его. Темные волосы вились над ухом, и несколько спутанных прядей спадали на лоб. Ресницы — такие густые, что он всегда выглядит так, будто только что проснулся, — затеняли бездонные омуты карих глаз. И все же я заметила в них озорные искорки. Его взгляд медленно спускался по мне, задержался на моих губах, скользнул ниже к ложбинке между Угрозой и Уилл Робинсон, затем поднялся и встретился с моим взглядом. И в то мгновение я поняла истинное значение совершенства.

— Выглядишь лучше, — еле слышно сказала я. Страшные, возможно, смертельные раны исчезли все до единой. От облегчения вперемишку с беспокойством у меня закружилась голова.

Приподняв мой подбородок, он погладил пальцами мою шею, слегка опухшую после его кратковременного помешательства в душе. Что тут скажешь, у него мертвая хватка.

— Прости за это.

— Объяснить не потрудишься?

Он опустил голову.

— Я думал, это не ты.

— А кто?

Вместо ответа он прижался кончиками пальцев к пульсу у меня на шее, словно упиваясь тем, что чувствует его — доказательство жизни, текущей по моим венам.

— Демоны, о которых ты мне говорил? — спросила я.

— Да. — Он сказал это так буднично, так небрежно, будто демоны регулярно пытаются свести с ним счеты.

Только на прошлой неделе, когда я узнала, кто он на самом деле такой, он рассказал мне о них. Сказал, что они охотятся за мной. Но, чтобы добраться до меня, им придется

сначала иметь дело с ним. Я-то думала, он не всерьез. Очевидно, я ошибалась.

— Они тебя... — Я не смогла договорить и тяжело сглотнула. — Ты в порядке?

— Без сознания, — ответил он и, облизнув нижнюю губу, придвинулся еще ближе.

В животе у меня что-то перевернулось, но только из-за языка, конечно же.

— Без сознания? Что это значит?

Он положил ладони на стойку с обеих сторон от меня, заключив меня в ловушку мускулистых рук.

— Это значит, я не могу проснуться, — отозвался он, а через секунду уже покусывал мочку моего уха. Я вся покрылась мурашками.

Глубокий голос отражался от моих костей, превращал их в жижу, выворачивал наизнанку. Изо всех сил я пыталась сосредоточиться на его словах, а не на вихре чувств и ощущений, рождаемых каждым слогом, каждым прикосновением. Он как героин в шоколаде, а я — давно подсевший наркоман.

Он уже был внутри меня. Я уже заглядывала на небеса на одно короткое мгновение, и этот опыт был таким фантастическим, таким значительным, что я уверена: он снял меня с повестки дня для всех остальных мужчин на планете. Ну серьезно, кто может соперничать с тем, кто создан из красоты и греха, сплавленных вместе обжигающим жаром чувственности? Он же бог среди мужчин. Проклятье.

— Почему ты не можешь проснуться? — спросила я, пытаюсь вернуть мысли в нужное русло. — Рейес, что случилось?

Он был занят прокладыванием дорожки из поцелуев и покусываний к моей ключице, и его горячий рот вызывал сейсмическую активность каждым прикосновением.

Честно, я не люблю вмешиваться, но...

— Рейес, ты меня слушаешь?

Он поднял голову. Чувственная улыбка играла в уголках его губ, когда он ответил:

— Слушаю.

— Что ты слушаешь? Как кровь приливает к твоим нижним отделам?

— Нет, — отозвался он с хриплым смешком, от которого у меня закололо во всех местах. — Слушаю, как стучит твое сердце, — и снова наклонился ко мне, возобновив свою воздушную атаку.

— Я серьезно, Рейес. Как тебя ранили?

— Мучительно, — шепнул он мне на ухо.

Грудь болезненно сдавило от его ответа.

— Тайм-аут, — сказала я, хватая за запястье руку, которая творила невероятные вещи с местами, благодаря которым меня смело можно причислить к женскому племени.

Он вывернул руку и переплел свои пальцы с моими.

— Ты объявляешь мне тайм-аут?

— Да, — прерывисто выдохнула я.

— А если не соглашусь, ты меня отшлепаешь?

Я рассмеялась — не смогла удержаться, а успокоившись, попыталась быть убедительной:

— Нам нужно поговорить, Рейес.

— Так говори, — сказал он, поглаживая пальцем мое запястье.

Я ткнула его в плечо указательным пальцем и надавила.

— Дай-ка я перефразирую. Тебе нужно со мной поговорить. Расскажи мне, пожалуйста,

что случилось. Почему ты без сознания?

Вздыхнув, он отстранился от меня, и карие глаза встретились с моими.

— На прошлой неделе я тебе говорил, что они меня нашли.

— Демоны.

— Да.

— Что им нужно?

— То же, что и мне. — Взгляд его блуждал по моему телу. — Но, полагаю, мотивы у нас очень разные.

Раньше он мне говорил, что им нужна я в качестве портала, через который можно попасть на небеса. Но я понятия не имела, что они так далеко зайдут.

— Ты все еще жив?

— Мое материальное тело как твое. Его сложно убить. Сложнее, чем большинство человеческих тел.

Облегчение затопило каждую клеточку моего организма, и я глубоко вздохнула:

— Расскажи мне, что происходит. И поточнее.

— Поточнее. Ладно. Они ждут, когда случится одно из двух.

— А именно?

— Когда умрет мое тело, чтобы они могли забрать меня обратно в ад, или когда ты меня разыщешь. Первое даст им доступ к ключу, — пояснил он, кивком указав на гладкие, плавные линии своей татуировки. Удивительно, но татуировка — это карта к вратам ада. Без нее рискованное путешествие по вечной пустоши редко заканчивается хорошо для любого, кто рискнет сбежать. — Второе подарит путь к небесам. — Он в упор посмотрел мне в глаза. — И то, и другое чрезвычайно их осчастливит.

— Тогда скажи мне, где твоя физическая форма, чтобы мы могли... ну, не знаю, спрятать тебя.

Он с сожалением покачал головой:

— Боюсь, не могу.

Я сдвинула брови.

— Что значит не можешь? Где ты, Рейес?

Лишенная всякого юмора усмешка тронула уголок его рта.

— В безопасном месте.

— Ты в безопасности от демонов? — спросила я, исполненная надежды.

— Нет, — ответил он. — Ты в безопасности от демонов.

Когда он снова наклонился к моей шее, я отшатнулась.

— Выходит, они знают, где ты? Они пытаются тебя убить?

То, что он говорил, похоже на мой самый страшный кошмар. Я, раненая и беспомощная, непонятно где, с психом, который пытается меня убить. Разумеется, мне ни разу не снился маньяк-демон, но теперь, когда исходный материал изменился, мой регулярный ночной кошмар непременно обновит свое программное обеспечение под стать новой угрозе. Расчудесно.

С громким вздохом он опустился на стул за моим компьютерным столом, закинул на него ноги и скрестил их.

— Нам действительно надо сейчас этим заниматься? У меня может не быть много времени.

Сердце екнуло. Сколько же у него времени? Сколько времени у нас? В кухне у меня нет

ни стола, ни стульев, зато есть барная стойка и пара табуретов. Я села на один из них и повернулась к Рейесу.

— Почему ты не говоришь мне, где ты?

— Причин хоть отбавляй.

Его взгляд скользил по мне, обжигая. Одним только взглядом он может разжечь во мне самые потаенные желания. Здесь и сейчас я решила больше никогда не читать любовные романы при свечах.

— Сам расскажешь, что это за причины, или мне догадаться?

— Поскольку я не могу остаться на весь день, то расскажу.

— Ну хоть в чем-то мы согласны.

— Первая причина заключается в том, что это ловушка, Датч. Расставленная для тебя и только для тебя. Почему, по-твоему, они до сих пор меня не убили? Они хотят, чтобы ты меня искала, чтобы нашла меня. Помни: ты не видишь их — они не видят тебя.

Он и раньше что-то такое говорил, но это туго до меня доходит. Не говоря уже о том, что очень и очень беспокоит.

— А если я их увижу? — спросила я.

Рейес еще раз прошелся по мне взглядом.

— Скажем так, тебя трудно не заметить.

— Значит, сделаем все по-тихому. Как «морские котики» или спецназ полиции.

— Не выйдет.

— Меня это не устраивает. — Я сжала кулаки. — Мы должны попытаться. Нельзя просто так дать им тебя убить.

— Ты еще не слышала второй причины.

Нехорошее у меня предчувствие.

— Ладно, — я скрестила на груди руки, — выкладывай.

— Тебе не понравится.

— Я большая девочка, — сказала я, задрав нос. — Справлюсь.

— Согласен, справедливо. Я намерен дать моему телу умереть.

Каждый мускул в моем теле застыл.

— Оно мне не так уж и нужно, — продолжал Рейес, безразлично пожав плечами. — Замедляет меня и делает, как сама видишь, уязвимым для нападения.

— Но там, в палате, когда ты вышел из комы, ты испарился. Дематериализовался в человеческом теле.

— Датч. — Он с укором посмотрел на меня из-под темных ресниц. — Даже я на такое не способен.

— Тогда как ты испарился? Я видела запись.

— Я могу вмешаться в работу электронных устройств в любой момент по собственному желанию. И ты можешь, если сосредоточишься.

А я и понятия не имела.

— Но я считала, что...

— Ты ошибалась, — перебил он непререкаемым тоном. Он такой вспыльчивый, когда его пытаются.

— Ну и ладно, пусть я ошибалась. Но только потому, что к сверхъестественным созданиям не прилагают инструкцию по применению.

— Верно.

— Но это не причина, чтобы дать умереть твоему материальному телу. Что тогда с тобой будет? Ты только что сказал, что они заберут тебя обратно в ад.

— Даже им точно неизвестно, получится забрать меня в ад или нет. Они лишь надеются, что да. Полагаю, есть только один способ узнать наверняка, — сказал он и с вызовом приподнял брови.

— Минуточку. Так ты не знаешь, что произойдет? Не знаешь, смогут ли они тебя забрать?

Рейес пожал плечами:

— Понятия не имею. Но это сомнительно.

— А если все-таки смогут? Если отправят тебя обратно?

— Это вряд ли случится, — настаивал он. — Кто сможет меня куда-то отправить?

— Господи, поверить не могу, что ты готов так рисковать.

— Больше риска — жить здесь, на Земле, Датч, — сказал Рейес. Судя по голосу, он начинал злиться. — И именно так рисковать я больше не желаю.

— Больше риска для кого?

— Для тебя.

Ответ расстроил меня еще больше.

— Не понимаю. Почему для меня-то?

Обеими руками он провел по темным волосам, еще сильнее, еще сексуальнее взлохматив их. Мне пришлось потратить время, чтобы вернуться мыслями к теме разговора.

— Они демоны, Датч. И в этой вселенной есть только одна вещь, которая им нужна больше, чем человеческие души.

— Буррито на завтрак из «Мачо Тако»?

Он поднялся, подошел и угрожающе навис надо мной.

— Им нужна ты. Им нужен портал. Знаешь, что произойдет, если они тебя найдут?

Я прикусила губу и пожала одним плечом:

— У них будет проход на небеса.

— Я не могу позволить этому случиться.

— Ну да, — грустно сказала я, — я и забыла. Тебе придется меня убить.

Рейес сделал еще шаг ко мне и проговорил, понизив голос:

— И я это сделаю, Датч. Моргнуть не успеешь.

Класс. Приятно знать, что он прикрывает мне спину.

— Тебе больно? — поинтересовался он, пальцами приподнимая мой подбородок.

— Прекрати меня читать, — огрызнулась я.

— Я не могу читать твои мысли. Я, как и ты, читаю эмоции, чувства. А тебе сейчас больно.

— Как вообще демон может найти дорогу в это измерение? — спросила я, отталкивая его. Потом встала и принялась мерить шагами комнату. Рейес вернулся на свое место и опять закинул ноги на стол. Я впервые заметила его обувь. Ботинки были черные, наполовину ковбойские, наполовину байкерские. Мне понравились. — Я думала, что пройти через ворота практически невозможно.

— Так и есть, практически невозможно. Но время от времени кому-то удастся осилить пустошь и найти в лабиринте путь. Это рискованно, и редко кто добивается успеха. Большинство пропадает в вечном забвении.

Он подвигал мышкой, и мой компьютер ожил. А это значит, что на экран выплыли мои

обои. То есть фотография Рейеса в профиль и анфас из личного дела. Единственная, которая у меня есть. Он помрачнел.

Пришлось подавить желание спрятаться под табуретом. Все равно меня оттуда будет видно.

— Так о чем мы?

Он снова повернулся ко мне:

— Если какому-то демону чудом удастся пройти через врата, он все равно не может оказаться здесь. Нужно увязаться за душой новорожденного. Это единственный способ попасть в это измерение. То самое, в котором находимся мы с тобой, — напомнил он.

— Но ведь ты такого не делал, когда сбежал из ада. Ты ни за кем не увязывался.

— Я другой. Сбежав из ада, я мог перемещаться между измерениями так же легко, как ты проходишь через двери.

— Но как?

— Просто, — уклончиво ответил Рейес. — Меня создали другим. И не без причины. Когда падших свергли с небес, их изгнали и из света. Поэтому им был нужен я. Инструмент. Средство со всем этим покончить. Но родиться на Земле, очевидно, не самое мудрое мое решение. Материальное тело делает меня уязвимым и должно быть уничтожено. Как вещественное доказательство существования сокрытого ключа.

Карта ада, она же ключ, была выгравирована на теле Рейеса при создании. Когда он родился на Земле, ключ проявился и на его человеческом теле. Интересно, что подумали его родители. И врачи. Татуировка у новорожденного. Наверняка я не знаю, но, по всей видимости, эта татуировка и является для Сатаны способом сбежать из ада. Правда, он не хотел никуда сбегать, не хотел подставлять себя под угрозу, пока не родится портал. Поэтому послал своего сына, который должен был ждать, когда это произойдет. Предполагалось, что Рейес вернет Сатану с его армией на небеса в тот самый миг, когда я появлюсь на свет. А вместо этого он сам родился на Земле. Чтобы быть со мной. Чтобы вырасти рядом со мной. Но его похитили у родных родителей задолго до того, как мечта могла осуществиться.

— Если демоны вернутся обратно в ад, — продолжал Рейес, — у них будет ключ, и мой отец сможет сбежать. И именно так он и поступит. — Он откинулся на спинку стула и завел руки за голову. — Ты знаешь, что люди пророчили о конце света практически с начала времен?

— Да, — ответила я, в глубине души зная, что окончание этого анекдота веселым не будет.

— Они понятия не имеют, какой их ждет ад, если мой отец доберется до ключа. — Рейес опустил руки и наклонился вперед. — И первое, что он сделает, — придет за тобой.

— Да мне плевать.

Он недоверчиво нахмурился.

— Ничего подобного.

— Ладно, ты прав. Но ты не можешь дать своему телу умереть. Мы не знаем, что тогда произойдет. Так или иначе, они могут придумать, как до тебя добраться.

— Скажем так, чтобы больше не спорить, — демоны уже не представляют угрозы. Ты всех их можешь уничтожить.

— Я?

— К тому же остается еще одна проблема — жизнь за решеткой. Я не вернусь в тюрьму,

Датч.

Что? Неужели его это беспокоит?

— Не понимаю. Ты в любой момент можешь выйти из тела. Никакие решетки не способны тебя удержать.

— Не все так просто.

Опять эти увертки. Он снова чего-то не договаривает.

— Прошу тебя, Рейес, расскажи мне.

— Это не важно. — Он протянул руку и выключил монитор, словно тот его достал.

— Рейес, — я коснулась его руки, терпеливо ожидая продолжения, — почему все не так просто?

Он поиграл желваками, уставившись на свои ботинки.

— Есть... побочный эффект.

— Когда ты покидаешь тело?

— Да. Когда я так делаю, тело приходит в состояние, близкое к апоплексическому удару. Если я часто его покидаю, тюремные врачи садят меня на лекарства, чтобы предотвратить подобное. И у лекарств имеется неприемлемый побочный эффект. — Он снова посмотрел мне в глаза. — Они не дают мне покинуть тело, и ты остаешься совершенно уязвимой.

Вот даже как.

— Тогда оставайся в бегах. Я тебе помогу. Но сейчас дай мне шанс помочь тебе с медицинской точки зрения. У меня есть друг, доктор, и я знакома с парочкой медсестер. Если я попрошу, они за тобой присмотрят. Они нас не предадут, обещаю. Позволь мне найти тебя, а о тюрьме будем беспокоиться потом.

— Если меня найдешь ты, то и он тоже. Тогда я вернусь в тюрьму, и никакие твои знакомства этому не помешают.

Ну что ж такое?

— Кто тебя найдет?

— Парень, которого твой дядя посадил тебе на хвост.

Это застало меня врасплох.

— Дядя Боб установил за мной слежку? — потрясенно спросила я.

— Разве как детектив ты не должна замечать такие вещи? — весело поддразнил меня Рейес и хитро подмигнул.

— Ты меняешь тему, — пожурела я, пытаясь прийти в себя после подмигивания.

— Извини. — Веселье как ветром сдуло. — Значит, ты хочешь, чтобы я остался в живых, потому что существует крошечная вероятность, что меня вернут в ад. В этом все дело?

— Рейес, ты оттуда сбежал. На твоём теле — карта к воротам ада, ключ к свободе, а ты взял и сделал ноги, прихватив карту с собой. Ты был их полководцем, их самым могучим воином, и ты их предал. Что, по-твоему, с тобой будет, если тебя вернут обратно? Я уже молчу о том, что, если ты вернешься, у твоего папочки, который, между прочим, сам Сатана, в руках окажется ключ к свободе.

— Если.

— Такое «если» слишком опасно. Ад страшен и без того, чтобы люди увидели его собственными глазами. И рисковать тем, что Сатана может вырваться на волю? — Я скрестила на груди руки. — Скажи мне, где ты.

— Датч, тебе нельзя приходить за мной. Даже если ты сможешь всех их уничтожить...

— Почему ты все время это говоришь? — спросила я, начиная раздражаться. — Я яркий свет, приманка для умерших. Они находят меня и могут перейти. Если подумать, я как электромухобойка^[3]. И я совершенно уверена, что мочить демонов не входит в список моих служебных обязанностей.

По красивому лицу Рейеса скользнула ласковая улыбка, от которой мои ноги тут же сделались ватными.

— Если бы ты хотя бы подозревала, на что способна, мир стал бы по-настоящему опасным.

Не первый раз я это слышу. Причем в такой же размытой формулировке.

— Ну ладно, тогда почему ты мне сам не скажешь? — спросила я, прекрасно зная, что он не станет ничего говорить.

— Если я расскажу, на что ты способна, у тебя появится преимущество. Так рисковать я не могу.

— Да что такого я могу тебе сделать?

С рычанием он вскочил на ноги и потянул меня к себе.

— Господи, ну и вопросы ты задаешь, Датч.

Длинные пальцы обвили мою шею и приподняли подбородок за секунду до того, как его губы накрыли мои. В одно мгновение поцелуй из неуверенного превратился в требовательный. Его язык проскользнул в мой рот, а я упивалась его вкусом, его земным запахом. Я прильнула к нему, запрокинув голову, чтобы он смог целовать меня глубже, и изо всех сил вцепилась в его широкие плечи.

Одна его рука лежала у меня на затылке, другой Рейес прижимал меня к себе, наступая на меня, пока я не наткнулась спиной на стену. Одной рукой он перехватил обе мои и прижал к стене у меня над головой, пока другая рука блуждала по мне. Ладонь накрыла Угрозу, пальцы терли сосок, пока он не набух. Против воли с моих губ сорвался тихий стон.

Усмехнувшись, Рейес наклонил голову и прижался теплым ртом к пульсирующей жилке у меня на шее. В животе завихрилась расплавленная лава, посылая чувственные удары по всему телу. Честное слово, я пыталась его остановить. Это же просто смешно. Моя неспособность контролировать себя во всем, что касается Рейеса, почти прискорбна. Ну и что, что он сын Сатаны и, согласно моим сведениям, самое прекрасное существо, которое когда-либо бродило небесными тропами? Ну и что, что он создан из тысяч раскаленных звезд? Ну и что, что он превращает в желе мои кишки?

Надо сосредоточиться. И желательно не на мужских частях тела Рейеса.

— погоди, — выдавила я, пока его язык творил нечто, от чего меня трясло с ног до головы. — Мне надо тебя честно предупредить.

— Неужели?

Он отстранился и окинул меня ленивым чувственным взглядом.

— Я не позволю твоему телу умереть.

— Собираешься меня остановить? — скептически поинтересовался он.

Я оттолкнула его, взяла сумку и направилась к двери. Перед тем, как запереть ее за собой, я обернулась и посмотрела на Рейеса.

— Я тебя найду.

Если у ЭТОГО есть шины или яйца, жди беды.

Наклейка на бампер

Я закрыла за собой дверь. У меня в квартире остался, на минуточку, сын Сатаны. Один. Злой. И скорее всего сексуально не удовлетворенный. У меня в мозгу фонила надоедливая, но обнадеживающая мысль, что не я его разозлила. Не хотелось бы доставать свою любимую холостяцкую подушку из огня под адской сковородкой.

Но ей-богу, он же ведет себя по-дурацки! Совершенно по-дурацки. Вспомнилось, как в начальной школе моя тогдашняя лучшая подружка сказала мне: «Все мальчишки противные, поэтому надо бросаться в них камнями».

Я шагала по парковке, надеясь, что холодный ветер остудит пробужденное желание, от которого тряслись коленки. Потом прошла через папин бар к внутренней лестнице. Как и дядя Боб, папа был копом. Они оба добивались повышения за повышением, пока обоих не назначили детективами. Естественно, без моей помощи не обошлось. Я раскрывала для них преступления с пяти лет. Хотя «раскрывала», наверное, слишком громко сказано. С пяти лет я передавала им информацию от умерших. Вот, уже лучше. Дядя по-прежнему получал жалованье копа, а папа несколько лет назад вышел на пенсию и купил бар, по которому я только что прошла. Мой офис — на втором этаже. А еще я живу в метре от черного хода. Что очень и очень удобно.

Папа пришел пораньше. Из его кабинета в темный зал сочился свет. Я обошла высокие круглые столы, завернула за стойку и сунула в кабинет голову:

— Привет, пап.

От неожиданности он дернулся и повернулся ко мне. Оказывается, он смотрел на фотографию, висевшую на дальней стене. Его длинная худая фигура напоминала палочку от фруктового мороженого, одежда была мятой и висела на нем, словно была не по размеру. Понятно. Работал всю ночь. На столе стояла початая бутылка «Краун Рояла»^[4], а в руке папа держал почти пустой бокал.

Эмоции, которые он излучал, застали меня врасплох. Не знаю, как объяснить, но что-то в них было неправильное. Как тогда, когда официантка принесла мне чай со льдом вместо заказанной диетической колы. Не обратив внимания, я сделала первый глоток, и вся моя нервная система пошатнулась от неожиданного вкуса. Вот и у папы сейчас как будто был другой, непривычный, неожиданный вкус. Глубокая тоска вперемишку с чувством подавляющей безнадежности. Мне даже дышать стало тяжело. Я выпрямилась, борясь с затапливающей меня по макушку тревогой.

— Что случилось, пап?

Он вымучил улыбку и солгал:

— Ничего, милая, просто куча документов, с которыми надо разобраться.

Я слышала ложь, как фальшивую ноту в стройном ладу. Но решила подыграть. Если он не хочет говорить мне, что его беспокоит, я не стану ничего выуживать. Пока что.

— Ты был дома? — спросила я.

Папа поставил бокал и снял со спинки стула коричневую куртку.

— Как раз собирался. Тебе что-нибудь нужно?

Боже мой, он просто ужасный лжец. Наверное, у меня это от него.

— Не-а, все в порядке. Передай от меня привет Дениз.

— Чарли, — предостерегающим тоном произнес он.

— Что? Нельзя уже передать привет любимой мачехе?

Устало вздохнув, он набросил куртку.

— Надо принять душ, пока не хлынет обеденная толпа. Если хочешь позавтракать, скоро придет Сэмми.

Сэмми — папин повар — так готовит яйца по-деревенски (в меню — хуэвос ранчерос), что убить за них можно.

— Я могу перекусить и попозже.

Папа определенно спешил отсюда уйти. Или, может быть, оказаться подальше от меня. Он проскользнул мимо меня, даже не взглянув. Отчаяние обволакивало его, как густой смолистый пар.

— Вернусь через пару часов, — сказал он напоследок с таким же весельем, с каким пациент психушки готовится наложить на себя руки.

— Ладненько, — отозвалась я так же «весело».

Папа пах лимонно-медовым сиропом от кашля. Этим запахом пропитался весь кабинет. Когда папа ушел, я шагнула внутрь и глянула на снимок, который он рассматривал. Это была моя фотография, сделанная, когда мне было лет шесть. На фотке у меня кудрявая челка, нет обоих передних зубов, и все равно я как-то ем арбуз. С пальцев и подбородка стекает сок. Но мое внимание (и, очевидно, папино) привлекла темная тень прямо за моим плечом. Отпечаток пальца на стекле свидетельствовал о том, что именно это пятно он и изучал до моего появления.

Я перевела взгляд на книжную полку, прибитую к стене под папиным коллажем смешных моментов из семейной жизни. На полке стояло несколько моих фотографий. На заднем плане каждой из них виднелась тень. И на стеклах над каждым таким пятном были заметны отпечатки пальцев. Что пытался сделать папа? И что это за тень? Я лично понятия не имею. Может, это побочный продукт того, что я ангел смерти? Или, может быть, это Рейес? Если присмотреться, то, кажется, можно разглядеть его темный плащ. Мысль меня заинтриговала. Пока я росла, он показывался всего несколько раз. А вдруг он был рядом чаще, чем мне казалось? Присматривал за мной? Защищал?

***

Когда я пришла в офис, меня, ясное дело, уже ждали двое мужчин в темно-синих костюмах с иголки. Они встали и по очереди протянули мне руки.

— Мисс Дэвидсон, — поздоровался первый и показал мне удостоверение, после чего засунул его во внутренний карман пиджака.

Прямо как по телику. Обалденно круто. Срочно надо обзавестись пиджаком с внутренним карманом, если я хочу, чтобы меня хоть когда-нибудь стали принимать всерьез.

Свое ламинированное удостоверение частного детектива я обычно ношу в заднем кармане джинсов, поэтому оно давным-давно мятое, пошло трещинами и вообще все сплошь искалеченное.

Второй агент проделал ту же процедуру — одной рукой пожал мне руку, одновременно второй демонстрируя удостоверение. Надо же, как спелись эти двое. И похожи, как братья. Один, правда, явно старше другого, но у обоих волнистые светлые волосы и ясные голубые глаза, которые в любой другой ситуации не показались бы мне такими жуткими, как сейчас.

— Я агент Фостер, — сказал первый, — а это специальный агент Пауэрс. Мы расследуем исчезновение Мими Джейкобс.

Как только он упомянул Мими, Куки опрокинула подставку для карандашей. И все бы ничего, не попытайся она подхватить подставку, сбив в процессе лампу со стола. Пока карандаши и остальные канцтовары катались по столу, лампа с треском ударилась о переднюю стенку стола, когда Куки остановила ее полет на полпути от пола, дернув за шнур. Отреагировав на звук, она потянула сильнее, лампа подпрыгнула и вписалась в заднюю часть монитора, по пути сбив керамическую собачку, которую Эмбер подарила Куки на Рождество.

Никто ничего и не заметил, правда?

После пятиминутного трейлера к фильму «Молодые и склонные к несчастным случаям» (все, теперь я месяцами буду смеяться до слез, вспоминая об этом), я повернулась к гостям.

— Пройдете ко мне в кабинет?

— Разумеется, — ответил агент Фостер, глядя на Куки так, будто ей давно пора в заведение с мягкими стенами.

Показывая дорогу, я исподтишка бросила на нее свой лучший взгляд из категории скептических. Она опустила глаза. К счастью, керамическая псина упала в мусорную корзину на стопку бумаг и не разбилась. Куки вытащила фигурку, тщательно стараясь никуда больше не смотреть.

Гости устроились напротив моего стола.

— Мне очень жаль, но не думаю, что когда-либо слышала имя Мими Джейкобс, — сказала я, наливая себе кофе.

Куки спец по свежему кофе и теплым объятиям. Или по теплоте кофе и свежим объятиям. Как по мне, и так, и так замечательно.

— Вы уверены? — спросил Фостер.

Похоже, он из молодых и задиристых. Не самый мой любимый тип, но я приложила максимум усилий, чтобы не заикливаться на первом впечатлении.

— Она исчезла почти неделю назад, — продолжал Фостер, — и единственное, что нашли у нее на столе, — это блокнот, в котором записаны ваше имя и номер.

Наверное, Мими записала их, когда говорила с Куки. Помешивая кофе, я повернулась к гостям. Глаза мои были невинными, как у лани.

— Если Мими Джейкобс пропала почти неделю назад, почему вы пришли ко мне только сейчас?

Тот, что постарше, Пауэрс, тут же взбесился. Наверное, потому, что я ответила вопросом на вопрос. Он определенно привык на свои вопросы получать ответы. Глупый кролик.

— Мы не придавали записи в блокноте большого значения, пока не выяснили, что вы частный детектив. Подумали, что она могла вас нанять.

— Для чего? — забросила я удочку.

Пауэрс поерзал на своем стуле.

— Мы пришли, чтобы это выяснить.

— Так у нее были проблемы? Может быть, в компании, на которую она работала?

Мужчины переглянулись. В любой другой ситуации я бы уже вопила «Эврика!», но сейчас чувствовала себя так, будто только что преподнесла им на блюде с голубой каемочкой идеального козла отпущения. Им определенно было известно больше, чем они собирались мне рассказать. То есть вряд ли они вообще собирались что-то рассказывать.

— Мы уже рассмотрели этот вариант, мисс Дэвидсон, и будем благодарны, если эта информация останется между нами.

Значит, дело не в компании. Одна возможность отпала, на повестке дня — еще двадцать семь тысяч.

Видимо, удовлетворив свое любопытство, оба встали. Фостер вручил мне свою визитку.

— Мы вынуждены настаивать, чтобы вы связались с нами, если она попытается как-то на вас выйти. — В его голосе звучал слабый намек на угрозу.

— Разумеется, — ответила я, пытаюсь не рассмеяться, пока провожала их из кабинета. У двери, отделявшей вотчину Куки от моей, я остановилась. — Мне жаль, что не могу быть вам полезной, и что вам приходится сейчас уйти.

Фостер натужно откашлялся, потому что я все еще не открывала дверь.

— Ладно, хорошо. Мы с вами свяжемся, если нам понадобится что-нибудь еще.

Пока они торчали у меня за спиной, я взялась за ручку, повернула ее, потрясла немного и только потом открыла дверь. Куки что-то увлеченно печатала на компьютере. Но я-то знаю, что весь разговор она слушала через включенный интерком.

— Мисс Дэвидсон, — попрощался Фостер и коснулся невидимой шляпы, проходя мимо. Когда агенты ушли, Куки обрушила на меня всю силу своего гнева:

— Дверная ручка? Очень тонкий намек.

— А сама-то? Мисс Грация! Не соблаговолите ли свалить что-нибудь еще?

Куки съежилась от воспоминания.

— Как думаешь, они что-то подозревают?

Сразу куча вариантов ответа пришла на ум: «Понятное дело!», «И ты заметила?», «Только если они не полные идиоты». Вместо этого я ответила просто:

— Да.

И отсутствие интонации в моем голосе должно было прозрачно намекать на все выше указанное.

— Но разве не должны мы сотрудничать с ними, вместо того чтобы дружить против них? — спросила она.

— Не в этот конкретный момент.

— Почему?

— В основном потому, что никакие они не агенты ФБР.

Куки шумно втянула носом воздух.

— Откуда ты знаешь?

— Ты еще спрашиваешь? — отозвалась я.

Меньше всего на свете мне сейчас хотелось объяснять, откуда я знаю, что кто-то врет. Тем более в тысячный раз.

— А-а, ну да, — покачала головой Куки, — извини. — А потом у нее отвисла

челюсть. — Так ты сразу знала, что они не агенты ФБР?

— Были подозрения.

Немного подумав, она успокоилась.

— Точно. А помнишь, как ты взялась за того почтальона и...

Я подняла руку, чтобы ее остановить. Некоторые вещи лучше не произносить вслух.

— Брось копать под компанию, в которой работала Мими, — размышляла я вслух. — Ставлю свою виртуальную ферму, что этодохлый номер. Сосредоточься на том, чтобы найти связь между Мими и Джанель Йорк.

— Кроме того факта, что они вместе учились в старших классах?

— Нет. С этого и начни. Покопайся в их прошлом, посмотри, есть ли там за что зацепиться.

Только я договорила, в офис зашел дядя Боб. Ну, как зашел — ворвался. Как он только живет в постоянном стрессе? Вероятно, пора с ним поговорить. Ему срочно нужна подружка, пока его удар не хватил. Или хотя бы надувная кукла.

— Если собираешься строить из себя ворчливого медведя, — сказала я, указывая пальцем на дверь, — можешь сразу уйти через те же двери, что и вошел, мистер Свирепый Мужик. — Я покрутила пальцем, показывая, чтобы он развернулся на сто восемьдесят и пошел на все четыре стороны.

Он резко остановился и посмотрел на меня со смесью растерянности и раздражения.

— Я не ворчливый. — Надо же, обиделся. Смешной у меня дядя. — Только хочу узнать, во что ты ввязалась на этот раз.

Пришла моя очередь обижаться.

— С чего ты взял? Да я никогда...

— Нет у меня времени на твою театральщину, — перебил он, трясая перед моим лицом пальцем. Будто от этого будет какой-то толк. — Откуда ты знаешь Уоррена Джейкобса?

Что за черт? Мир борьбы с преступностью слухами полнится.

— Познакомилась с ним сегодня утром. А что?

— А то, что он о тебе спрашивал. Мало того, что пропала его жена, так еще и продавца машин, которого он преследовал и угрожал убить, нашли мертвым вчера вечером. Можешь назвать меня сумасшедшим, но я считаю, что тут есть связь.

Сукин сын, подумала я, тяжело вздохнув.

— А можно вместо просто сумасшедшего я буду звать тебя сумасшедший Боб?

— Нет.

— А сокращенно СиБи? — Получив в ответ только пронзительный взгляд, я спросила: — Тогда можно мне с ним увидеться?

— Сейчас его допрашивают, и в любую секунду нарисуеться его адвокат. Что происходит?

Мы с Куки переглянулись, а потом выложили все нутро наружу, как лягушки на лабораторной по биологии.

Мы рассказали дяде Бобу все, даже про надпись на стене. Он вытащил телефон и приказал одному из своих подхалимов проверить кафе.

— Ты должна была мне рассказать, — повесив трубку, сказал он таким тоном, будто собирался прочесть мне целую лекцию.

— Да не успела я. И раз уж тема открыта, заходили тут два мужика. Прикинулись агентами ФБР. Им просто кровь из носа надо найти Мими.

Дядя Боб, или Диби, как мне нравится его называть, в основном за глаза, встревожился, но записал описание «агентов» с наших слов.

— Становится все серьезнее, — заявил он.

— Мне можешь не рассказывать. Мы должны найти Мими раньше них.

— Я свяжусь с местными федералами и дам им знать, что у них появилась парочка имитаторов. А ты должна была мне позвонить, когда все это только началось.

Разозлившись, он стиснул зубы, потом тяжело вздохнул, подошел ко мне и ласково приподнял мое лицо за подбородок.

— Рейеса Фэрроу признали виновным в убийстве, Чарли. Это для твоего же блага. Если он свяжется с тобой, дай мне знать, хорошо?

— А ты снимешь с меня хвост? — спросила я в ответ. Он помолчал, наверное, обдумывая такую возможность, потом покачал головой, а я добавила: — Тогда пусть победит лучший детектив.

Я стремительно вышла за дверь, понимая, как смешно прозвучали мои слова. Дядя Боб — бывалый детектив управления полиции Альбукерке. Когда дело касается расследования, он пиковый туз, тогда как я скорее тройка червей.

***

До тату-салона моей подруги Пари надо было пройти квартал. По дороге я сканировала окрестности в поисках тени, которую навязал мне Диби. Разумеется, безрезультатно. Это наверняка кто-то очень умелый. Дядя Боб не доверил бы приглядывать за мной какому-нибудь новобранцу.

Перед дверью салона я остановилась. Меня принесло сюда не потому, что мне нужна татуировка, а потому, что Пари видит ауры. Я их тоже вижу, но подумала, что могла за эти годы упустить что-то важное. Как так вышло, что я вижу ауры, призраки, всяких сыновей Сатаны, но ни разу за всю свою жизнь не видела ни одного демона? Черт возьми, я даже не знала, что они существуют, пока мне Рейес не сказал. Тем более не знала, что они будут когти рвать, лишь бы добраться до меня. Пройти через меня. И тут меня осенило, аж дыхание перехватило. Если существуют демоны и сам чертов Сатана, значит, ангелы тоже существуют. Ну серьезно, как я могла так отстать от жизни?

Я надеялась, что Пари известно то, что неизвестно мне. Кроме того, что существует «плимут-дастер» тысяча девятьсот семидесятого года выпуска с улучшенным двигателем, оснащенным турбонаддувом, да еще и с временной синхронизацией диапазонов вращения двигателя и колес. Я вообще знать не знала, что автомобили умеют обращаться со временем. Кстати о времени. Для тату-салона было рановато, поэтому я удивилась, увидев, что дверь в салон открыта. Я вошла внутрь.

— Мне нужен свет! — услышала я Пари позади себя.

— Момент! — ответил мужской голос.

В подсобке послышалась возня, а я подошла ближе к Пари и встала у нее за спиной. Она сидела возле переделанного стоматологического кресла, согнувшись над клубком проводов у нее на коленях.

— Спасибо, — сказала она, продолжая спокойно распутывать провода.

— Что-что? — крикнул парень из подсобки.

Удивившись, Пари резко выпрямилась, ударила головой о сиденье кресла и повернулась ко мне.

— Чарли, черт тебя дери! — воскликнула она, одной рукой прикрывая глаза, а другой потирая место ушиба. — Не смей так ко мне подкрадываться. Ты как полицейская мигалка посреди глухой ночи.

Я хихикнула, пока Пари возилась с солнечными очками.

— Ты же сказала, что тебе нужен свет.

Пари — графический дизайнер, переквалифицировавшийся в тату-мастера, чтобы не давать коллекторам повода для неожиданных визитов. Ей повезло — она нашла свое призвание и делала честь профессии своими татуировками, покрывавшими руки, как рукава, и изображавшими тигровые и королевские лилии. Чтобы произвести впечатление на клиентов, между лилиями затесалась и парочка причудливых черепов.

Именно Пари придумала татуировку, которая теперь красуется на моей левой лопатке, — крошечное создание с огромными невинными глазами и в темном плаще, который выглядит, как дым. Как Пари творит такое с чернилами, ума не приложу.

Надев очки, она снова посмотрела на меня и вздохнула:

— Я сказала, мне нужен свет, а не взрыв звезды. Клянусь, однажды я ослепну навсегда, и виновата будешь ты.

Как я уже сказала, Пари видит ауры, а моя по-настоящему яркая.

Взяв со стойки бутылку воды, она села в пострадавшее стоматологическое кресло, поставила ноги в туристических ботинках на ящики с обеих сторон от себя и уперлась локтями в колени. Я вытащила и себе бутылку из маленького холодильника и повернулась к Пари, пытаюсь не лопнуть от смеха, глядя на ее бесстыдную позу.

— Ну, как дела, ангел?

— Не могу найти фонарик! — снова крикнул парень из подсобки.

— Проехали, — отозвалась Пари, а потом усмехнулась, глядя на меня. — Красавец без мозгов, что поделать.

Я кивнула. Она любит красавцев. А кто нет?

— Итак, ты прикидываешься спокойной и собранной, — проговорила Пари, изучая меня наметанным глазом, — но ты так же безмятежна, как цыпленок на разделочной доске. В чем дело?

Черт возьми, да она молодчина. Я решила сразу перейти к делу:

— Ты когда-нибудь видела демонов?

Переваривая мой вопрос, Пари затаила дыхание.

— Ты имеешь в виду демонов из серы и адского огня?

— Да.

— Демонов, которые подчиняются...

— Да.

— Тех самых, которые...

— Да, — повторила я в третий раз.

От одной этой темы мутило, а от мысли, что один из них пытается Рейеса... Не то чтобы этот гад не заслужил немножко помучиться, но все равно неприятно.

— Значит, они настоящие?

— Засчитаю как отрицательный ответ, — сказала я, чувствуя, как испаряются всякие

надежды. — Видишь ли, мне кажется, что парочка из них меня преследует, и я надеялась, а вдруг ты знаешь что-то, чего не знаю я.

— Проклятье. — Пари задумчиво посмотрела в пол, потом снова на меня. Ну, мне так показалось. Трудно сказать, когда она в очках. — Минуточку, за тобой охотятся демоны?

— Вроде того.

Долго-долго она смотрела на меня. Достаточно, чтобы можно было счесть это невоспитанным. А потом опустила голову.

— Я ни разу ни одного не видела, — тихо сказала Пари, — но знаю, что есть... создания, которые бродят в ночи. И я сейчас не о проститутках по соседству. Эти создания по-настоящему страшные, их невозможно забыть.

Я с любопытством подняла голову:

— А конкретнее?

— Когда мне было четырнадцать, ко мне с ночевкой пришли несколько подруг. Ну и, как все четырнадцатилетние девчонки, мы решили провести сеанс — вызвать духов, короче говоря.

— Ясно. — Нюхом чую, история хэппи-эндом не кончится.

— Мы спустились ко мне в подвал и начали. Говорили всякие «заклинания», вызывали духов, и тут я что-то почувствовала. Какое-то присутствие.

— Вроде призрака?

— Нет, — Пари покачала головой. — По крайней мере я так не думаю. Призраки холодные. А это... просто было там и все. Я чувствовала, как оно трется об меня, как собака. — Пальцами одной руки она обхватила предплечье другой. Видимо, воспоминание приятным не было. Ее мелко трясло с головы до ног. — Конечно, никто, кроме меня, ничего не почувствовал. Пока я кое-что не сказала. — Она подняла на меня глаза в очках, но я и так знала, что в ее глазах горит предупреждение. — Никогда не говори группе четырнадцатилетних девчонок, которые вызывают духов в темном подвале, что кто-то об тебя потерялся. Ради собственной же безопасности.

Я усмехнулась:

— Обещаю. Что же произошло?

— Они вскочили, завизжали и бросились к лестнице. Естественно, тут и я перепугалась и тоже побежала.

— Естественно.

— Мне просто хотелось убраться подальше от того, что материализовалось у меня в подвале. Поэтому я неслась со всех ног, будто у меня есть причина жить, несмотря на все мои суицидальные наклонности.

Пари была готкой еще тогда, когда быть готом не было круто. Собственно, как и сейчас.

— Добравшись до верхней ступеньки, я уже решила, что никто ни в чем меня не заподозрил. А потом услышала рычание. Глубокий, гортанный звук. Не успела я понять, что происходит, как уже полпути пролетела вниз по лестнице, вывихнув запястье и ударившись ребрами. Не оглядываясь, я пыталась выбраться из подвала, подняться обратно наверх. Какое-то время ушло на то, чтобы понять: я не упала — кто-то тянул меня за ноги. — Пари подняла ногу, расстегнула высокий, до колена, сапог и показала мне неровный шрам на голени, который смахивал на отметины от когтей. — Никогда в жизни так не боялась, как тогда.

— Чертово дерьмо, Пар! А дальше что?

— Когда папа узнал, почему мы все орем, он спустился в подвал, чтобы доказать нам, что там ничего нет.

— И?

— Там ничего не было, — пожала плечами Пари.

— Ты ему рану показала?

— Нет, черт возьми. — Она так сильно затрясла головой, словно я спросила, ест ли она на завтрак ребятишек. — К тому времени родители уже занесли меня в картотеку на букву «ф» как «фрика обыкновенного». Не хотелось подтверждать из подозрения.

— Чертово дерьмо, Пар, — повторила я.

— И не говори.

— А почему ты думаешь, что это был демон?

— Ничего подобного. Это был не демон. То есть я не думаю, что это был демон. Это было что-то другое.

— С чего ты взяла?

Пари покрутила кожаные ремешки на запястье.

— Скорее всего с того, что я знаю его имя.

На секунду я застыла, потом попросила:

— Повтори.

— Помнишь, что я тебе рассказывала о своем несчастном случае? — Она посмотрела на меня, сдвинув брови.

— Конечно.

Пари погибла в автокатастрофе, когда ей было шесть. Слава богу, усердные спецы из неотложки вернули ее. После этого она и стала видеть ауры, в том числе ауры умерших. Она узнала, что если у ауры сероватый оттенок и она не привязана к телу, то это аура того, кто умер. Иными словами — призрак.

— Когда я умерла, меня ждал дедушка.

— Помню, — сказала я, — но, к счастью, он послал тебя обратно. Я передам ему корзину фруктов, когда отправлюсь на небеса.

Пари потянулась ко мне и сжала мою ладонь в приливе благодарности. Я смутилась.

— Я видела его лишь однажды, — продолжала она, обеими руками держа бутылку с водой. — Единственное, что я о нем помню, — у него были немецкие доги выше меня. И все равно я без тени сомнения знала, что передо мной мой дедушка. Когда он мне сказал, что мое время еще не пришло и я должна вернуться, меньше всего мне хотелось от него уходить.

— Ну, лично я рада, что он отправил твою задницу обратно сюда. Потому что ты бы весь рай на уши поставила.

— Наверное, ты права, — улыбнулась Пари. — Но я никогда не рассказывала тебе странную часть этой истории.

— Большинство людей находят околосмертные переживания странным.

— Верно, — усмехнулась она.

— Значит, у тебя еще круче?

— Намного круче. — Несколько мгновений Пари колебалась, потом глубоко вздохнула и уставилась на меня. — По пути назад, ну, на Землю, я кое-что слышала.

Это уже что-то новенькое.

— Что именно?

— Голоса. Я слышала разговор.

— Ты подслушивала? — спросила я, немного удивившись тому, что такое возможно. — Подслушивала разговор небесных жителей?

— Можешь и так назвать, но я же не специально это сделала. Весь разговор я услышала в одно мгновение. Как будто он просто взял и появился у меня в голове. И я прекрасно знала, что для моих ушей он предназначен не был. Знала, что это опасная информация. Я узнала имя кого-то настолько могущественного, что он может вызвать конец света.

— Конец света? — переспросила я, пытаюсь сглотнуть тяжелый комок.

— Знаю я, как это звучит, уж поверь. В общем, в разговоре упомянули, что этот кто-то сбежал из ада и родился на Земле.

За миллисекунду мой пульс так ускорился, что в животе закололо.

— Еще сказали, что он в состоянии уничтожить мир, начать апокалипсис, если захочет.

У меня был только один знакомый, сбежавший из ада и родившийся на Земле. Разумеется, я знала, что он могущественный, но понятия не имела, что ему хватит сил вызвать хренов апокалипсис. Но если подумать, у кого еще может хватить на это сил? Мне определенно надо поднатаскаться в деле допросов.

— И в тот раз, когда мы вызывали духов, со всей своей подростковой мудростью я решила вызвать его.

У меня отвисла челюсть. Немножечко.

— Ну да. Ведь все на свете сгорают от желания вызвать того, кто может порешить все живое на Земле.

— Вот именно, — сказала Пари, игнорируя мой сарказм. — Я подумала, что могу как-то убедить его не делать этого. Ну, знаешь, воззвать к его разуму.

— И как? Сработало?

Пари скорчила мне гримасу.

— Мне было четырнадцать, всезнайка.

Я попыталась рассмеяться, но помешал комок в горле, превратившийся в глыбу.

— Так значит, он устроит тут апокалипсис?

— Чем ты слушаешь? — Пари недовольно поджала губы. — Я сказала, что он достаточно силен, чтобы устроить апокалипсис.

Ладно, согласна: это плюс. Никаких тебе пророчеств о массовом уничтожении.

— Короче говоря, в тот вечер я призвала его. По имени.

От предвкушения мои руки и ноги покрылись мурашками. Или меня опять нашел мертвый парень из багажника. На всякий случай я осмотрелась по сторонам.

— Но, как я уже сказала, — продолжала Пари, — он не то, что ты думаешь. Он не демон.

— Знаешь, мне от этого не легче.

— Судя по тому разговору, он не какой-то там простой демон. Он что-то большее.

Ну да, так и есть.

— Пари, — я теряла терпение, — как его зовут?

— Не скажу ни за какие коврижки, — ответила она, явно желая меня подразнить.

— Пари.

— Нет. — Она снова стала серьезной. — Вслух я этого не говорю. С того самого дня.

— Вот оно что! Понятно. Тогда...

Не успела я договорить, как Пари уже что-то нацарапала на клочке бумаги.

— Держи, только не произноси вслух. У меня такое чувство, что ему не очень-то

нравится, когда его призывают.

Я взяла бумажку. Руки тряслись сильнее, чем мне бы хотелось. Прочитав имя, я тихо выдохнула. Рейазиэль. Рейаз... Рейес. Сын Сатаны.

— Это значит «прекрасный», — сказала Пари, пока я снова и снова перечитывала написанное. — Не знаю, кто он такой, — продолжала она, не подозревая о моем ступоре, — но там, на другой стороне (ты понимаешь, что я имею в виду), он вызвал настоящий переполох. Хаос. Беспорядки. Панику.

Да уж. Похоже на Рейеса. Проклятье.

Что будет, если напугать тебя до полусмерти... дважды?

Надпись на футболке

Голова трещала по швам. Совершенно потрясенная, я вышла из салона Пари и бездумно направилась к дому, пока не вспомнила, что у меня куча дел, которыми я обязана заняться. Пора уже вытащить на свет божий мою тень. Кого бы дядя Боб ни заставил за мной следить, денек ему предстоит не из легких.

Достав сотовый, я притворилась, будто отвечаю на звонок. Остановилась, напустила на себя обалдевший вид. Стала озиаться по сторонам и дико размахивать руками.

— Встретиться? Сейчас? Ладно, черт возьми. Ты в переулке справа от меня? Так близко? Ты спятил? Тебя же поймают! Конечно, кто-то может подозревать, что ты со мной свяжешься. Конечно... Ладно, хорошо.

Захлопнув телефон, я припустила к двум зданиям, между которыми был узкий проход в переулок, по пути бросая косые взгляды себе за спину.

После моего блестящего представления в духе «Касабланки» и «Миссия невыполнима» я рванула к мусорному баку и спряталась за ним, надеясь, что вот-вот появится моя тень. Пока я сидела, согнувшись в три погибели и чувствуя себя до странности глупо, я мысленно играла с именем Рейеса, представляя, как оно обретает форму и срывается с языка. Рейазиль. Прекрасный. Господи, как же оно ему подходит!

Но почему он причинил вред Пари? Я быстренько подсчитала: если Пари было четырнадцать, когда она с подружками вызывала в подвале духов, то Рейесу было не больше восьми. Ну максимум девять. Как он мог на нее напасть? Может быть, это был вовсе не он. Может, Пари случайно вызвала кого-то другого, кого-то очень злого.

— Че делаешь?

Я подпрыгнула от неожиданности, поскользнулась и рухнула на задницу, перемазав ее и руки в незаконно утилизированном маслянистом пятне. Замечательно. Скрипнув зубами, я глянула на призрак ухмыляющегося гангстера, который мнил о себе чересчур много, что в приличном обществе просто-напросто не принято.

— Ангел! Мелкий ты гад...

— Это было потрясно, — сказал он и громко расхохотался, пока я изучала перепачканные руки.

Противные тринадцатилетние подростки.

— Так и знала, что надо было изгнать тебя, когда был шанс.

Ангел погиб, когда его приятель решил проучить долбанных puta vatos^[5], вторгшихся на его территорию. Ангел разбил машину (то есть сделал то, что так нравится сегодня детям) и попытался остановить сердитого приятеля, за что и заплатил слишком высокую цену. К бесконечному моему огорчению.

— Ты и кошку не изгонишь, не говоря уже о крутом до кончиков волос чикано^[6] с порохом в крови. А в заранее бесполезную затею ты в жизни не ввяжешься.

Усмехнувшись собственной шутке, он взял мою протянутую руку и поставил меня на ноги. Я опять уселась на корточки, не желая выдавать свою наилучшую тактическую позицию для засады.

— Никакой крови у тебя нет, — услужливо напомнила я.

— Еще как есть, — возразил он, оглядывая себя.

На нем была грязная белая футболка, низко на бедрах висели джинсы, на ногах — стоптанные кроссовки. Плюс широкий кожаный напульсник. Чернильно-черные волосы коротко подстрижены, но лицо по-прежнему хранило что-то детское, а улыбался он так открыто, что сердце таяло.

— Просто сейчас она немного прозрачная, — добавил он.

Без особого успеха я поскребла руками по стенке мусорного контейнера. Интересно, сколько микробов обрели в моем лице новую среду размножения?

— Ты торчишь тут по какой-то причине? — спросила я, яростно вытирая руки о штаны.

Впрочем, вряд ли удастся стереть с себя жирную гадость без воды и растворителя для химчисток.

— Слыхал, у нас дело.

Со старших классов Ангел был моим постоянным спутником, поэтому, когда три года назад я открыла свое агентство, сразу согласился стать у меня главным детективом. Рассчитывать в расследовании на бестелесное существо — все равно что списывать на вступительных экзаменах в колледж. Щекочет нервы, зато эффект есть всегда, что ни говори. Вместе мы распутали прорву дел.

Конечно, маслянистые пятна для него не проблема, поэтому он преспокойно сидел напротив меня, прислонившись спиной к мусорному баку. Его глаза проследили за моей рукой, когда я попыталась соскрести с левой ягодицы комки грязи и стереть жирное пятно.

— Помочь? — поинтересовался он, кивком указав на мою задницу.

Тринадцатилетние, как никто другой, подвержены гормональным бурям. Даже мертвые.

— Обойдусь. И у нас не одно дело, а сразу два.

Мими представлялась приоритетом профессиональным, Рейес — личным. Ни одним из них пренебречь было нельзя, поэтому я задумалась, какое из дел взвалить на Ангела. И выбрала Рейеса. Просто-напросто потому, что никаких других источников в этой области у меня нет. Хотя Ангелу вряд ли это понравится.

— Что ты знаешь о Рейесе? — спросила я, очень надеясь, что он не испарится сию же секунду. Или не достанет откуда-нибудь девятимиллиметровый, чтобы пристрелить меня к чертовой матери.

Несколько мгновений он ерзал и пялился на меня, потом уперся локтями в колени и устремил взгляд вдаль. То есть в склад. Прошло еще несколько долгих секунд, и только потом он сказал:

— Рейазизэль не наше дело.

От одного только упоминания иномирного имени Рейеса воздух со свистом влетел мне в легкие. Откуда он знает? Или лучше спросить, как давно?

— Ангел, ты знаешь, кто такой Рейес?

Он пожал плечами:

— Я знаю, кем он не является. — Потом наградил меня тяжелым взглядом. — Он — не наше дело.

Вздохнув, я уселась на тротуар (плевать, грязный он или нет) и прислонилась к баку

рядом с Ангелом. Мне было нужно, чтобы в этом деле он был на моей стороне. Я нуждалась в его помощи и особых умениях. Положив грязную ладонь ему на плечо, я произнесла:

— Если я его не найду, он умрет.

Ангел с сомнением усмехнулся и в этот миг показался мне старше тех тринадцати лет, которые успел накопить до гибели.

— Если бы все было так просто.

— Ангел, — с упреком сказала я, — ты же не всерьез.

Он смерил меня таким гневным, таким недоверчивым взглядом, что я с трудом подавила желание отодвинуться.

— Это ты не всерьез, — буркнул он, будто я внезапно растеряла остатки здравого смысла. Знал бы он, как давно случилось это печальное событие.

Я знала, что Ангелу Рейес не по душе, но и подумать не могла, что настолько.

— Почему ты сидишь в луже масла и разговариваешь сама с собой?

Я глянула вверх. Рядом стоял Гаррет Своупс, темнокожий, с серебристыми глазами «охотник за головами», которому обо мне было известно достаточно, чтобы представлять для меня опасность. Я снова повернулась к Ангелу, но его уже не было. Ну конечно. Когда начинает пахнуть жареным, все хулиганы прячутся по норам, залегают на дно, в общем, варятся в своих собственных не самых безопасных котлах.

Поднявшись на ноги, я поняла, что моим джинсам конец.

— Что ты тут забыл, Своупс? — спросила я и второй раз за одно утро упала на задницу.

Среди детективов, гоняющихся за сбежавшими должниками, Гаррет был лучшим. Мы вполне сносно ладили, пока дядя Боб в порыве пьяной откровенности не выложил ему, чем я занимаюсь, чтобы заработать на жизнь. Не о детективном агентстве — Гаррет был в курсе. А о том, что Чарли видит призраки. После этого наши отношения с легким флиртом резко свернули влево — на территорию враждебности, как будто его злило, что я пытаюсь проверить такую схему. Спустя месяц Гаррет медленно, но уверенно (хотя и очень неохотно) начал верить в то, что я делаю, получая доказательства, так сказать, из первых рук. Не то чтобы бы меня волновало, верит он или нет, но в своем деле Своупс был хорош и время от времени до крайности полезен. А что до его скептицизма, так пусть поцелует меня в задницу.

Похоже, это и ему пришло на ум. Наклонив голову, он пристально изучал наиважнейшую часть моей нижней половины, пока я стряхивала с нее грязь и какие-то ошметки, а потом спросил:

— Тебе помочь?

— Обойдусь. — Разве пару минут назад я не участвовала в таком же разговоре? — Прекрати повторять за Ангелом и ответь на вопрос. Минуточку! — Реальность впитывалась в мой мозг медленно, но уверенно. Челюсть отвисла, но я вернула ее на положенное место и воззрилась на Своупса. — Боже мой, ты и есть мой хвост!

— Чего? — Он отшатнулся и сдвинул брови, однозначно не собираясь подтверждать мою догадку.

— Сукин ты сын.

Не меньше минуты я в ужасе пялилась на него. Хорошо, что недавно я тренировалась изображать ужас перед зеркалом. Своупс пытался скрыть виноватую физиономию. Я шлепнула его по плечу.

— Ай, — он прикрыл плечо ладонью, — это еще за что, черт побери?

— Как будто ты не знаешь, — наступала я на него.

Поверить не могу. Просто не могу верить! То есть, конечно, могу, но все-таки. Дядя Боб посадил мне на хвост Гаррета Своупса. Гаррета Своупса! Того самого человека, который издевался и насмехался надо мной из-за моих способностей весь прошлый месяц, который клялся сдать меня в дурдом или как минимум сжечь на костре как ведьму. Все скептики — просто короли драмы. И дядя Боб выбрал его?!

Какая вопиющая несправедливость! Да я возмущена, как... как... Минуточку! Я застыла на месте и обдумала открывшиеся передо мной возможности. О, эти чудесные, великолепные возможности!

Когда я остановилась, Гаррет, который плелся за мной, разумеется, чуть не вписался мне в спину.

— Ты опять перестала принимать лекарства, Чарльз? — спросил он, обходя меня и явно пытаясь сменить тему.

Чарльзом он стал звать меня недавно. Видимо, чтобы меня позлить, но я не собиралась доставлять ему такое удовольствие. Пью я лекарства или нет — не его ума дело.

Развернувшись, я наградила его своим лучшим убийственным взглядом.

— Ну нетушки.

— Что?

Он отступил назад, я шагнула вперед.

— Так просто ты не отвертишься, братишка, — процедила я, тыча в него пальцем.

Написанное на его лице замешательство повеселило бы меня, не будь я так взбешена решением дяди Боба из всех людей на свете посадить мне на хвост именно его. Кроме того, мне кровь из носа нужен был следователь, официально работающий на полицию Альбукерке. Бесплатная рабочая сила.

— Ты назвала меня братишкой?

— Да, черт тебя раздери, назвала. И если тебе дорога жизнь, — я сделала еще один шаг к нему, — то ты не станешь выдумывать очередные оскорбления по поводу этого короткого замечания.

— Ладно, — он поднял руки, сдаваясь, — никаких оскорблений, клянусь.

Я ни на секунду ему не поверила. Он придумает что-нибудь особенно обидное при первой же возможности. Проклятье.

— Давно ты за мной следишь?

— Чарльз, — произнес он, пытаясь выдумать съедобную историю.

— Не смей. — Я ткнула его пальцем еще раз, для проформы. — Давно?

— Для начала... — Он взял меня за плечи, развернул и подтолкнул обратно к зданию, потому что в переулок только что свернул автомобиль.

Оказавшись в безопасности, я скрестила на груди руки и принялась ждать.

Своупс вздохнул, идя мне на уступки, и признался:

— С того дня, когда Фэрроу испарился из больницы для хроников.

Разозлившись, я шумно выдохнула.

— Это было неделю назад. Значит, ты следишь за мной уже неделю? Поверить не могу, что дядя Боб так со мной поступил.

— Чарли, — сочувственно начал Гаррет.

Вот только его сочувствия мне и не хватало.

— Не надо. В этом году на Рождество Дибби открытки не получит. — Когда он развел

руками, как будто я преувеличиваю нанесенную мне обиду, я добавила: — Свое имя тоже можешь вписать в этот список.

— Что я такого сделал? — спросил он, идя за мной через парковку к улице.

— Преследовать людей нехорошо, Своупс.

— Когда тебе платят, это не преследование.

Помрачнев, я остановилась и уставилась на него.

— Тебе ведь тоже иногда платит полицейское управление. И ничего страшного дядя Боб с тобой не сделал. Он решил, есть вероятность, что Фэрроу попытается с тобой связаться. И по какой-то необъяснимой причине ему не хочется, чтобы осужденный убийца путался с его племянницей.

Опять этот удар ниже пояса с убийцей.

— Я заключу с тобой сделку.

— Ладно, — протянул Гаррет с намеком на подозрительность.

— Мне нужно найти Рейеса не меньше, чем тебе. То есть дяде Бобу. Ты поможешь мне — я помогу тебе.

— С чего вдруг? — поинтересовался он так же подозрительно.

Можно подумать, я никогда не выполняю свою часть сделки. Да я всегда, почти на все сто стараюсь выполнить свою часть сделки, как бы ни сложились обстоятельства.

Итак, пришла пора для самого сложного. В духе «конечно, я в курсе, что его осудили за убийство, и что он создан из чистого зла, но глубоко-глубоко в душе он очень, очень хороший человек».

— Что дядя Боб рассказал тебе о Рейесе?

Брови Гаррета сошлись на лбу, а серые глаза сверкнули на фоне темной кожи.

— Если в двух словах, он говорил, что последние десять лет Фэрроу отбывал срок в тюрьме Нью-Мексико за зверское убийство собственного отца. Потом его случайно подстрелили в голову, когда он пытался спасти другого заключенного. Месяц он был в коме, после чего волшебным образом очнулся и испарился из больницы, ни с кем не поделившись планами на будущее.

Несколько секунд я обдумывала сказанное.

— Ладно, для начала неплохо. Но есть целая гора информации, в которую дядя не посвящен.

Своупс скорчил мне полную сомнений физиономию:

— А именно?

Замечательно. Опять передо мной Фома неверующий.

— Рейес Фэрроу несколько раз спасал мне жизнь. И продолжает это делать.

— Неужели? — Не расслышать сарказм в его тоне было невозможно.

— Именно так.

У меня за спиной стояла машина, которой срочно понадобилось именно то место на парковке, где стояли мы. Я опять пошла в сторону улицы.

— Осужденный за убийство человек тебя спасает?

— Да. — Дойдя до тротуара, я остановилась и повернулась к Гаррету. — И он сверхъестественное существо.

Опять ответом мне была уже знакомая физиономия, однако на этот раз Своупс решил меня подколоть:

— Сверхъестественное? Как призрак или супергерой?

Хороший вопрос.

— Наверное, и то, и другое.

Вздохнув, он провел рукой по волосам.

— Послушай, у меня нет времени вдаваться в подробности, — сказала я и снова пошла вперед. — Можешь ты хоть раз в жизни совершить сумасшедший поступок и, несмотря на то, что это не нравится каждому атому в твоём организме, просто мне поверить?

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он неохотно кивнул.

— Вот и славненько, потому что мне очень нужно его найти.

Я направилась к дому. Чистые джинсы — обязательный атрибут любого частного детектива. Отчасти потому, что в чистых джинсах частный детектив с меньшей долей вероятности сойдет с ума.

— Подожди.

— Нет, иди за мной.

— Ладно, — отозвался Гаррет и потрусил за мной, чтобы не отстать, но держался в шаге позади. — Так значит, Фэрроу — сверхъестественное существо. Как ты? Он тоже ангел смерти?

Вопрос меня удивил. Я-то думала, он не поверил ни единому слову из нашего последнего разговора по душам. Того самого, когда он честно и усердно пытался расширить горизонты своего сознания и слушать, что я говорю, вместо того чтобы бесконечно меня третировать своими издевками.

— Он не ангел смерти. Он что-то большее.

— Большее? — переспросил Гаррет, опять сверля меня подозрительным взглядом.

— Он мужчина, Своупс, как и ты. Только с суперсилами.

— С какими суперсилами?

Я остановилась и злобно уставилась на него.

— Ты прекратишь свою дурацкую игру в двадцать вопросов?

— Я просто хочу знать, с чем имею дело.

— А я хочу, чтобы ты кое-что разнюхал. Поспрашивай людей, узнай, слышал ли кто-нибудь что-то, ну, не знаю, странное.

— Прекрасно. У меня всего один вопрос.

— Валяй.

Взгляд Гаррета стал пронзительнее.

— Как его убить?

Да уж, не очень-то мило с его стороны. А я всю жизнь надеялась, что эволюция хоть немного приглушила жажду крови у мужчин. Судя по всему, нет.

— Ты не будешь его убивать, — сказала я и отвернулась, чтобы продолжить свой путь.

В пяти секундах от дома передо мной возникли густые клубы темного тумана, из которых материализовался мужчина.

Рейес преградил дорогу, сердито глядя на меня.

— Что ты творишь, Датч? — тихо спросил он, и только глухой не услышал бы в его голосе угрозу.

Гаррет сделал шаг вперед и снова остановился. Посмотрел на меня, потом оглядел улицу, пытаясь понять, на что я уставилась.

Я решила не обращать внимания ни на любопытство Своупса, ни на гнев Рейеса.

— Ты еще жив?

Рейес угрожающе шагнул ко мне. Все его тело волнами излучало жар.

— К сожалению. Так что ты делаешь?

— В чем дело, Чарльз? — встревожился Гаррет.

От признания Рейеса меня затопило облегчение. Он мог умереть в любую секунду, и я переживала, что это уже могло случиться. Я попыталась дышать легче, но это проще сказать, чем сделать, когда я физически ощущала его гнев. Я должна была знать, что он жив. Иначе он бы так не злился. Кому какая разница, если я найду его уже после того, как он умрет? От одной только мысли в груди стало еще больнее.

Наверное, тревога отразилась на моем лице. Гаррет придвинулся ко мне:

— Чарли, что происходит?

Рейес впервые обратил на него внимание, потом снова посмотрел на меня.

— Скажи этому, чтобы заткнулся.

Ой, как грубо. Эти мальчишки не умеют играть друг с другом. Рейес зря ревнует к Гаррету. Между мной и Своупсом никогда ничего не было.

— Он не «этот», Рейес, — сказала я, по сути, приглашая его ввязаться в спор. — Он лучший детектив, отслеживающий должников, в штате. И он поможет мне тебя найти.

Ну вот, я бросила перчатку. Правда, теперь мне казалось, что я третьеклассник на детской площадке, который лезет на рожон, добиваясь драки с местным хулиганом. Вот-вот прилетит правый хук.

По губам Рейеса медленно растеклась улыбка, он бросил короткий взгляд на Гаррета и снова повернулся ко мне:

— Как поживает его позвоночник?

Вопрос вышиб из меня дух. Это была открытая угроза, и он знал, что именно эти слова я приму близко к сердцу. На моей памяти Рейес перерубил не один позвоночник, не мог же он сам об этом забыть? Я попятилась, он наступал на меня, сохраняя не больше пятнадцати сантиметров между нами. Он не сдавался. Знал, как ранить меня с талантом опытного хирурга.

— Ты не можешь говорить это всерьез, — пробормотала я, остановившись. Шагать спиной вперед неудобно и прямо сейчас совершенно бесполезно.

— Если он хотя бы подумает о том, чтобы меня искать, оставшиеся годы на Земле будут для него... чреваты трудностями.

Угроза была такой страшной, такой неумолимой, что рвала мне на части все кишки. Я и не подозревала, что он может быть таким жестоким. Расправив плечи, я взглянула на него снизу вверх и с вызовом задрала нос.

— Прекрасно, он не будет тебя искать, — сказала я, и в глазах Рейеса отразился триумф победы. — Но я не отступлю.

Довольное выражение лица в мгновение ока испарилось, он снова помрачнел.

Я смело шагнула к нему, практически отдавая себя на его милость. Он позволил. Встретил меня, раскрыв объятия. Смягчился на мгновение.

— Мой позвоночник ты тоже перерубишь, — спросила я, глядя, как его глаза не отрываются от моих губ, — Рейазизэль?

Пришла его очередь впасть в ступор. Он застыл, ни единый мускул лица не дрогнул, но я чувствовала, какой вихрь эмоций бушует внутри него. Он мог чувствовать мои эмоции, я — его. И сейчас то, что он переживал, вполне могло заставить землю дрогнуть под нашими ногами.

Гаррет что-то сказал, но я внезапно захлебнулась в пучине дурных предчувствий, отразившихся в глазах Рейеса. Словно я его предала, вонзила нож в спину. Но разве он только что не поступил со мной так же? К тому же я редко ношу с собой ножи.

— Откуда тебе известно это имя? — спросил он тихим, опасным голосом. Возникло ощущение, что это не вопрос, а очередная угроза.

Чтобы ответить, пришлось собрать всю свою храбрость:

— Мне сказала подруга. — Осталось только молиться, что я ненароком не поставила жизнь Пари под угрозу. — Она говорила, что призвала тебя, когда была совсем юной, и что ты чуть не оттяпал ей ногу.

— Чарли, мне почему-то кажется, что нам стоит перейти в другое место.

Это был Гаррет. Он пытался вмешаться, чтобы со стороны казалось, будто я разговариваю с ним, а не как распоследняя шизофреничка — с воздухом. На долю секунды я сосредоточилась на окружающем мире. Кое-где на меня косились то любопытные, то неодобрительные взгляды, но большинство людей на нас вообще не обращало внимания. Мы были на Централ — в самом сердце Альбукерке. А местные и не такого навидались.

Почувствовав, как две руки мягко подталкивают меня к кирпичной стене какого-то кафе, я опять сосредоточилась на существе передо мной.

— Это был ты? — спросила я, возвращаясь к теме разговора. — Ты ранил Пари?

Рейес уперся руками в стену у меня за спиной и прижался ко мне. Как это на него похоже. Угрожая, запугивая, он наступает. Давит. Причем выбирает слабое место противника. Всякий раз виртуозно пользуется уязвимостью. Мастерски использует мое отношение к нему против меня самой. Грязно дерется, но нельзя поставить ему это в упрек. Его так вырастили. Иначе он не умеет.

— Это была ерунда, — ответил он обманчиво спокойным тоном, — по сравнению с тем, что я мог сделать.

— Ты сделал ей больно? — опять спросила я, не желая верить в услышанное.

— Может быть, Датч, — шепнул он мне на ухо, как будто кто-то еще мог его услышать. — Мне не нравится, когда меня призывают.

Его губы накрыли мои. Мощная жизненная сила выдернула меня из тела, и за секунду до того, как утонуть в его тепле, я поняла, что он исчез. Холод, характерный для конца октября, ударил по мне, и я вдохнула ледяной воздух, мгновенно приходя в себя.

Он ранил Пари. Это меня ошеломило, как и то, что он угрожал невинному человеку по имени Гаррет. Который, кстати говоря, оказался прямо передо мной в тот самый момент, когда я рухнула ему в объятия. Я вцепилась в него, ища безопасности, пока он уводил меня от небольшой толпы зевак.

— Это было любопытно.

— Не сомневаюсь, — огрызнулась я, пытаюсь понять Рейеса Фэрроу.

Он злится потому, что мне известно его имя? Его настоящее имя? Знаю или нет — какое это имеет значение? Разве что... А вдруг у меня теперь есть какое-то преимущество? Вдруг я могу как-то использовать это имя против него?

— Короче, как я понял, он не хочет, чтобы я его искал? — спросил Гаррет.

— Мягко говоря.

Мы обошли «Ворону» — папин бар — и вышли к моему дому, расположенному прямо за баром. Поднимаясь на второй этаж, я все еще цеплялась за руку Гаррета, потому что ногам своим доверяла пока не полностью.

Гаррет спокойно ждал, пока я копалась в кармане в поисках ключей.

— Я видел его фото, — сказал он замогильным голосом.

Вставив ключ в замок, я повернулась:

— Из личного дела? — Мы же все еще о Рейесе, да?

— Да, и несколько других.

Ничего странного, раз уж Гаррет, по идее, должен его найти.

— Ты идешь? Мне всего-то нужно быстренько переодеться.

— Да понял я, понял.

— Правда? Ну слава богу, хоть кто-то понимает. — Говорить с ним о Рейесе мне не хотелось, позвончик его все-таки остался нетронутым. — В холодильнике есть минералка. — Бросив ключи на стойку, я направилась в спальню. — Привет, мистер Вонг.

— Он привлекательный, да?

Я остановилась и обернулась.

— Кто? Мистер Вонг?

Мой взгляд выхватил в углу серый силуэт моего извечного соседа. Когда я сняла квартиру, он уже был здесь, и, поскольку у него было право первенства, мне так и не хватило духу его выставить. Хотя, положила руку на сердце, я и не знаю как. Я никогда не видела его лица. Из дня в день, год за годом, он висел в нескольких сантиметрах от пола, уткнувшись носом в угол. Смахивал он на китайского военнопленного или на иммигранта девятнадцатого века.

— Кто такой мистер Вонг? — поинтересовался Гаррет.

Ну да, я ведь их никогда не знакомила. Для Своупса все это было слишком новым, и мне казалось, я должна вводить его в курс дела постепенно, чтобы он мог впитывать информацию и постигать ее по кусочкам, а не хвататься за факел и вилы. Но если вспомнить, он сам просил его просветить, даже настаивал на этом, так что хрен с ним.

— Мистер Вонг — покойник, обитающий в углу у меня в гостиной. Но я никогда не видела его лица. То есть в полный анфас, так что не могу сказать, красавчик он или нет.

— Да не он, — проговорил Гаррет, — Фэрроу. Погоди-ка, у тебя в квартире живет покойник?

— Живет — сильно сказано, Своупс. И места он занимает совсем не много. Значит, ты имел в виду Рейеса?

— Да, Фэрроу. — С уморительной смесью любопытства и ужаса на лице он разглядывал угол, с которым я поздоровалась.

— А-а, ну тогда да, совершенно и абсолютно — он чертовски привлекателен. — Я проверила сообщения в телефоне. — Минуточку! Ты наконец-то решил выдать свой секрет?

Я проскользнула в свою комнату и прикрыла дверь. Громкий вздох эхом отразился от стен. Было забавно.

— Я не гей, Чарли, — крикнул Своупс из гостиной. — Я пытаюсь понять.

— Понять что? — спросила я, прекрасно зная, к чему он ведет. Как могла девушка вроде меня спугаться с парнем вроде Рейеса? Если бы он знал всю историю! Не лучшая идея, если учесть, что фактически он уличил меня во влюбленности в сына Сатаны.

— Видишь ли, я все понимаю, плохие парни нравятся девушкам, но осужденный за убийство?

К великому моему удивлению, масло не пропитало джинсы насквозь, так что необходимость заново лезть в душ отпала. Моя комната по-прежнему была в состоянии, как

после катастрофы, поэтому я порылась в куче одежды на полу, нашла более или менее сносные джинсы и напялила их вместе с парой потресканных ботинок. Потом зашла в ванную, чтобы освежиться.

— Мне кажется, тебе нужно полить цветы, — снова крикнул Гаррет.

— Они искусственные.

Наверняка он смотрел на цветы, которые у меня на подоконнике. Если же нет, то мои проблемы с плесенью вышли из-под контроля.

Повисла длинная пауза, а потом Своупс недоверчиво спросил:

— Вот это — искусственные цветы?

— Ага. Мне нужно было сделать так, чтобы они выглядели, как настоящие. Немного краски из баллончика, газа для зажигалок, и вуаля — искусственные умирающие цветочки.

— Зачем тебе искусственные умирающие цветы? — спросил он.

— Потому что, будь они зелеными и здоровыми, любой, кто меня знает, сразу бы понял, что они искусственные.

— Ну да. Ты серьезно?

— А то.

Послышался стук в дверь ванной. Ту дверь, которая выходит в гостиную.

— Да? — медленно открыв дверь, спросила я Гаррета, который изучал мою табличку. Ту самую, на которой написано «Покойникам вход запрещен». В конце концов, это моя ванная, мое личное святилище. Стоит признать, табличка срабатывает не всегда. Мистер Хабершем, покойник из квартиры 2В, напрочь ее игнорирует. Каждый божий раз.

Гаррет поднял руку и надавил на дверь.

Я надавила с другой стороны.

— Чувак, ты что творишь?

— Хочу убедиться, что я не покойник.

— А ты чувствуешь себя мертвым?

— Нет, но я подумал, вдруг эту табличку видят только мертвые.

— Как, бога ради, я бы раздобыла табличку, которую видят только мертвые?

— Кто тебя знает, — пожал плечами Своупс.

Я вышла из ванной, готовая снова схватиться с этим миром. Ну или с маленьким его уголком.

— Послушай, — сказала я, схватив со стойки ключи и направляясь к двери, — Рейес — моя проблема, усек?

— Сейчас он сбежавший преступник. Значит, и моя проблема тоже. На улице он тебе угрожал?

Мне нужно было отговорить Гаррета от всего, что он собирался делать в отношении Рейеса, причем быстро. Насколько мне известно, Рейес никогда не причинял вред невинным людям. По крайней мере не постоянно. Но, так или иначе, рисковать позвоночником Своупса я не имела ни малейшего желания.

— У меня есть дело, и твоя помощь в нем не помешает.

— Ну конечно. Предположительно, я должен за тобой следить.

— Наша сделка все еще в силе. — Я заперла квартиру и стала спускаться вниз. — Здравствуй, миссис Аллен, — сказала я, услышав скрип двери дальше по коридору.

— Еще одно привидение? — любопытствовал Гаррет.

Я остановилась и с тяжелым вздохом ответила:

— Если бы.

— Итак, наша сделка, — напомнил он, когда мы подошли к парадной двери.

— Как я сказала, все еще в силе. Ты выяснишь все, что сможешь, о покойнике, разъезжающем в багажнике Куки, а я позвоню тебе, как только узнаю, где Рейес.

К таким сомнениям, которыми были полны его глаза, даже я не привыкла. А я привыкла ко всяким сомнениям.

— Ну, я имела в виду, как только узнаю, где его тело. Этот гад его от меня прячет.

— Фэрроу прячет от тебя свое тело?

— Да. Говорю же, гад. И мы должны найти его раньше, чем оно умрет.

Гаррет почесал щеку.

— Я совершенно запутался.

— Вот и славненько. Пусть так и будет. Твой позвоночник тебе потом спасибо скажет.

По пути в офис я рассказала ему все, что знала о безбилетном пассажире Куки. Гаррет записал производителя, модель и номер, когда мы проходили мимо ее машины на парковке. Он поищет предыдущих владельцев автомобиля, а я пока займусь двумя своими пропавшими без вести — Мими и Рейесом. Мне был очень нужен Ангел, но самое малое, что я могла сделать, — это попросить Куки обзвонить больницы и узнать, не поступали ли к ним за последние несколько часов раненные мужчины. Основные приметы: брюнет, около тридцати, суперсексапильный. Может быть, его уже нашли, и он мне просто не сказал. Но это нужно было сделать очень осторожно.

Гаррет уехал, а я прошла вверх по лестнице, притаилась у приемной Куки, чтобы осмотреться по сторонам, и проскользнула в офис. Куки тут же подняла голову, и я прижала палец к губам, чтобы она молчала. Она привыкла, что здесь время от времени появляются призраки, но сейчас застыла, беспокойно обвела глазами комнату, потом снова посмотрела на меня и вопросительно приподняла брови.

Я все еще прижимала палец к губам, на цыпочках прокралась к Куки (не знаю зачем, просто казалось, так и надо было сделать) и взяла с ее стола ручку и лист бумаги. Еще раз оглядев комнату, я нацарапала записку, в которой просила ее проверить, не появлялся ли в больницах Рейес, и вручила ей листок. В тот же миг я услышала, как кто-то откашлялся у меня за спиной. Я чуть из джинсов не выскочила, в процессе насмерть перепугав Куки, потом повернулась и увидела Рейеса. Он стоял, прислонившись к стене рядом с ее столом. Проклятье, до чего же он хорош.

— «Поросячья латынь»^[7]? — спросил он, и на его красивом лице можно было прочесть только одно — насмешку.

Я вырвала записку из рук Куки и уставилась на него.

— Это единственный иностранный язык, которым она владеет.

— Ты надеялась поставить меня в тупик «поросячьей латынью»?

Поглядев на листок в руке, я съежилась. Ведь и правда, не самая лучшая идея из всех, что когда-либо посещали мою голову. Я повернулась к нему.

— И что? Собираешь перерубить Куки позвоночник?

Куки громко ахнула. Я ущипнула себя за переносицу. Не надо было ей этого слышать. Особенно после новостей о привидении в багажнике.

За доли секунды Рейес испарился и материализовался прямо передо мной. Очень сердитый.

— Ну и что мне сделать, Датч?

— Чтобы я перестала тебя искать? — Нет, не хочу я никаких ответов. Ни своих, ни его. — Ты не знаешь, что произойдет, если умрет твое тело, Рейес. Я не прекращу поиски.

Я ощущала, как кипит, бурлит досада под его совершенной внешностью. Он наклонился ко мне, но ничего не успел сделать — схватился за грудь и удивленно посмотрел на меня.

— В чем дело? — спросила я.

Он стиснул челюсти, его тело превратилось в статую, словно он чего-то ожидал.

А потом я все увидела. Его вид изменился.

На лице и груди появились глубокие рваные раны, разодранная рубашка вся окрасилась кровью в одно мгновение. И он был мокрым, пропитанным темной жидкостью, которую я не смогла узнать. Он прорычал сквозь зубы и недоуменно осмотрел себя.

— Рейес! — заорала я и бросилась к нему.

Как только наши взгляды встретились, он исчез. Испарился в мгновение ока. Я обеими руками прикрыла рот, чтобы не закричать. Куки выскочила из-за стола и упала рядом со мной на колени. Муки, которым он подвергался, были ясно написаны на его лице. И он не хочет, чтобы я его нашла?! Да я весь ад разорву в клочья, лишь бы его отыскать.

*Никогда не стесняйся броситься сквозь толпу,
напевая саундтрек из фильма «Миссия невыполнима».*

Надпись на футболке

Припарковав вишневый джип «вранглер», также известный как Развалюха, в половине квартала от цели, я снова впала в режим «Миссия невыполнима», чтобы пересечь опасную область в пределах южного района боевых действий. Убогую территорию вокруг брошенной психбольницы давно облюбовали банды всех мастей. А самой больницей, прикрытой правительством еще в пятидесятых, владела местная банда байкеров, которые называли себя «Бандитами». По большей части, они относились к старой школе и пользовались цветами, отражающими верность Богу и стране.

Просканировав окрестности, особое внимание я уделила главному убежищу «Бандитов» — отдельному от больницы зданию, мне лично известному под названием «Оплот ротвейлерского беззакония» (что поделать, «Бандитам» нравятся ротвейлеры), и полезла через забор так быстро, как только могла. Признаться честно, получалось не очень быстро. За все те годы, что я вторгаюсь на территорию «Бандитов», ротвейлеров выпускали патрулировать периметр всего несколько раз. В течение дня банда обычно держит их внутри. Надеюсь, что удача не изменит мне и на этот раз, но все же держа ухо востро, я полезла вверх по забору, кривясь от боли, когда металлическая проволока впивалась в пальцы. И почему кажется, что у мужиков это получается так легко? Единственное, что мне нравилось в этом занятии, — это как раз наблюдать за теми мужиками, у которых это с виду получается так легко.

Я перевалилась на другую сторону, упала, прокатилась по земле и остановилась. С одной стороны, чтобы пожалеть себя любимую, а с другой, чтобы пересчитать пульсирующие от боли пальцы. К счастью, все были на месте. Не хотелось бы потерять один из них в процессе покорения забора.

Еще раз взглянув в сторону дома банды, я помчалась к окну в подвал, которым пользовалась, вламываясь в больницу, со старших классов. Меня всегда особенно тянуло в заброшенные психиатрические лечебницы. Я частенько бродила по ним (читай: проникала со взломом), пока однажды ночью, когда мне было пятнадцать, совершенно случайно не открыла для себя именно эту. Той же ночью я нашла Рокета. Был такой научно-фантастический персонаж, Рокетмен, в пятидесятые годы, когда ученые думали, что ракеты управляются паровыми двигателями, а к инопланетянам относились так же негостеприимно, как к коммунистам. Я выяснила, что Рокет настоящий гений, потому что знает имена всех, кто когда-либо умер. Миллионы миллионов имен хранятся в его детском разуме. Что время от времени бывает очень полезно.

На животе я пролезла в окно, кувыркнулась и приземлилась на ноги на бетонном полу подвала. Молодец я. Не будем считать все те разы, когда после такого же маневра я приземлялась на задницу в грязь, прихватив шевелюрой тонны паутины. Я повернулась, чтобы изнутри запереть окно. Чтобы навестить Рокета, всегда сперва приходится убегать от зубов ротвейлеров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мисс Шарлотта!

Наверное, уже в стотысячный раз за день я подскочила, порезав палец о замок окна. Судя по всему, девиз сегодняшнего дня — «Напугай Чарли так, чтоб ее вырвало от страха». Знала бы, заказала бы сырные шарики.

Я стремительно развернулась и посмотрела на ухмыляющееся лицо Рокета. Он стиснул меня в объятиях, которые оказались мягкими и теплыми, несмотря на низкую температуру моего визави. Я засмеялась, и мое дыхание превратилось в пар.

— Мисс Шарлотта, — повторил он.

Мне захотелось его подразнить:

— Все равно что обниматься с ледяной статуей.

Рокет поставил меня на пол, его глаза сияли счастьем.

— Мисс Шарлотта, вы вернулись.

Я хихикнула:

— Я же говорила, что вернусь.

— Да, но прямо сейчас вам нужно уйти.

Он обхватил меня за талию, а через секунду я обнаружила, что прижата к окну подвала. Тому самому, которое я только что закрыла.

— Да погоди же, Рокет, — заныла я, перебрасывая ноги по обе стороны подоконника. Мне было смешно: подайте сюда гинеколога, потому что поза для обследования самая подходящая. Меня и раньше выставляли из психушек, но Рокет никогда меня не прогонял. — Я же только что пришла, — продолжала бороться я, упираясь руками в подоконник, но, черт бы побрал мировое дерьмо, Рокет был силен.

— Мисс Шарлотте нужно уйти, — повторил он, вообще ни прилагая никаких усилий, чтобы удержать меня на месте.

Я стиснула зубы под его напором.

— Мисс Шарлотте не нужно уходить, Рокет. Можешь поверить ей на слово.

Не сдвинувшись ни на миллиметр, он продолжал прижимать меня все плотнее и плотнее к окну. Внезапно я потеряла опору — правая нога соскользнула, и я оказалась прижатой к крошечному окошку.

Тут я и услышала треск. Леденящий душу треск стекла, поддающегося давлению. Проклятье. Если меня будут зашивать, Рокету придется заплатить. Не буквально, конечно.

Изо всех сил я пыталась извернуться и оказаться подальше от стекла, которому несколько десятков лет, когда Рокет вдруг исчез. В ту же секунду я грохнулась на бетонный пол, приземлившись на левое плечо и немножко — на голову. Напалмом взорвалась боль и распространилась по нервным окончаниям. И я поняла, что не могу дышать. Ненавижу, когда такое случается.

Рокет появился снова, подхватил меня, поставил на ноги и спросил:

— Вы в порядке, мисс Шарлотта?

Теперь он, видите ли, беспокоится.

Я принялась обмахивать лицо, чтобы хоть капля воздуха просочилась в горящие легкие. Ничего другого не оставалось — падение вышибло из меня дух. И тот факт, что подобное состояние ничем не угрожает жизни, вовсе не ослаблял паники, в которую я катилась со скоростью света.

Когда я не ответила, Рокет встряхнул меня, выждал немного и снова встряхнул. Мир у

меня перед глазами расплылся, снова стал четким, расплылся опять, и мне стало интересно, не заполучила ли я, ударившись головой, сотрясение.

— Мисс Шарлотта, — проговорил Рокет, пока я глотала воздух крошечными порциями, которых явно было недостаточно, чтобы прогнать ощущение неизбежного удушья. — Зачем вы это сделали?

— Что? Я? — переспросила я, стараясь не произносить слов длиннее одного слога. Другие попробую попозже.

— Зачем вы упали?

— Вот уж не знаю. — Жаль, что на язык Рокета сарказм перевести трудно.

— Новые имена. У меня новые имена, — сказал он и потащил меня вверх по лестнице.

По пути он ласково гладил поцарапанные стены, словно они были из драгоценных металлов. Этим и занимался Рокет — снова и снова вырезал на стенах имена тех, кто умер. Больница была огромна, но я все равно знала, что когда-нибудь он станет выцарапывать имена прямо внутри покрытых цементом стен, потому что поверхностей рано или поздно не хватит. Рухнет ли тогда здание? Станет ли прахом Земли, как люди, чьи имена он увековечил? Если так, то что будет с Рокетом? Куда он пойдет? Я бы пригласила его к себе, но не знаю, как отнесется мистер Вонг к ребенку-переростку с манией ковырять стены.

— Я думала, мне нужно уйти, — выдавила я, чувствуя, как расслабляются наконец-то легкие.

Он остановился на верхней ступеньке и задумчиво поглядел в потолок.

— Нет, сейчас вам уходить не надо. Только не нарушайте правил.

Я чуть не рассмеялась. Он так привязан к своим правилам, а я и понятия не имею, что это за правила такие. Мне еще предстояло выяснить, к чему была затеяна вся эта эпопея с выпихиванием меня через окно. Раньше он никогда не пытался меня выставить.

— Рокет, мне нужно с тобой поговорить, — сказала я, топая за ним.

Пока мы шли по запущенному зданию, он продолжал гладить стены справа от себя.

— У меня новые имена. Их не должно здесь быть. Нет-нет, мэм, не должно.

— Знаю, милый, и я до них доберусь. Но сначала мне нужно кое о чем тебя спросить.

Не успела я схватить его за рубашку, чтобы остановить, как Рокет испарился. Вся сила воли, до последней капли, понадобилась мне, чтобы не плюхнуться лицом в ладони от досады. Синдром дефицита внимания доведен у Рокета до апогея.

— Мисс Шарлотта, — услышала я его голос дальше в том же коридоре, — продолжайте идти.

Я пошла на голос, лелея надежду, что полы подо мной не обвалятся, и жалея, что не захватила фонарик.

— Иду, оставайся на месте.

— Все они, — сказал Рокет, когда я подошла к нему. — Все они. Их не должно здесь быть. Они должны выполнять правила, как все остальные.

И Рокет знал, что помочь им перейти — моя работа. Я посмотрела на стену, которую он мне показал. Сотни имен из десятков стран. Меня всегда поражает, как же хорош он в своем деле.

Я решила его проверить, узнать, что он скажет, услышав иномирное — за неимением лучшего термина — имя Рейеса. Но сначала нужно спросить о Мими Джейкобс. Нужно убедиться, что она все еще жива.

— Хорошо, но у меня для тебя тоже есть парочка имен.

Ничто на свете не способно так быстро привлечь внимание Рокета, как упоминание имени. Его глаза засияли от предвкушения, почти алчно.

Я подошла ближе, чтобы он не вздумал испариться на одно из своих настенных заданий сквозь коридоры психушки.

— Мими Энн Джейкобс. Девичья фамилия Маршал.

Рокет склонил голову, ресницы его трепетали, словно он был поисковой системой, просматривающей ресурсы его собственного разума в поисках информации. Внезапно он поднял голову и посмотрел на меня:

— Нет. Ее время еще не пришло.

От сердца отлегло, и я собралась с силами, чтобы назвать второе имя. Я знала, что расспрашивать Рокета о Мими бесполезно, хотя и подозревала, что знает он больше, чем говорит. Наступил черед Рейеса. На всякий случай положив ладонь на руку Рокета, я задала вопрос:

— Рокет, что тебе известно о Рейазиэле?

Его губы сложились в твердую линию, и на два долгих удара сердца он замер, потом наклонился ко мне и тихо-тихо сказал:

— Ему здесь не место, мисс Шарлотта.

Рокет и раньше это говорил, когда я спрашивала о Рейесе Фэрроу. Видимо, он в курсе, что Рейес и Рейазиэль — одно и то же лицо.

Я ободряюще сжала его руку и прошептала:

— Почему?

Его лицо изменилось.

— Мисс Шарлотта, я ведь вам говорил, — отчитал он меня, нахмурившись. Хотя больше был похож на обиженного ребенка. — Ему не следовало становиться мальчиком по имени Рейес. Он Рейазиэль. Ему не следовало родиться.

Это я тоже уже слышала.

— Рокет, его материальное тело все еще живо?

Перед тем как ответить, он задумчиво прикусил губу:

— Мальчик Рейес все еще здесь, мисс Шарлотта, но он нарушил правила. Правила нарушать нельзя, — добавил он, погрозив пальцем.

И снова будто гора с плеч. Меня приводило в ужас, что тело Рейеса может умереть раньше, чем я его найду. Мысль о том, чтобы потерять его, парализовала меня.

— Марсиане не могут стать землянами только потому, что им хочется напиться нашей воды, — продолжал Рокет.

— Так Рейазиэль хотел нашей воды?

Я честно старалась понять его метафоры, но это нелегко. С Рокетом вообще нелегко.

Его мальчишеские глаза встретились с моими. Долго-долго он смотрел на меня, прежде чем ответил:

— И до сих пор хочет. — Затем погладил меня по щеке. — Хочет больше, чем воздуха.

Я с трудом сделала вдох. Рокет редко казался таким рациональным, таким поэтичным.

— Однажды Рейес сказал, что родился ради меня. Чтобы быть со мной. Это тебя пугает, Рокет? Ты боишься за меня?

— Это же Рейазиэль, мисс Шарлотта. Конечно, я за вас боюсь. Я за всех боюсь.

Вот оно что. Наверное, это плохо. Расправив плечи, я в упор посмотрела на Рокета.

— Ты знаешь, где его тело?

Он затряс головой, цыкнул на меня.

— Ему нельзя нарушать правила.

— Какие правила, Рокет?

Может быть, подсказки как раз в этих правилах, которые он нарушил. Я понимала, что хватаюсь за соломинку, но без помощи Ангела мне ничего другого не оставалось.

— В доме нельзя играть в прятки.

— В каком доме? — спросила я. Его слова меня удивили. Рейес прячет свое тело. Не это ли имел в виду Рокет?

Он замер и опустил глаза, будто что-то почувствовал. Не предупредив, он зажал мне рукой рот и толкнул к стене. Прикрыв меня собой, он оглядел помещение огромными от страха глазами и прошептал:

— Ш-ш-ш, он здесь.

И тут же я его почувствовала. Жар и покалывание, словно в комнате назревала гроза. Со звуком трепещущих крыльев вокруг нас взорвалась тьма, за клубилась, как обсидианово-черные тучи посреди Армагеддона. И появился он, надежно укрытый своим плащом, скрывающим его лицо.

О да, он был в бешенстве.

Я поспешно сняла с себя руку Рокета и выступила вперед.

— Рейес, подож...

Не успела я закончить, как услышала звон вынутаго из ножен металла. От осознания, что он собирается испробовать свой меч на Рокете, я затаила дыхание.

— Нет, Рейес, — выдохнула я и выскочила перед Рокетом.

Но меч уже был занесен. Со свистом он разрубил воздух и остановился на глубине пальца в моей грудной клетке, с левой стороны. Боль не заставила себя ждать, но я знала, что никакой крови не будет. Рейес убивает с талантом хирурга, только изнутри. Никаких внешних повреждений. Никаких свидетельств нападения. Только безупречный, чистый внутренний разрез, который ставит в тупик лучших в стране докторов и коронаров — в зависимости от исхода.

Казалось, время остановилось, пока я смотрела на длинное зазубренное лезвие. Оно зависло параллельно полу, на сантиметр во мне, и ослепительно блестело.

Рейес выдернул из меня меч и спрятал его в складках плаща, а я медленно, неловко шагнула спиной к стене, чувствуя, что сердце вот-вот споткнется о само себя. Он сбросил капюшон, сдвинул от беспокойства брови и потянулся ко мне, будто собирался поймать. Я оттолкнула его и развернулась, но Рокета и след простыл. Я повернулась к Рейесу. Из-за его глупости я злилась, как никогда в жизни.

— Похоже, в последнее время тебя так и распирает от желания причинять людям боль.

Стоило сказать, как я начала сомневаться во всем, во что раньше верила. Я привыкла считать, что он добрый, благородный и, ну да, смертоносный, но в хорошем смысле.

— В последнее время? — насмешливо переспросил Рейес. — Я причинял людям боль ради тебя несколько дольше, Датч.

Правда. Он не раз спасал мне жизнь. Не раз причинял боль людям, которые собирались причинить боль мне. Но каждый раз то были люди, виновные в чем-то очень-очень плохом.

— Нельзя так запросто причинять людям боль и убивать их только потому, что тебе так вздумалось. Вижу, папочка не научил тебя...

С диким рычанием он отвернулся от меня, плащ исчез, и его гнев запылал таким жаром,

будто в аду только что произошел взрыв.

— И какого из папочек ты имеешь в виду? — спросил он нарочито безразличным тоном, в котором ясно слышалось: ему больно только от того, что я об этом упомянула.

В аду он был полководцем. Вел армии своего отца в битву с невообразимыми последствиями. Потом сбежал и родился на Земле. Ради меня. Но жизнь, которую он планировал, — та, в которой мы вместе растем, ходим в школу и колледж, имеем детей, — осталась лишь отголоском мечты, когда его совсем маленьким похитили и продали монстру по имени Эрл Уокер — человеку, за убийство которого Рейес сел в тюрьму. Жизнь, которой он жил на Земле, издевательства, через которые ему пришлось пройти, стали настоящей трагедией и привели к известному финалу.

Я шагнула к нему.

— Прости, не хотела говорить ни об одном из них.

Рейес глянул на меня через плечо. Было заметно, как дрожат его мышцы под весом воспоминаний.

— Ты должна прекратить меня искать.

— Нет, — сказала я шепотом, потому что громче не получилось.

Его губы сложились в улыбку, но до глаз она не добралась. А через мгновение он снова отвернулся от меня.

— Мое тело скоро умрет. Долго ему не продержаться.

Мое сердце зашлось от острой боли.

— Тебя пытаются? — спросила я, а сердце в груди просто билось в конвульсиях.

Глядя на работу Рокета, Рейес поднял руку, провел пальцами по одному из имен, и от этого простого движения плавные линии его татуировки будто ожили.

— Беспощадно.

Ничего не смогла поделать — в глазах запекло, и на ресницах скопилась влага. Он тут же оказался передо мной.

— Не надо. — Голос его звучал резко, с угрозой. — Даже не вздумай меня жалеть.

Я опять попятилась к стене. Рейес наступал. Уже лучше. Легче на него злиться, когда он ведет себя, как придурок. Вот только нежности я не ожидала. Он притворялся, будто ласкает, соблазняет, а на самом деле проверял нанесенную мне рану. И прикосновения его ладони успокаивали и исцеляли.

— Почему ты ранил Пари? — спросила я, по-прежнему поражаясь, как он может быть таким нежным и все же так легко причинять боль.

Он отошел от стены.

— Я никогда не трогал твою подругу. Я даже не знаю, кто она такая.

Удивившись, я моргнула.

— Она же тебя вызвала.

— Это она тебе сказала?

— Ну да. Сказала, что призвала тебя, Рейазиэля, когда они с подружками устроили сеанс вызова духов.

Он усмехнулся, сухо и грубовато.

— То есть твоя подруга считает, что позвала меня, как какого-то пса?

— Нет-нет, ничего подобного.

— Меня не может призвать группа бестолочей-подростков, играющих в городские легенды. Только один человек на свете может меня вызвать, — добавил Рейес, пристально

глядя на меня.

Он сейчас обо мне? Неужели я могу его призвать?

— Значит, это был не ты?

В ответ он только покачал головой.

— Тогда не ты ее ранил?

Одну долгую секунду он в упор смотрел на меня.

— Знаешь, что самое интересное?

Вопрос с подвохом. Нутром чую.

— Что?

— Что ты искренне веришь, будто я могу безо всякой причины причинить вред невинным людям.

— А разве не можешь? — В моем голосе так и сквозила надежда.

— Еще как могу. Только я не подозревал, что тебе об этом известно.

Чудненько, он разозлился. Это я видела прекрасно.

— Ты собираешься убить Рокета? Разве это вообще возможно?

— Он уже мертв, Датч.

— Тогда что...

— Я собирался на какое-то время от него избавиться, пока он будет прятаться от страха в какой-нибудь дыре. У него это отлично получается.

— Все-таки ты жестокий, — заявила я как бы между прочим.

Обжигающе горячие пальцы легли мне на шею, приподняли мое лицо.

— Я был генералом в аду. И ты сомневаешься?

— Я не сомневаюсь, что ты приложил все усилия, чтобы убедить меня в том, какой ты плохой.

Рейес улыбнулся:

— Я провел столетия в подземном мире. Я такой, какой есть. Будь я тобой, давно бы снял розовые очки и хорошенько подумал, что именно ты пытаешься спасти.

— Почему же ты сам себя не убьешь? — спросила я, дрожа от нетерпения. — Покончил бы со всем одним махом. Почему позволяешь себя мучить?

— Не могу, — ответил он и опустил руку, а я замерла, внимательно его слушая. От досады он стиснул зубы. — Мое тело охраняют. Мне и близко не дадут к нему подойти.

— Демоны? Сколько их?

— Слишком много, даже для тебя.

— Значит, пара штук? — спросила я. Представить не могу, что справлюсь даже с одним.

— Если им удастся забрать меня назад, тебе придется выяснить, на что ты способна, Датч, причем как можно быстрее.

— Почему ты просто не расскажешь мне?

Он покачал головой. Ну конечно, чего еще я ждала?

— Это как сказать птенцу, что он может летать, пока он еще не покинул гнезда. Он должен сам это узнать, интуитивно. Это инстинкт. Если я вернусь, если меня заберут обратно, когда тело умрет, ты останешься одна. И рано или поздно они тебя найдут.

Да уж. А еще дерьмовее бывает?

Рокет испарился, и вряд ли кто-то мог знать, когда он вернется. Однажды я его не видела целых два месяца, и дело тогда было вовсе не в Рейесе. Кто знает, сколько Рокет будет прятаться на этот раз?

Я вернулась в Развалюху и вызвала подмогу. Во рту все еще было горячо от жаркого поцелуя, которым наградила меня Рейес перед тем, как испарился. Потом я позвонила Куки.

— У меня по-прежнему полный ноль, — сообщила она.

— Ничего, продолжай копать. Я поеду повидаться с Уорреном, а ты позвони, если найдешь что-нибудь интересное.

— Будет сделано.

Как только я захлопнула телефон, у меня за спиной притормозила патрульная машина. За рулем сидел Тафт — полицейский, работавший с дядей Бобом. Надо мной уже посмеивались несколько местных детишек, очевидно, думая, что у меня неприятности. Дети из таких районов редко видят полицию в хорошем свете. Трудно радоваться людям в форме, которые уводят маму или папу посреди ночи за шум в доме.

Нахлобучив фуражку, Тафт направился ко мне, сканируя окрестности на предмет признаков агрессии. Пришлось вылезти из машины. На нем была чистая черная форма, военной выправкой несло за версту, но совсем не его мне хотелось увидеть.

— Привет, Тафт, — поздоровалась я, чтобы покончить с любезностями до того, как обратить внимание на девятилетнюю покойницу, следовавшую за ним попятам и известную под именем Исчадие Ада. — Привет, милашка.

— Привет, Чарли, — пропела она нежным и сладким голосом, словно вовсе и не была воплощением всемирного зла.

Как и у дьявола, у Исчадия Ада было много имен. Собственно, Исчадие Ада, Отпрыск Сатаны, Любимое Дитя Люцифера, Сахарная Слива, или, для краткости (что я особенно люблю) СС. Она приходилась младшей сестрой Тафту и утонула, когда оба были еще детьми. Тафт пытался ее спасти, но не вышло, и в итоге провел неделю в больнице с воспалением легких. С тех пор СС всегда была при нем. Пока не нашла меня. И не попыталась выцарапать мне глаза, хотя я вообще была ни при чем.

Впервые мы с ней встретились, когда Тафт увозил меня с места преступления, а она сидела на заднем сиденье его машины. Тогда Сахарная Слива решила, что у меня виды на ее брата, обозвала меня уродиной и сукой и пыталась лишить зрения. Осадочек остался.

Она оглянулась, и длинные светлые волосы в беспорядке разметались вокруг лица. Заметив разваливающуюся психлечебницу, она с отвращением сложила на груди маленькие ручки.

— Что мы здесь делаем?

— Я хотела узнать, можешь ли ты оказать мне услугу.

Она повернулась ко мне и сморщила нос, обдумывая мои слова.

— Ладно, но тогда и ты ответишь мне тем же.

— Да ну? — спросила я, прислонившись к Развалюхе. — И что же тебе нужно?

— Дэвид кое с кем встречается.

— Теперь все ясно. — Я притворилась, будто мне есть до этого дело. — А кто такой Дэвид?

Она закатила глаза, как могут только девятилетние.

— Мой брат! Дэвид Тафт. — И для убедительности показала на него пальцем.

— А-а, этот Дэвид! — Я хихикнула, чтобы обратить на себя его внимание.

— Что она говорит? — спросил он.

Я решила не отвечать.

— Она уродина, на ней много помады, и все вещи слишком тесные.

— Так она шлюшка? — Я угрюмо воззрилась на Тафта.

Он поднял руки вверх:

— Чего тебе?

— Пробу негде ставить, — заявила Слива, подтверждая мои подозрения, и снова указала на брата пальцем. — Ты должна с ним поговорить. Эта шлюшка остается на всю ночь, ей-богу!

Поджав губы, я уперла руки в бока, надеясь, что от меча Рейеса не обзавелась внутренним кровотечением. Ненавижу внутренние кровотечения. Если уж мне предстоит истечь кровью, то подайте мне наглядные свидетельства, чтобы я могла упиваться собственным героизмом по полной программе.

— Скорее всего поговорю, — ответила я. Бросив на Тафта разочарованный взгляд и получив в ответ раздраженный, я стала объяснять, зачем мне понадобилась СС: — Пока мы с твоим братом будем разговаривать, не могла бы ты сходить вон в то здание и поискать маленькую девочку?

Тафт со Сливой скептически посмотрели на больницу.

— Страшновато выглядит, — заключила она.

— И вовсе оно не страшное, — соврала я. Я же в этом мастер. Что может быть страшнее брошенной психушки, где, если верить слухам, доктора проводили над пациентами эксперименты? — Там живет хороший человек по имени Рокет. Вместе со своей маленькой сестрой. Она даже младше, чем ты.

Сестру Рокета я никогда не видела, но он мне тысячу раз говорил, что она живет с ним. Она умерла от пылевой пневмонии, и, если судить по его словам, ей должно быть около пяти.

— Его зовут Рокет? — захихикала Слива.

— Ага, и кстати... — Я наклонилась к ней. — Когда будешь там, попробуй узнать его настоящее имя.

Я перелопатила все записи о больнице, которые только смогла отыскать, и все равно ничего не узнала о том, кто такой Рокет и откуда он. Но ведь ясно же, что Рокетмен не может быть его настоящим именем.

— Хорошо.

— погоди, — успела я сказать за долю секунды до того, как она исчезнет. — Не хочешь знать, зачем ты туда идешь?

— Найти маленькую девочку.

— Да, но мне нужна информация, если она что-то знает. Я хочу узнать, может ли она рассказать мне, где искать тело Рейеса. Его человеческое тело. Запомнишь?

Она снова сложила на груди руки, презрительно сказала «Я не дура» и исчезла. Я скрипнула зубами, совсем капельку. Потому что была уверена: Сахарную Сливу послал мне Господь в наказание за злоупотребление «Маргаритой» в прошлый четверг, что привело к уродливой непрямходящей версии дешевки в моем исполнении.

Тафт стоял по стойке «смирно», беспокойно поглядывая на больницу, а я прислонилась к Развалюхе, поставив каблук ботинка на подножку.

— Знаешь, — начала я, — твоя сестра сказала мне, что ты встречаешься со шлюшкой.

Он повернулся ко мне с совершенно обескураженным видом.

— Она не шлюшка. То есть, ладно, она такая, потому я с ней и вижусь. Но ей-то откуда знать?

Я пожала плечами:

— Чувак, я понятия не имею, почему твоя подружка не знает, что она шлюшка.

— Нет, я о Бекки. Она знает, что я с кем-то встречаюсь?

Я подняла руки.

— Может, если б я знала, кто такая Бекки...

Он потрясенно уставился на меня.

— Моя сестра.

— Вот оно что! — искренне удивилась я. Кто же знал, что у Исчадия Ада окажется такое обычное имя? Я ожидала чего-то экзотического, вроде Серены, Дестини или Злобной Фигни, Приходящей По Ночам Пугать Нас До Смерти.

Рация Тафта исторгла какие-то звуки, которые я сочла абсолютно нечленораздельными. Он пошел к своей машине, чтобы поговорить без свидетелей, и тут зазвонил мой сотовый. Это была Куки.

— Дом мучительной боли Чарли, — сказала я в трубку.

— Джанель умерла в автомобильной аварии.

— О боже, мне очень жаль. Вы были близки?

Послышался раздраженный вздох, потом голос Куки:

— Джанель, Чарли. Джанель Йорк, школьная подруги Мими, которая недавно умерла.

— Ну конечно, — отозвалась я, опять удивляясь. Похоже, со мной такое частенько в последнее время. — Минуточку, автомобильная авария? Мими же говорила Уоррену, что Джанель убили.

— Именно. Если верить отчету, ей стало плохо, и она потеряла сознание прямо за рулем. Съехала в кювет с шоссе I-25 и разбилась. Все списали на несчастный случай.

— Тогда почему Мими сказала, что ее убили?

— Что-то ее испугало, — предположила Куки.

— И возможно, все это связано с нашим убитым продавцом машин.

— Я тоже так подумала. Мне кажется, тебе нужно как можно скорее поговорить с Уорреном. Выяснить, почему он ругался с этим человеком всего за несколько дней до того, как его нашли мертвым.

— Гении на одной волне, детка. Так я и поступлю.

— Это Куки?

Рядом со мной нарисовалась Сахарная Слива. Я захлопнула телефон и посмотрела на нее.

— Единственная и неповторимая. А ты быстро. Нашла сестру Рокета?

— Естественно.

Потрясающе. Я ведь даже не знала, настоящая она или просто плод воображения Рокета. Я ждала продолжения. Целую вечность.

— И?

— Она синяя.

Синяя? Ну, она умерла от пневмонии. Может быть, посинела от нехватки кислорода.

— Понятно. Что еще?

Слива опять сложила на груди руки. Это уже начало бы раздражать, если бы не выглядело так мило.

— Тебе не понравится.

— Она знает, где тело Рейеса?

— Нет, но она спрашивает. И еще она сказала, что Рейазиэлю не стоило родиться на Земле.

— Это мне уже говорили.

— Он очень могущественный.

— И это я успела выяснить.

— И если его человеческое тело умрет, он станет тем, кем был рожден в адском пламени.

А вот это что-то новенькое.

— И кем конкретно? — спросила я слегка дрожащим от страха голосом.

— Абсолютным оружием, — сказала Слива таким тоном, будто заказывала стаканчик мороженого. — Вестником смерти.

— Ну и дерьмо.

— Антихристом.

— Проклятье.

— Он могущественнее любого демона или ангела, которые когда-либо существовали. Он умеет манипулировать пространственно-временным континуумом и способен разрушить целую галактику и все, что в ней есть.

— Все ясно. — Я подняла руку, чтобы ее остановить.

И внезапно поняла, что мне не хватает воздуха. Но я должна была спросить. Не ожидала же я в самом деле, что ответы откажутся простыми и никак не связанными с разрушением целого мира? Конечно, нет, черт возьми. Все так и должно было быть — апокалиптически и кошмарно. Очень, очень хреново. И как теперь быть? Как с этим бороться? Найти тело Рейеса теперь важнее всего.

— За пять минут ты многое разузнала.

— Наверное, — пожала плечами Сахарная Слива.

Перед тем как снова посмотреть на нее, я переключила мозговые механизмы, врубила нейтралку и впала в глубокое отрицание происходящего.

— Так ты выяснила, как зовут Рокета?

— Ага. — Она перебирала пальцами край рукава моего свитера. Что было как-то тревожно.

Я ждала. Целую вечность.

— И?

— Что и?

— Имя Рокета?

— А что с ним?

Глубокий вдох. Глубокий, успокаивающий вдох. И выдох.

— Милая ты моя, — сказала я чуть хрипловато после дыхательной гимнастики, — как зовут Рокета?

Она глянула на меня так, будто я спятила.

— Рокет, дуреха.

Мои зубы опять заскрежетали. Если бы не эти огромные невинные глаза, не эти чудесные надутые губки, изгнала бы ее сию же секунду. Если бы знала как. Опустив голову, я потерявила выбившуюся нитку на джинсах.

— Как он?

СС пожала плечами:

— В порядке, просто немножко испугался.

Черт. Иногда Рейес такой козел. Долбанные антихристы. И тут я вспомнила:

— А как зовут его сестру?

У Сливы отвисла челюсть. Так она на меня и смотрела.

— Ты вообще слушаешь?

А чем, черт ее дерит, я прямо сейчас занимаюсь?

— О чем ты?

— Я тебе уже сказала. Она Синяя. Так ее зовут.

— Правда, что ли?

Она кивнула.

— Ее зовут Синяя?

Слива скрестила руки — опять — и медленно кивнула, видимо, для особо одаренных вроде меня.

— Может быть, у нее и фамилия в закромах завалилась? — Всезнайка выискалась.

— Ага. Незабудка.

Я вздохнула. Еще один псевдоним.

— Синяя Незабудка, значит?

Что ж, моему расследованию это никак не поможет. Рокет и Незабудка. Расчудесно. Хотя минуточку. Теперь у меня есть Рокетмен, Синяя Незабудка и, по всей видимости, Антихрист. И не смейте говорить, что жить в Чарлиленде скучно.

— А почему Синяя Незабудка не хочет со мной познакомиться? — поинтересовалась я, чувствуя себя немножко обиженной. Хотя погодите, нет, обиженной я себя ни капельки не чувствовала.

— Ты серьезно? — спросила Слива, глядя на меня так, словно я идиотка, несущая полную ахинею. — Если бы ты умерла и хотела навсегда остаться на Земле со своим братиком, стала бы ты знакомиться с единственным во всей вселенной человеком, который может отправить тебя на ту сторону?

Она права.

Тафт закончил говорить по рации и уже возвращался к нам.

— Она здесь? — спросил он, озираясь по сторонам. Все они смотрят по сторонам. Знать бы зачем.

— Во плоти, — ответила я. — Образно выражаясь.

— Она все еще на меня сердится?

Он поддел носком ботинка песок. Не будь я так ошарашена новостями о надвигающемся апокалипсисе, рассмеялась бы, когда СС сделала то же самое — ее крошечные розовые тапочки прошли сквозь землю, не побеспокоив ни пылинки.

— Я не сердилась, — проговорила она. — Просто хочу, чтобы он перестал приглашать на ужин всяких уродин. — Не успела я ничего ответить, как она сунула ручонку мне в ладонь. — Ему надо тебя пригласить.

Сказать, что одна мысль об этом меня ужаснула, стало бы чудовищным преуменьшением. Я с трудом сглотнула застрявший в горле булыжник и изо всех сил постаралась не соорудить какую-нибудь мину.

— Она не сердится, — придя в себя, сообщила я Тафту. Потом наклонилась к нему и зашептала: — Только, бога ради, найди какую-нибудь девушку, достаточно приличную для того, чтобы познакомить с мамой. И поскорее.

— Хорошо, — пробубнил он, в замешательстве сдвинув брови.

— И прекрати встречаться с шалавами.

С внутренними демонами я больше не борюсь.

Теперь мы с ними в одной команде.

Надпись на футболке

Показав свое удостоверение, я вошла в центральный полицейский участок, куда привезли на допрос Уоррена Джейкобса, и на другом берегу моря столов заметила Диби. К счастью, только пара копов отреагировали на мое появление. Большинство из них не в восторге, когда я вторгаюсь на их территорию. Отчасти потому, что я секретное оружие Диби, которое помогает ему распутывать дела еще до того, как остальные только приблизятся к разгадке, а отчасти потому, что, по их глубокому убеждению, у меня не все дома. Ни то, ни другое меня совершенно не заботит. Копы — странная смесь правил и высокомерия, но я давным-давно усекла, что оба свойства просто необходимы, чтобы выжить в опасной профессии. К тому же у всех свои тараканы.

Я направилась к Диби, который разговаривал с другим детективом. В последний момент вспомнила, что все еще злюсь на него за «хвост». И хорошо, что вспомнила, потому что уже собиралась просиять улыбкой.

— Диби, — холодно поздоровалась я. Сейчас посыплются сосульки.

Мой тщательно спланированный снежнокоролевный маневр не произвел на него никакого впечатления. Он усмехнулся. Я нахмурилась и заявила:

— Усы бы подстриг.

Улыбка Диби испарилась, и он смущенно потрогал усы. Конечно, грубо с моей стороны, но он должен знать, что мне серьезно не по душе установленная им слежка. Не благодарить же его за то, что наплевал на мою частную жизнь. Вдруг мне припечет взять в прокате порнушку?

Перед уходом второй детектив кивнул, уголки его рта подрагивали от подавляемой улыбки.

— Могу я с ним увидеться? — спросила я, когда коп наконец ушел.

— Он в комнате для допросов. Ждет адвоката.

Приняв это за положительный ответ, я пошла к комнате, по пути бросив через плечо:

— Кстати, он невиновен.

Как только я ступила в допросную, Диби проорал мне вслед:

— Ты так говоришь, только потому что злишься?

Не ответив, я закрыла за собой дверь.

— Мисс Дэвидсон, — поздоровался Уоррен, поднимаясь, чтобы пожать мне руку.

Выглядел он немножко хуже, чем тогда в кафе. Темно-серый костюм, ослабленный галстук, верхняя пуговица рубашки расстегнута.

— Как вы тут? — спросила я, усаживаясь напротив.

— Я никого не убивал, — прошелестел он.

Руки его тряслись от горя. Во время допросов виновные люди часто нервничают, но по

другим причинам. Чаще всего пытаются сочинить ложь поубедительнее. Такую, чтобы прикрыла все концы и прокатила в суде. Уоррен нервничал из-за того, что его обвиняли в совершении сразу двух преступлений, ни одно из которых он не совершал.

— В этом я не сомневаюсь, Уоррен, — заверила я, стараясь говорить твердо. Все-таки он не сказал мне всего, что знает, и мне хотелось выяснить почему. — Однако вы ругались с Томми Запата за неделю до того, как его нашли мертвым.

Уоррен уронил голову в ладони. Я знала, что дядя Боб за нами наблюдает. Он держал Уоррена в этой комнате, зная, что я приду с ним повидаться. Но если Дибби надеется на какое-то признание, его ждет большое разочарование.

— Послушайте, если бы я знал, что его найдут мертвым, я бы не стал с ним ругаться. По крайней мере на людях.

Надо признать, Уоррен не дурак.

— Расскажите, что произошло.

— Уже рассказал. — Его голос был печальным и еле слышным. — Я говорил, что думал, будто у Мими интрижка. Она так сильно изменилась, отдалилась... Это так на нее не похоже, что однажды я взял и проследил за ней. Она с ним обедала, с этим продавцом машин, и я решил... Я ведь был уверен, что она мне изменяет.

— Что же конкретно вас натолкнуло на эту мысль?

— С ним она вела себя иначе. Почти враждебно. Встала и собиралась уйти еще до того, как им принесли заказ. Он пытался ее остановить, даже за руку схватил, а она отшатнулась, будто он ее ударил. Когда она пыталась пройти дальше, он преградил ей путь. Тогда-то я и понял, что все правда. — Казалось, воспоминания высасывают из Уоррена жизнь. Его плечи поникли.

— Почему? — спросила я, давя в зародыше желание подержать его за руку. — Почему вы так решили?

— Она дала ему пощечину. — Он во второй раз уткнулся лицом в руки и уже не отнимал их. — Никогда в жизни она никого не била по лицу. Все это выглядело, как ссора любовников.

Я все-таки положила руку ему на плечо. Он взглянул на меня влажными покрасневшими глазами.

— Когда она ушла, — продолжал он, — я проследил за ним до его офиса. Там мы и сцепились. Конечно, он ничего мне не сказал, только просил не спускать с Мими глаз, потому что она якобы в опасности. — Слезы просочились сквозь ресницы, и Уоррен потер глаза пальцами одной руки. Другая рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. — Я просто сказочный идиот, мисс Дэвидсон.

— Никакой вы не идиот...

— Идиот, — перебил он, прищипив меня к месту таким отчаянным взглядом, что даже дыхание сперло. — Я тогда подумал, что он ей угрожает. Ну правда, как можно быть таким туподумом? Он пытался меня предупредить, что происходит что-то нехорошее, что от меня ничего не зависит, а я на него наорал. Угрожал ему всем, чем только можно, от суда до... до... убийства. Господи, что же я наделал? — спросил он сам себя.

Я тут же поняла, что, когда все закончится, Уоррену обязательно понадобятся две вещи: хороший адвокат и хороший психотерапевт. Бедняга. Большинство женщин убили бы за такого преданного мужчину.

— Что еще вам о нем известно? — поинтересовалась я. Наверняка он кое-что нарыл о

прошлом этого парня.

— Ничего. То есть не очень много.

— Ладно, расскажите, что знаете.

Уоррен безнадежно пожал одним плечом:

— Мими исчезла сразу после нашей с ним ссоры. Не было времени узнать больше.

— И вы решили, что она сбежала вместе с ним?

Кулак на столе сжался сильнее.

— Говорю же, я идиот.

Я почти слышала, как его зубы скрипят от ненависти к самому себе.

— Вам удалось выяснить, откуда они знакомы?

Глубоко вздохнув, он ответил:

— Да, они вместе учились в старших классах.

У меня в голове зазвучали звуки победы в игровом автомате. Опять школа.

— Уоррен, — проговорила я, снова привлекая к себе его внимание, — вы сами еще не поняли?

Его брови вопросительно приподнялись.

— Двое людей, с которыми ваша жена училась в школе, мертвы, а сама она исчезла.

Он моргнул, в глазах блеснуло понимание.

— Тогда что-то случилось? — спросила я. — Она когда-нибудь говорила о том, что было в старших классах?

— Нет, — отозвался Уоррен так, будто нашел ответы на все вопросы.

— Дерьмо.

— Нет-нет, вы не понимаете. Она никогда не рассказывала о том, как ходила в школу в Руисе до переезда в Альбукерке. Отказывалась. Несколько раз я расспрашивал, однажды даже пытался надавить, но она так разозлилась, что неделю со мной не разговаривала.

Я наклонилась вперед, чувствуя, как завихрилась внутри надежда.

— Там что-то случилось, Уоррен. И обещаю вам, я выясню, что именно.

Он обеими руками взял мою ладонь:

— Спасибо.

— Но если в процессе я умру, — добавила я, тыча в него пальцем, — то удвою свой гонорар.

Едва заметная улыбка смягчила его черты:

— Заметано.

Наш разговор подошел к концу, и тут же в допросной появился адвокат Уоррена. Они тихо заговорили, а я подошла к двустороннему зеркалу, уткнулась в него носом и ухмыльнулась.

— Говорила же, — сказала я, указывая большим пальцем себе за спину, — невиновен. Будешь знать, как садить «хвост» мне на задницу.

Все-таки месть — чудесная штука.

***

Я съездила в кафе «Шоколадный кофеек» с фотографией Мими, но ничего не добилась

— никто ее не помнил. Мы немного пофлиртовали с поваром Брэдом, потом я вернулась в офис, но Куки там уже не было. Она ушла пораньше, чтобы поужинать с дочкой. Каждый раз, когда двенадцатилетняя Эмбер оставалась с отцом, Куки настаивала на совместном ужине, поскольку переживала, что Эмбер будет не по себе. Внезапно до меня дошло, что за годы знакомства с Куки я никогда не видела ее бывшего. Странно. Я даже не представляю, как он выглядит, хотя говорит она о нем постоянно. Большинство из того, что она рассказывает, нельзя назвать хорошим. Правда, иногда она упоминает и приятные моменты. А иногда — так и просто замечательные.

Я спустилась вниз перекусить и обнаружила в баре папу. Он бросил полотенце бармену Донни. Донни — индеец с умопомрачительной мускулатурой и густыми длинными черными волосами, за которые любая женщина душу бы продала. Мы с ним никогда не были, так сказать, лицом к лицу. В основном потому, что он гораздо выше меня.

Я наблюдала за папой, который направлялся к моему столику. Это мое любимое место, укрытое в темном углу, откуда я могу незаметно наблюдать за остальными. Сама я не особенно люблю, когда за мной наблюдают. Разве что наблюдающий будет не меньше метра восьмидесяти, с сексуальным телом и такой же улыбкой. И не будет серийным убийцей. Это сразу плюс.

Аура папы все еще была непривычной. Как правило, его окружают яркие цвета, которые теперь были тусклыми и серыми. Только однажды я видела его таким. Тогда он был детективом и работал над серией жестоких похищений детей. Все было так плохо, что он даже не позволил мне вмешаться. Мне было двенадцать — достаточно для того, чтобы знать все и немного больше, и все-таки он ответил отказом на мое предложение помочь.

— Привет, милая, — поздоровался папа, изображая фальшивую улыбку, не отразившуюся в глазах.

— Привет, пап, — отозвалась я, улыбаясь точно так же.

Он принес нам обоим по сэндвичу с ветчиной и сыром. То, что доктор прописал.

— М-мм, спасибо.

Папа с улыбкой наблюдал, как я откусила кусок, прожевала, проглотила и запила глотком чая со льдом.

— Ну ладно, — сказала я наконец и посмотрела на него, — мне уже жутковато.

Тревожно рассмеявшись, папа ответил:

— Извини. Просто... ты так быстро растешь.

— Расту? — Я откашлялась в рукав. — Я уже вполне выросла.

— Точно. — Он по-прежнему был где-то не здесь. В другом времени. В другом месте. Через несколько секунд он вернулся в реальность и посерьезнел. — Милая, а твои способности... их больше, чем ты мне рассказывала?

Я откусила еще кусок и вопросительно свела брови.

— Ну, ты умеешь... умеешь делать всякие трюки?

На прошлой неделе меня пытался убить один редкий козел, муж бывшей клиентки. Рейес спас мне жизнь. Опять. И сделал это в своей обычной манере. Появился из ниоткуда и перерубил позвоночник того мужика одним молниеносным движением меча. Этот случай не был первым — позвоночники всяких преступников оказывались перерубленными без каких-либо внешних свидетельств и ран, способных объяснить эти феномены с медицинской точки зрения. Я начинала опасаться, что папа успел сложить два и два.

— Трюки? — переспросила я самым невинным голосом на свете.

— Ну, например, тот человек, который пытался тебя убить на прошлой неделе.

— Угу, — промычала я, откусывая еще раз.

— Ты его... ты... ты можешь?..

— Ничего я ему не делала, пап, — сказала я, проглотив кусок сэндвича. — Говорю тебе, там был кто-то еще. Он толкнул того мужика на лифт. Наверное, удар был таким сильным, что...

— Ну да, — покачал головой папа. — Так я и знал. Просто наш судмедэксперт говорит, что такое невозможно. — Он посмотрел на меня. Взгляд теплых карих глаз был пронзительным.

Я отложила сэндвич.

— Пап, ты же не думаешь, что я способна причинить кому-то вред?

— У тебя такая нежная душа, — печально отозвался он.

Нежная? Он вообще меня знает?

— Я подумал... а вдруг ты можешь больше...

— Я принесла десерт.

Мы оба устали на мою мачеху. Она приволокла стул, села рядом с папой и аккуратно поставила на стол белую коробку. Поклясться могу, ей только что уложили короткие каштановые волосы и сделали маникюр. Она пахла лаком для волос и лаком для ногтей. Я часто диву даюсь, что папа нашел в этой женщине. Его, как и всех остальных, ослепляла ее слишком ухоженная внешность. Все, кто ее знал, — или думал, что знает, — считали ее святой, раз уж она взяла в мужья копа с двумя маленькими детьми. Только вот мне на ум слово «святая» в одном предложении с мачехой никак не идет. Думаю, я ее нервирую. Положа руку на сердце, она меня тоже. Помада всегда слишком красная для ее бледной кожи. Тени слишком голубые. Аура слишком темная.

За мачехой явилась и Джемма — моя сестра. Напряженно улыбнувшись, она села на единственное свободное место. Рядом со мной. Ее светлые волосы были туго собраны сзади, косметики достаточно, чтобы выглядеть накрашенной, но без перебора. В конце концов, она профессиональный мозгоправ.

Наши отношения никогда не были особенно теплыми, но после школы все стало совсем из рук вон плохо. Не представляю почему. Она старше меня на три года и, пока мы росли, не упускала ни единого шанса мне об этом напомнить. Единственной матерью, которую я знала, к сожалению, была Дениз, а у Джеммы было три чудесных года с нашей настоящей мамой, до того как она умерла, подарив жизнь вашей покорной слуге. Частенько приходит в голову, не оттуда ли ноги растут? Может быть, Джемма подсознательно винит меня в смерти мамы.

Тем не менее, свято место пусто не бывает, и уже через год папа женился на волчице. Джемма сходу ее приняла. Мне же так и не удалось достичь апогея дочерне-материнской связи. Я предпочла собственную нору с налетом одинокой сексуальности без всяких мачех.

Странно, конечно, но я даже обрадовалась их появлению. Кто знает, как далеко зашел бы папа со своими вопросами. Возможно, он и сам не знал, как далеко может зайти, и все же оставалось слишком много того, во что он не был посвящен. Да и не нужно ему об этом знать. И он не узнает, если это как-то от меня зависит. По крайней мере, о том, что я ангел смерти. Однако он выглядит таким потеряннным. Почти отчаявшимся. Наверное, за двадцать лет в полиции он мог поднатореть в допросах, но в нашем случае хватался за соломинку. Прозрачную, цветную, как на детских днях рождения.

Покончив с сэндвичем, я извинилась, вызвав у папы вспышку раздражения, и потрусила домой, заметив, что Дениз не предложила мне ни кусочка купленного в соседней булочной чизкейка. В течение долгого и опасного тридцатисекундного пути домой я осознала, что Джемма так же озадачена папиным поведением, как и я. Она все бросала и бросала на него любопытные взгляды из-под ресниц. Может быть, позвоню ей позже и спрошу, что происходит. А может быть, сделаю восковую эпиляцию зоны бикини у немецкой борчихи — все веселее, чем тарыхтеть по телефону с сестрицей.

— Ну? — высунувшись из двери, спросила голова Куки, когда я подошла к своей квартире.

Как ей всегда удастся узнать, когда я возвращаюсь? Я же неуловимая. Почти незаметная. Как дым. Как ниндзя, только без маски на голове.

— Черт, — выругалась я, споткнувшись о собственные ноги и уронив сотовый.

— Ты говорила с Уорреном?

— Конечно. — Подняв телефон, я принялась рыться в сумке в поисках вечно прячущихся ключей.

— И?

— И этому человеку определенно понадобится медицинская помощь.

Куки вздохнула и прислонилась к косяку.

— Бедняга. Он действительно угрожал тому продавцу машин?

— На глазах у нескольких сотрудников, — кивнула я.

— Проклятье. Нашему делу это точно не поможет.

— Верно, только все это будет не важно, когда мы найдем того, кто это сделал.

— Если найдем.

— Ты что-то откопала?

— А ковбои носят шпоры? — В голубых глазах заблестели озорные искры.

— Ух ты, звучит многообещающе. Заскочишь?

— А то. Только в душ сбегая.

— Я тоже. До сих пор, кажется, воняю незаконно утилизированной нефтью или что это там было.

— Кофе не забудь, — напомнила Куки, закрывая за собой дверь.

***

Перед душем я быстренько проорала «Привет!» своему соседу мистру Вонгу. И снова я была не одна. Только-только вода нагрелась, объявился мертвый парень из багажника. Я пыталась выпихнуть его, упершись спиной в стену и изо всех сил толкая его руками и ногами, но он не шелохнулся. Мне просто необходимо научиться изгонять призраков-пизиков. Закончив с душем, я натянула спортивные штаны и включила кофеварку. Как ни старалась, я не могла заставить себя не вспоминать, что сказала о Рейесе сестра Рокета. Подумать только, вестник смерти. Да кто сейчас так говорит?

Как только я нажала кнопку на мистере Кофе, меня поглотил жар. Замерев, я пару секунд купалась в этом ощущении, а затем обернулась. Руки Рейеса лежали на стойке по обе стороны от меня. Я отклонилась назад, позволяя себе редкую роскошь — просто смотреть.

Полные губы, наверное, смело могут считаться самым чувственным, что в нем есть. Манящие. Созданные для поцелуев. Глубокие карие глаза обрамлены густыми черными ресницами, отчего золотистые и зеленые искорки сияют еще ярче. Такие глаза в своих фантазиях видит каждая девушка на планете.

Немигающий решительный взгляд захватил в плен мои глаза, пальцы потянули за шнурок на штанах. Потом Рейес посмотрел на мой рот, так, как обычно смотрят дети на прилавки в магазине сладостей. Пальцы потянули за пояс штанов, чтобы ослабить шнурок. Как всегда, его кожа казалась обжигающе горячей, и я в который раз спросила себя почему: потому что он нематериален, но по-прежнему жив, или потому что создан из адского огня? Буквально?

— Сегодня я кое-что о тебе узнала.

Пальцы нырнули за пояс штанов, пробрались ниже, вызывая во мне землетрясение.

— Да?

Так мы ни к чему не придем. Призвав на помощь всю доступную мне силу воли, я проскочила мимо него и шагнула к дивану.

— Идешь? — спросила я, когда он вздохнул.

Рейес наблюдал за мной, пока я усаживалась по-турецки. На животе еще горели следы от его пальцев. Но как бы страшно мне ни хотелось, чтобы эти пальцы добрались до нижнего берега, нам с их хозяином надо было поговорить.

Через мгновение Рейес оказался в гостиной, что заняло у него ровно два шага, и заметил в углу мистера Вонга. Повернулся к нему и окинул мрачным взглядом.

— Он в курсе, что мертв?

— Понятия не имею. Ходят слухи, что, когда твое материальное тело умрет, ты станешь антихристом.

Он застыл, стиснул зубы и медленно опустил голову. Я подумала, что, по всей видимости, попала в точку. Долго думать, однако, не пришлось.

— Затем меня и создали.

Меня пронзила совершенно не поддающаяся контролю тревога. Рейес поднял голову.

— Ты удивлена?

— Нет. Немножко, — призналась я.

— Ты когда-нибудь была знакома с кем-то, кому очень хотелось стать профессиональным спортсменом, но не хватало умений?

От внезапной перемены темы мои брови нахмурились.

— Ну, знавала я одного парня, который хотел стать профессиональным бейсболистом. Что он только ни делал.

— Он сейчас женат?

— Да, — ответила я, не представляя, к чему он клонит. — У него двое детей.

— Сын есть?

— Да. И дочка.

— Позволь спросить, чем занимается его сын?

Ну конечно. Так легко меня подловил.

— Играет в бейсбол. С двух лет.

Рейес понимающе кивнул:

— И он будет снова и снова давить на сына, заставляя его играть в бейсбол, быть профессиональным спортсменом, каким он сам так и не стал.

— Твоему отцу не удалось покорить мир, поэтому он воспитывал свое дитя, которое сделает это за него.

— Именно.

— И как? Хорошо он тебя вышколил?

— Каковы шансы, что тот ребенок вырастет и станет профессиональным бейсболистом?

— Понимаю. Ты не такой, как он. Но мне сказали, что материальное тело — все равно что якорь. Без него ты утратишь свою человечность. Станешь тем, кем он хочет тебя видеть.

— Как так получается, что ты веришь всему, что тебе обо мне говорят, но ни единому слову из того, что тебе говорю я?

— Неправда, — огрызнулась я, прижимая к груди декоративную подушку. — Ты мне сказал, что не знаешь, что случится, если ты умрешь. Я только пытаюсь это выяснить.

— Но все, что тебе удастся узнать, сплошной негатив. Катастрофа. — Он взглянул на меня из-под ресниц и прошептал: — Ложь.

— Ты сам только что сказал, зачем тебя создали. Это не ложь.

— Отец создал меня по одной-единственной причине. Но это вовсе не делает меня его марионеткой. И тем более не делает меня гребаным антихристом. — Рейес отвернулся от меня. Его гнев рос, поглощая раздражение. Громко вздохнув, он проговорил: — Я не хочу ссориться.

— Я тоже. — Я подскочила. — Я только хочу тебя найти. Хочу, чтобы с тобой все было в порядке.

— Что в слове «ловушка» тебе не понятно? — Он повернулся ко мне. В глазах светилось только одно — чистая ярость. — Пока ты в безопасности, со мной никогда не будет все в порядке.

В дверь постучали. Мы оба повернулись на звук.

— Друг, — раздраженно произнес Рейес.

— Куки? — Но ведь она никогда не стучит.

— Второй.

— У меня больше двух друзей, Рейес.

— Я все слышал, — сказал Гаррет, когда я открыла дверь. А через секунду он уже целился куда-то из пистолета. Мне определенно надо этому научиться. — Где он? — Гаррет протиснулся мимо меня и стал осматривать квартиру.

Рейес все еще был здесь. Я его чувствовала, хотя уже не видела. Как и Гаррет, что, впрочем, совершенно не имеет значения. Вряд ли пушка принесет какую-то пользу, если ему действительно придется обменяться мнениями с сыном Сатаны.

— Его здесь нет.

Гаррет повернулся ко мне, скрипя зубами.

— Я думал, мы заключили сделку.

— Остынь, дружок, — сказала я, закрыв дверь, и пошла к кофеварке. Мне был нужен кофеин. — Его материального тела здесь нет. А нематериальное обиженно испарилось.

Послышалось низкое рычание, пока я искала свою любимую чашку. Ту, на которой написано «Эдвард предпочитает брюнеток».

— Собираешься так поздно пить кофе?

— Или кофе, или пятый стакан виски.

— Вся эта муть с материальными и нематериальными телами Фэрроу выносит мне мозг.

— Ты нарыл что-нибудь на мертвого парня из багажника? — спросила я, видя, как заходит Куки. В пижаме.

— Ой, — выдохнула она, удивившись, что у нас компания. — Наверное, пойду переоденусь.

— Не дури, это всего лишь Своупс, — мрачно заметила я.

— Ну да. — Куки застенчиво прикрыла грудь, как будто фланелевая пижама могла быть прозрачной. Направляясь к кофеварке, Куки нервно и пискляво хихикнула.

Давно пора этим двум познакомиться поближе. Она втрескалась в Гаррета с первого взгляда, когда тот вошел в мой офис вслед за дядей Бобом. Они расследовали дело, и Гаррет остался в приемной, она же кабинет Куки, чтобы Дибби мог поговорить со мной с глазу на глаз и выяснить, что мне известно об убийстве пожилой женщины из Хайтс. Это было еще до того, как Гаррет узнал обо мне правду. Не знаю, о чем они говорили, но с тех пор Куки словно подменили. Хотя, конечно, может быть, все дело в том, что она оставалась целых десять минут наедине с высоким мускулистым мужиком с кожей цвета мокко, благодаря которой его серые глаза сверкают, как серебро на солнце.

Он ухмыльнулся, точно зная, как действует на Куки (как и на большинство женщин, чего греха таить), а потом уселся в кресло возле дивана.

— Воспитательница детского сада, — заявил Своупс, видимо, отвечая на мой вопрос о машине Куки.

Я навалила в чашку столько сливок, что кофе стал неузнаваемым, и подмигнула Куки:

— Своупс, нам неинтересно, кем ты хотел стать, когда вырастешь. Мы хотим знать, что ты выяснил о машине Куки.

— О моей машине? — пролепетала она, округлив глаза.

— Юмористка, — рассеянно пробормотал Своупс, изучая угол, где стоял, то есть висел мистер Вонг. — Предыдущей владелицей была воспитательница детского сада.

— Ты имеешь в виду, она водила мою машину до меня? — спросила Куки, усаживаясь с кофе на диван напротив Своупса.

Он улыбнулся. Я тоже, потому что это, кажется, самая длинная речь, которую она толкнула в его адрес.

— Ага. На ее имя выписана целая куча штрафов за превышение скорости.

Я присела рядом с Куки, вдруг осознав, что даже в пижаме она выглядит настоящей красавицей.

— Думаешь, она сбила его и скрылась с места преступления? — снова спросила она.

— Нет, если он умер в багажнике.

— А-а. — Она покачала головой. — Погодите-ка. — Ее рот сложился в круглую-прекруглую «о». — Вы думаете, она его убила? Нарочно засунула в багажник?

— Если отместить возможность несчастного случая? — предположил Гаррет.

Куки пожала плечами и смущенно хихикнула.

— У нее были приводы за вождение в нетрезвом виде, — продолжал Своупс. — Однажды ее за это арестовали, и дело даже было передано в суд, но его закрыли из-за нехватки улик.

— Ладно, — размышляла я вслух, — значит, она возвращается домой с вечеринки, тут появляется мертвый парень из багажника — конечно, он пока еще не мертвый, — она его сбивает, пугается, останавливается, чтобы проверить, как он, понимает, что он еще жив. Она сует его в багажник... зачем? Чтобы он не заявил на нее? — Секунду помолчав, я добавила:

— Бред какой-то. Если она боялась, что ее поймут, зачем вообще остановилась?

— Верно, — подал голос Гаррет, — твоя версия — полный отстой.

Мне стало интересно, где прохлаждается мертвый парень из багажника, когда я не в душе. Наверное, возвращается в багажник Куки.

— Придется тебе покопать еще, — сказала я Гаррету.

— Ты знаешь об искусственных умирающих цветах? — спросил он у Куки.

Она поджала губы и кинула, вода указательным пальцем вокруг уха. Никто меня не понимает.

— Так что ты узнала о Мими? — напомнила я ей.

— Кучу всего. — Куки выпрямилась, взволнованная тем, что ее очередь держать слово. — В старших классах Мими училась в Руисе, а потом переехала в Альбукерке к бабушке и дедушке.

Мы ждали продолжения. Не выдержав, я поинтересовалась:

— И это все?

— Конечно, нет, — усмехнулась она. — Скоро у меня будут списки учеников.

Вот это да! Теперь я понимаю, почему она так собой гордится. Когда нам в последний раз пришлось добывать список учеников государственной школы, результат был таким же, как если бы мы попросили смертельно уставшего папочку пожертвовать почку. В конце концов мне пришлось завербовать на свою сторону дядю Боба, его ржавый значок и ужасные навыки флирта.

— Как тебе это удалось? — спросила я, умирая от желания услышать ответ.

Ее лицо вытянулось.

— Просто попросила.

Надо же. Не очень-то волнующе.

— Но ты все равно их добыла, — сказала я, пытаюсь ее подбодрить.

— Верно. И я иду спать.

Застенчиво взглянув на Гаррета, Куки украдкой покосилась на меня. Мои брови вопросительно приподнялись. Она стиснула зубы и округлила глаза. Я сморщила нос. Опять же вопросительно. Она вздохнула и едва заметно кивнула в сторону двери. Ага, теперь все ясно. Я бросила взгляд на Гаррета, который пытался прикинуться джентльменом и сделать вид, что не замечает наших переглядываний. Оказалось, его ужасно восхищает подлокотник.

— Я сейчас, — сказала я, вскочила на ноги и проводила Куки до двери.

Наверное, ей хотелось перекинуться парой слов о Гаррете. Очень надеюсь, она не попросит передать ему записку. У меня с собой ни клочка бумаги.

Куки открыла свою дверь и повернулась ко мне.

— Итак, он здесь?

— Гаррет? — спросила я, запутавшись.

— Что?

— Погоди, кто?

— Чарли, — раздраженно сказала она, — маленький мальчик.

— А-а.

Я напрочь забыла, что сболтнула ей о призраке маленького мальчика, который живет в ее квартире, когда сегодня в три часа ночи мы прогуливались по улицам Альбукерке. Стоит признать, ходить в тапочках с кроликами — все равно что босиком. Надо научиться держать рот на замке. Я быстренько осмотрела помещение. Квартира Куки сочетала в себе черные и

яркие цвета Мексики. Интерьер представлял собой интересную смесь деревенского Юго-запада и ранчо. Моя квартира, хоть и точно таких же размеров, больше смахивала на гаражную распродажу, женившуюся на комнате в студенческом общежитии.

— Не-а, не вижу его.

— Можешь проверить всю квартиру?

— Конечно.

Через пять минут, за которые чувство вины сожрало все мои кишки (ну правда, не надо было ей говорить), мы снова стояли перед дверью Куки. Мальчика в поле зрения по-прежнему не было.

— Значит так, у меня к тебе вопрос, — заговорщицки проговорила я. — Если бы ты была умирающим сыном Сатаны, где бы ты спрятала свое тело?

Куки одарила меня сочувствующим взглядом.

— Поскольку ты, милая моя, единственная, от кого он прячется, то я думаю, это было бы такое место, куда именно ты не стала бы заглядывать.

— Без обид, — разочарованно сказала я, — но это мне не поможет.

— Знаю. Я чайник во всей этой сверхъестественной фигне. Зато я непревзойденно жарю цыплят.

— Хорошо, потому что я терпеть не могу думать, что когда-то они были хорошенькими и пушистыми.

— Можно мне его в подарок на Рождество? — спросила Куки.

— Рейеса?

— Нет, — томно вздохнула она. — Другого.

— Фу, — вырвалось у меня, когда я поняла, что она о Гаррете. Ладно, признаюсь, он красавец, но все же. — Фу.

— Ты просто завидуешь тому, что между нами.

Грубо фыркнув (чем немало удивила саму себя), я заявила:

— Вам надо бы хорошенько поговорить о том, что между вами.

— Как тебе угодно, подружка. — Куки подняла вверх руки и закрыла за собой дверь. Обожаю, когда она впадает в драматизм.

Когда я вернулась к себе, Гаррет снова изучал угол мистера Вонга.

— Он не кусается, — поддразнила я.

Своупс недоверчиво приподнял брови и с любопытством посмотрел на меня:

— Как это — расти, когда тебя постоянно окружают мертвые люди? Неужели тебя это не пугало?

Я усмехнулась:

— Ничего другого я не знала. И я не пугаюсь, как большинство людей. То есть не многое может меня испугать.

— Ты же ангел смерти, — поддразнил он меня в ответ.

Его глаза медленно прошлись по мне, задерживаясь на выдающихся местах.

— Кончай таращиться на то, чего никогда не получишь. — Схватив чашку, я пошла в кухню.

— Всего лишь проверяю упаковку сделки. Ты делаешь честь девушкам по имени Чарльз, которые носят спортивные штаны.

Я не удержалась и от души рассмеялась. Своупс поднялся и подошел к двери, но, открыв ее, застыл на пороге.

— Что еще у тебя на уме? — спросила я.

Он оглянулся. В глазах плескались озорные искры.

— Кроме того, чтобы съесть тебя целиком?

Воздух затрещал от злости Рейеса. Интересно, Гаррет это специально сказал? Может, до него дошло, как работает потусторонняя фигня.

— Каннибализм — суровое нарушение закона, приятель.

— Заявишь на меня за сексуальные домогательства?

— Нет, но ярлык на тебя повешу, — сказала я, споласкивая чашку.

Своупс подмигнул и закрыл за собой дверь. Как только он ушел, я поинтересовалась:

— Собираешься остаться и дуться всю ночь?

В ту же секунду Рейес исчез. Наверное, это и был ответ.

Я шлепнулась на стул перед компьютером, чтобы провести кое-какие исследования до встречи с Багз Банни. Мое одеяло, оно же телохранитель, со мной с девяти лет. Мы с ним через многое прошли. Включая Уэйда Форестера. Я была старшеклассницей, он учился в школе жизни, которая дает своим ученикам намного больше знаний о том, откуда берутся дети, чем средняя школа. Багз с тех пор уже никогда не был прежним.

Но вернемся к моей демонической проблеме. Если я не могу видеть треклятых демонюк, как же мне с ними бороться? А если и увижу, то все равно — как? Невозможно было пропустить мимо ушей, как Рейес говорил о том, что я должна буду выступить против чистейшего зла. Мне нужна информация. Обо всем демоническом. И желательно побольше.

Я ввела в поисковик «Как обнаружить демонов» и получила тонны бестолковых ссылок. От всего, что загружалось на мой экран, было столько же толку, как от зубной нити во время крушения самолета. От типа убедительных доказательств, что синдром дефицита внимания вызывается исключительно одержимостью, до видеоигр с жуткими правителями подземных царств. Прогугдив несколько страниц, я нашла более или менее адекватный с виду сайт. Не обращая внимания на то, что хозяйку сайта зовут мадам Мариголд, я пробралась через дебри легенд и баек, библейских и исторических ссылок и вышла на страничку, озаглавленную «Как обнаружить демонов». Наконец-то.

Мадам Мари оказалась на удивление занимательной. У нее имелся целый список уловок, помогающих вычислить демона. От швыряния соли им в глаза (для чего, во-первых, требуется, чтобы я их видела, а во-вторых, это наверняка проложит мне дорожку на скамью подсудимых за то, что я на веки вечные ослеплю какого-нибудь бедолагу, который покажется мне одержимым) до пристального наблюдения за растениями, когда «подозреваемый» войдет в помещение. Видимо, присутствие демона уничтожит бедненькие цветочки еще до того, как они поймут, что происходит. Черт бы побрал мою любовь к искусственным умирающим цветам. Может, получится разжиться кактусом.

Единственное, о чем на своем сайте не упоминала ММ, — это о том, что вообще-то никто на свете видеть демонов не может. В итоге мадам Мариголд оказалась такой же полезной, как пневматический пистолет в уличной перестрелке.

Когда я уже собиралась закрыть сайт, мое внимание привлекли два слова. Прямо посреди скучного абзаца, повествующего о том, что демоны, вероятно, могут страдать аллергией на кондиционер для белья, ярким цветом была выделена ссылка на словах «ангел смерти». Это же я! Я занервничала. Щелкнула по ссылке. Страница, выскочившая на экране, содержала одно-единственное предложение прямо над сообщением «На реконструкции». Но какое это было предложение!

«Если вы ангел смерти, пожалуйста, немедленно свяжитесь со мной».

Что ж. Это что-то новенькое.

Тут место такое сексуальное, или все дело в том, что здесь я?

Надпись на футболке

На следующий день я проснулась в полпятого утра, они же без пяти безбожной рани, и валялась в постели, снова и снова спрашивая себя, какого черта, во имя святого Франциска, я проснулась в полпятого утра. Надо мной не висели призраки, глобальные катастрофы пока откладывались на неопределенный срок, в лицо не бросали одежду, и все-таки мои ангелосмертские чувства подсказывали, что что-то не так.

Я прослушала сообщения на телефоне. Если кто и осмелится звонить мне до семи часов, то только дядя Боб. Однако никто не звонил. Природа, кстати, тоже не спешила со своим зовом.

Вздохнув, я перевернулась на спину и уставилась в темноту. Поразмышляв об убийствах Джанель Йорк и Томми Запата, я пришла к выводу, что, кто бы их ни убил, он явно не искал информацию. Вообще-то, если сделать попытку набросать гипотетический мотив, я бы сказала, что как раз информацию убийца и пытался скрыть.

Двадцать лет назад в одной из школ Руиса что-то произошло. Что-то покруче распития алкоголя несовершеннолетними. И как минимум один человек не хотел, чтобы это всплыло на свет божий. Так сильно не хотел, что готов был убивать.

Немало мыслей в голове касались Рейеса. Неужели он действительно может оказаться антихристом? Это же полный отстой. Может быть, он был прав. Может быть, все ошибаются. Положа руку на сердце, сложно игнорировать тот факт, что он сын самого злющего из когда-либо существовавших созданий. Но это не делает злым и его. Верно же? Неужели он и правда утратит человечность вместе со смертью материального тела? Никто ведь не говорил, что он обязан пойти по следам своего отца. После всего случившегося жутко даже думать, что он умрет.

В какой-то момент я притормозила и спросила себя, почему так полна решимости найти его тело. Ответ до смешного прост. Я не хочу его терять. Не хочу упускать ни малейшего шанса, что у нас будет совместная жизнь, а это, надо признать, под большим вопросом, раз уж ему придется вернуться в тюрьму и все такое. Но это правда. Во всем своем буйном цвете. Видимо, я во многом такая же черствая и корыстная, как моя мачеха.

Ничего себе. А правда действительно ранит.

Так или иначе, мне нужно найти новый источник информации. От моих мертвых друзей толку негусто. У Рейеса имелась сестра, ну, можно так сказать. И хороший друг. Если кто и знает, где Рейес мог спрятать свое тело, то явно кто-то из них.

Наплевав на соблазн доспать, я решила выпить кофе и хорошенько обдумать свой следующий шаг в бесконечных поисках бога Рейеса. Может, свяжусь с мадам Мариголд и задам парочку вопросов. Начну, например, с «Какого хрена?».

Будучи ангелом смерти, я давно привыкла, что призраки то появляются, то исчезают из моей жизни в любой момент. Научилась справляться со вспышками адреналина, которые

неизбежны при их неожиданном появлении. Особенно в тех случаях, когда с визитом пожалует некто, пролетевший пятнадцать метров и разбившийся о бетон, с требованием срочно дать ему предсвадебный совет. Но чаще всего мои заточенные рефлексy из серии «драться или дать деру» запаздывают, предлагая самой решать, показать посредственный класс владения кулачным боем или заливисто заорать. Поэтому, когда я вытащила свой полусонный организм из постели и пустилась на поиски эликсира жизни, известного в некоторых кругах как кофе, наличие почивающих в моей гостиной двух мужчин едва-едва отразилось на моей шкале Рихтера.

Все-таки я остановилась, бросив на них один взгляд, потом другой (только потому, что они не были призраками) и продолжила путь к кофеварке. Мне позарез требовался стартовый пинок, прежде чем иметь дело с двумя людьми, которых я очень и очень подозревала в проникновении со взломом. Третий парень, сильно смахивавший на Андре Гиганта^[8], баррикадировал своими габаритами входную дверь. Если в ближайшее время моей лучшей подруге Куки взбредет в голову заскочить ко мне, адская головная боль ему обеспечена.

Включив одну из низковольтных лампочек под стойкой (чтобы не ослепить себя и тем самым не подарить моим противникам незаслуженное преимущество), я отправилась на свидание с мистером Кофе. Андре пялился на мой тыл. Наверное, потому, что на мне были боксеры с надписью «Сочная» на заднице. Может быть, я бы и надела что-нибудь еще, но это, черт возьми, моя квартира. Если уж заявились без приглашения, пусть терпят, как и все остальные, кто рискнет нарисоваться в моем кусочке рая без приглашения.

Пока мои гости просто наблюдали за мной, я насыпала кофе в фильтр, нажала кнопку «Вкл.» и стала ждать. Моя новая кофемашина варит кофе куда быстрее старой, но даже так прошло целых три чересчур неловких минуты. Упершись локтями в стойку, я решила рассмотреть посетителей.

Один из мужиков, явно большая шишка, сидел на моем кресле. Пиджак он снял, выставив напоказ пушку. Пятьдесят с хвостиком, короткие седеющие каштановые волосы на вид недавно подстрижены и аккуратно зачесаны, темные глаза. Он рассматривал меня с подлинным любопытством.

Второй, которого я бы назвала опасным типом, казалось, вообще не знает, что такое любопытство. С меня ростом, черные волосы, моложавая песочного цвета кожа — подарок от азиатских предков. Он стоял на стреме, почти по стойке «смирно». Напряженные мускулы так и готовились кого-нибудь стукнуть, если возникнет необходимость. Не знаю, коллега он или просто телохранитель. Наплечной кобуры, такой, как у его дружка, я не заметила, но это вовсе не значило, что при нем нет пистолета, чтобы защитить себя и своих товарищей. Именно этот факт меня до странности беспокоил.

Андре смахивал на здорового медведя. Уверена, его бы не помешало обнять, но при нем точно имелась пушка. Все эти мускулы и металл заставили меня немножечко собой гордиться. Я почувствовала себя важной. Знаменитой. Выдающейся. Ну или почувствовала бы, не заявляй моя задница буквально, что она сочная.

Как назло, гости мои выглядели поприличнее — как опрятные джентльмены по сравнению со мной. Вполне одетые, в темно-сером. Так и хотелось подсказать им, что надо бы в костюмчики цвета добавить, да хоть румян на щечки, но не все спокойно воспринимают советы по стилю от девицы в футболке и боксерах.

Превратив кофе с помощью сливок и сахара в клон топленой карамели, я направилась к

нагруженному подушками дивану, уселась напротив «босса» и наградила его своим лучшим убийственным взглядом.

— Итак, — сказала я, медленно глотнув обалденный кофе, — у вас один выстрел. Не промахнитесь.

Мужик понимающе склонил голову, затем перевел взгляд на буквы у меня на футболке. Я понадеялась, что надпись не даст ему обо мне неверное представление. «Безмозглая» не совсем то впечатление, которое мне хотелось бы произвести. Вот если бы там было написано «Воплощенная крутизна»...

— Мисс Дэвидсон, — произнес он спокойно и уверенно, — меня зовут Фрэнк Смит.

Большая жирная ложь, но сейчас это не важно.

— Славненько, спасибо, что заскочили. Приходите еще, когда у вас будет больше свободного времени. — Я встала и указала на дверь.

Тот, который опасный тип, напрягся. Возникло противное подозрение, что он здесь не только для того, чтобы защищать «босса». Проклятье. Ненавижу пытки. Они такие мучительные.

— Присядьте, пожалуйста, мисс Дэвидсон, — попросил мистер Смит, жестом заставив помощника оставаться на месте.

Раздраженно вздохнув, я послушалась, но только потому, что он сказал «пожалуйста».

— В общем, я знаю ваше имя, вы — мое. Может, на этом и сойдемся? — Под его взглядом я сделала еще один глоток.

— Вы поразительно умеете сохранять спокойствие. — Его лицо стало серьезным. — Должен признать, я впечатлен. Большинству женщин...

— ...хватит ума закрыться в спальне и вызвать полицию. Пожалуйста, не путайте подавленный инстинкт самосохранения со здравомыслием, мистер Смит.

Опасный тип стиснул челюсти. Я ему определенно не нравилась. Или умные слова из моих уст как-то его смутили. Наверное, второе.

— Это мистер Чао, — сказал Смит, заметив мой интерес. — А там — Ульрих.

Я глянула через плечо. Ульрих кивнул. Учитывая обстоятельства, душевные они все-таки ребята.

— И вы здесь потому...?

— Что нахожу вас очаровательной.

— Спасибо, наверное, но, ей-богу, хватило бы и эсэмэски.

Усмехаясь, он следил за каждым выражением моего лица, каждым жестом. Появилось четкое ощущение, что он меня изучает, собирает исходный материал, чтобы потом судить, вожу я его за нос или нет.

— Я собрал о вас некоторые сведения, — поделился Смит. — Интересную жизнь вы ведете.

— Мне нравится так думать.

Я решила спрятаться за чашкой, чтобы скрыть хотя бы часть своих реакций на его вопросы. Глаза, конечно, зеркало души, но именно рот выдает даже лучших на свете лжецов. Так он лишь наполовину будет уверен, лгу я или нет. Впредь ему наука.

— Колледж, Корпус мира, а теперь агентство частного сыска.

Я загибала пальцы:

— Ага, вроде бы ничего не забыли.

— И куда бы вы ни пошли, с вами всегда, — он закатил глаза, подыскивая нужное

слово, потом снова посмотрел на меня, — происходят разные события.

Я нарочно застыла, пытаюсь подsunуть ему ложную реакцию, помутить, так сказать, воду.

— Так обычно и бывает с событиями. Они происходят.

По его лицу расползлась довольная улыбка.

— Меньшего я от вас и не ожидал, мисс Дэвидсон. Как и вы, полагаю, ожидаете от меня жестокой правды.

— Правда — это хорошо. — Я покосилась на мистера Чао. — А вот без жестокости можно обойтись.

С мягким смехом Смит скрестил ноги и уселся поглубже в кресло.

— Тогда вот вам правда. Похоже, мы с вами ищем одного и того же человека.

Я вопросительно приподняла брови.

— Мими Джейкобс.

— Впервые слышу.

— Мисс Дэвидсон, — Смит с укором глядел на меня полуприкрытыми глазами, — я думал, мы договорились быть честными.

— О честности говорили вы, а я веду себя профессионально. О клиентах говорить не принято. У частных детективов, видите ли, есть вся эта муть с этикой и кодексом.

— Верно. И вы молодец. Но могу я добавить, что мы в одной команде?

Я наклонилась вперед, чтобы придать веса своим следующим словам:

— Единственная команда, за которую я играю, — это команда моих клиентов.

Он понимающе кивнул:

— Значит, если бы вы знали, где она...

— То вам бы не сказала, — закончила я за него.

— Справедливо. — Он склонил голову набок, указывая на мутного, опасного и явно смертоносного, хоть и средних размеров, типа. — А если спросит мистер Чао?

Проклятье. Так и знала, что дойдет до пыток. Я постаралась не стиснуть зубы, не открыть глаза шире даже на ту долю миллиметра, которая считается непреднамеренной реакцией, но с треском провалила задание. Он меня тут же подловил. Понял, что мне не все равно. Но если до этого все-таки дойдет, у меня есть парочка тузов в рукаве. Если не сработают, без боя не сдамся.

Воззрившись на Смита, я сухо проговорила:

— Мистер Чао может поцеловать меня в задницу.

Каменное выражение лица мистера Чао никак не изменилось. Мне пришло в голову, что он с радостью будет меня пытаться. Назовите меня сентиментальной, но я, черт возьми, люблю радовать людей.

— Я вас расстроил, — заметил Смит.

— Вовсе нет. По крайней мере пока нет. — Я подумала о Рейесе. О том, как он всегда появляется, когда мне грозит опасность. Появится ли он и на этот раз? Все-таки он на меня злится. — Но одну вещь я точно могу вам обещать: когда я расстроюсь, вы обязательно об этом узнаете. — Пару мгновений я смотрела ему прямо в глаза. — Ну что? Я лгу?

Смит пялился на меня несколько долгих секунд, затем поднял руки в знак капитуляции.

— Я же вам говорил, мисс Дэвидсон, что собрал кое-какие сведения. Я надеялся, мы сможем стать друзьями.

— И поэтому вломились ко мне в квартиру? Не лучшее начало, Фрэнк.

Он ущипнул себя за переносицу и рассмеялся. Черт. Он начинает мне нравиться. Вероятно, я успею садануть ему по яйцам и завалить на пол до того, как до меня доберется Чао. Потом, конечно, из меня сделают отбивную, но, как я и сказала, без боя не сдамся.

Отсмеявшись, Смит смерил меня пристальным взглядом.

— Тогда могу ли я надеяться, что вы бросите расследование? Ради собственной же безопасности, разумеется.

— Надеяться вы, конечно, можете, — я просияла самой широкой, на какую способна, улыбкой, — хотя пользы от этого вряд ли будет много.

— Организация, на которую я работаю, не примет в расчет вашу блестящую индивидуальность, если вы встанете у них на пути.

— Тогда, может быть, придется показать им мою темную сторону.

Глядя на меня, он казался печальным.

— Вы уникальное создание, мисс Дэвидсон. У меня остался только один вопрос. — Пришла его очередь податься вперед. Лицо преобразилось от широкой озорной ухмылки. — Вы безмозглая или сочная?

Мне нужен новый гардероб.

Громкий стук заставил всех нас повернуться к Ульриху. Однако он тоже обернулся и посмотрел себе за плечо. Дверь снова распахнулась, вписавшись в его твердокаменную спину. Понятно теперь, откуда такой звук. Потом еще раз, и еще раз, и опять, и снова, пока Куки наконец не прекратила с криком «Какого черта?». Потом мы услышали кряхтение, когда она пыталась проломиться сквозь блокировавшее путь препятствие.

Ульрих вопросительно посмотрел на Смита. Смит — на меня.

— Это моя соседка.

— Ах да. Куки Ковальски, тридцать четыре года, разведена. Есть ребенок, один, дочь. — Да уж, он действительно сделал домашнее задание. — Впусти ее, Ульрих.

Ульрих отступил в сторону, и Куки с разбегу ворвалась в квартиру, по инерции не сумев вовремя остановиться. Чуть не вписавшись головой в стойку, она резко затормозила и огляделась.

— Привет, Кук, — бодренько поздоровалась я. Куки только переводила взгляд с одного гостя на другого, поэтому я добавила: — Это мои новые друзья. Мы прямо сходу нашли общий язык.

— У них пистолеты.

— Ну, есть такое дело. — Я встала и забрала чашку из ее рук, чтобы налить кофе. Наша общая любовь к райским кофеиновым стартам по утрам породила между нами связь с первого взгляда. Благодаря кофе мы теперь не разлей вода. — Должна признаться, — продолжала я, бросив взгляд на Смита, — не могу с уверенностью сказать, что наши отношения окажутся продолжительными.

Куки все еще глазела на каждого по очереди.

— Потому что у них пушки?

— Мы уже уходим, — сказал Смит, поднимаясь и надевая пиджак.

— Уже уходите? Так скоро?

Он улыбнулся, видимо, решив не реагировать на сарказм, пропитывавший каждое мое слово, и кивнул, проходя мимо.

— Вы забыли упомянуть, на кого работаете, Фрэнк.

— Нет, не забыл. — Он отсалютовал мне и вышел за дверь.

— А он симпатичный, — заметила Куки, — в стиле Джеймса Бонда.

— Все понятно. На Рождество подарю тебе надувного мужика.

— А такие есть? — заинтересовалась она.

Понятия не имею, но, представив себе такую куклу, захихикала.

— Ты почему так рано? — спросила я, вспомнив, что надо удивиться.

— Не спалось, а у тебя свет горел.

— Тогда начнем сегодня пораньше.

Мы чокнулись кружками и выпили, одному богу известно за что.

***

До рассвета мы еще раз приняли душ. Ясное дело, по отдельности. У меня, правда, опять была компания в лице мертвого парня из багажника, и это уже начинало серьезно доставать, потому что брить ноги с гусиной кожей не так уж просто. По дороге в офис мы с Куки увидели солнце, едва-едва краешком вылезшее из-за горизонта. Чуть бледнея вокруг дымчатых облаков, оранжевые и розоватые лучи прочертили небо, чтобы возвестить о начале нового дня. И это было прекрасно. Пока я не споткнулась и не пролила себе на руку кофе.

— Мадам Мариголд? — переспросила Куки заинтригованно и капельку недоверчиво.

— Знаю-знаю, но она что-то знает. Я это знаю. И когда я узнаю, что она знает, мы все будем знать чуточку больше. Знание — сила, детка.

— Ты опять ведешь себя странно.

— Извини, ничего не могу с собой поделать. Мозг в панике. Два предрассветных просыпания подряд. Он не знает, что думать, как поступать. Позже с ним поболтаю. Может, свожу к врачу.

— Надеюсь, списки учеников придут сегодня утром, чтобы я могла начать искать одноклассников Мими. Попробую узнать, разделил ли кто из них ту же участь.

— То есть умер?

— Ну да.

В офис мы поднялись по внешней лестнице. Я напрямик помчалась к кофеварке, чтобы приготовить к рабочему дню, а Куки проверила факс и взволнованно объявила:

— Пришли.

— Списки? Уже? — Ей-богу, очень быстро.

Включив компьютер, она уселась за свой стол.

— Поохочусь немного. Кто знает, что удастся накопать.

Передняя дверь приемной приоткрылась, в нее нерешительно сунулась голова.

— Вы открыты? — поинтересовался мужчина. Судя по профилю, который мы видели, посетителю было около шестидесяти.

— Конечно, — ответила я, махнув ему, чтобы входил. — Что мы можем для вас сделать?

Он выпрямился, вошел в приемную. За ним зашла женщина приблизительно того же возраста. На мужчине была темно-синяя спортивная куртка, благодаря которой он напоминал спортивного комментатора, седые волосы тщательно причесаны. На женщине безупречно сидел брючный костюм, только недавно вышедший из моды, цвета хаки,

который очень подходил к ее светлым волосам. Вслед за ними всплыло облако печали, плотное и почти осязаемое. У них явно какое-то горе.

— Кого-нибудь из вас зовут Чарли Дэвидсон? — спросил мужчина.

— Я Чарли.

Он схватил меня за руку, словно я последняя надежда человечества. Если так, то у человечества большие проблемы. Женщина сделала то же самое. Хрупкая рука казалась дрожащим комком нервов.

— Мисс Дэвидсон, — проговорил джентльмен, обдавая меня запахом дорогого одеколона, — мы родители Мими.

— Вот как? — удивилась я. — Тогда идемте.

Жестом позвав Куки с нами, я повела всех в свой кабинет. Как всегда, готовая к работе, она захватила блокнот для записей.

— А вы, должно быть, Куки? — предположил отец Мими, пожимая Куки руку.

— Да, мистер Маршал, — ответила та, взяв, в свою очередь, за руку его жену. — Миссис Маршал, мне очень жаль, что все так вышло.

— Пожалуйста, зовите меня Ванда. Это Гарольд. Мими нам много о вас рассказывала.

Улыбка Куки чуть померкла между благодарностью и ужасом, когда она жестом предложила им сесть. Потом устрою ей допрос с пристрастием. Я выдвинула для нее стул, а сама уселась за свой стол.

— Полагаю, вам неизвестно, где Мими? — рванула я с места в карьер.

Печальный, но понимающий взгляд Гарольда встретился с моим. Я чувствовала исходящую от него безнадежность, но слабая искорка надежды все же теплилась. Той надежды, которой не было у Уоррена, мужа Мими. Вредный червяк подтачивал меня изнутри, что мистеру Маршалу известно больше, чем может показаться на первый взгляд.

— Я заплачу любые деньги, мисс Дэвидсон. Слышал о вас много хорошего.

А вот это новость. Люди редко хорошо обо мне отзываются. Если только выражение «официально признанная чудила» не перешло в разряд похвалы.

— Мистер Маршал...

— Гарольд, — поправил он.

— Гарольд, я довольно хорошо разбираюсь в людях — это часть того, что я умею. И мне кажется, вы не просто надеетесь, что с Мими все в порядке. Вы словно чего-то ждете, будто знаете что-то, чего не знает никто другой.

Родители Мими переглянулись. В их глазах я четко видела сомнения. Они не знали, могут ли мне доверять.

— Давайте посмотрим, смогу ли я помочь, — предложила я.

Нерешительно кивнув, мистер Маршал дал мне знак продолжать.

— Хорошо. Итак, несколько недель назад Мими стала странно себя вести, но не поделилась с вами, что ее беспокоит.

— Все верно, — сказала Ванда, стискивая лежавшую на коленях сумочку. — Я пыталась достучаться до нее, когда она к нам приезжала. Первого числа каждого месяца она привозит к нам с ночевкой детей. Но она... она... — Голос Ванды оборвался, и она замолчала, чтобы приложить к увлажнившимся глазам салфетку. Муж одной рукой накрыл обе ее ладони.

— Но она кое-что вам рассказала. Может быть, тогда это показалось странным, однако, когда она исчезла, вы сложили два и два.

Ванда ахнула:

— Так и есть, рассказала. А я не поняла... — и снова не смогла договорить.

— Можете рассказать мне, что именно она говорила?

Миссис Маршал опустила глаза, не торопясь выкладывать все, что ей известно. Я чувствовала: ей хочется мне довериться, но после того, что сказала ей Мими, она все и всех подвергает сомнениям.

— Ванда, — проговорила Куки, наклонившись вперед с заботливым выражением лица, — если на этой планете и есть человек, которому я бы доверила свою жизнь, то это сидящая перед вами женщина. Она сделает все, что в человеческих силах — и даже немного больше, — чтобы вернуть вашу дочь в целости и сохранности.

Это самая приятная вещь, какую когда-либо говорила обо мне Куки. Позже мы с ней потолкуем о комментарии по поводу «немного больше», но ведь ничего плохого она не имела в виду. Я должна повысить ей зарплату.

— Продолжай, милая, — подбодрил жену Гарольд.

Вздыхнув, Ванда сглотнула, перед тем как заговорить:

— Она сказала, что когда-то давно совершила ошибку, сделала что-то ужасное. Я с ней спорила, убеждала, что все это уже не важно. Она же настаивала, что за все ошибки приходится платить. Око за око. — Ванда посмотрела на меня с таким отчаянием, что сердце екнуло. — Не хочу, чтобы она попала в беду. Что бы она, как ей кажется, ни сделала, это была просто ошибка.

— Вот почему мы считаем, что она исчезла сама, — добавил Гарольд. — Что она все спланировала и сейчас в безопасности.

— Однако она никогда бы не бросила Уоррена и детей без очень веской на то причины, мисс Дэвидсон. Если она это сделала, то только потому, что, по ее мнению, у нее не было выбора.

Гарольд кивнул в унисон с женой. Я была рада, что они не подозревают Уоррена. Похоже, они ему слепо доверяли. Но мне казалось, они должны знать, что происходит.

— Очень жаль это говорить, но Уоррена сейчас допрашивают.

На лице Ванды отразилась печаль, однако ответил Гарольд:

— Мы в курсе. Но клянусь вам, он к этому никак не причастен. Что бы ни совершила Мими, она наверняка не хотела его втягивать.

— Мы с Куки считаем, что все это как-то связано с тем, что произошло в старших классах.

— В старших классах? — удивился Гарольд.

— У Мими были тогда враги?

— У Мими? — Ванда мягко рассмеялась. — Она со всеми прекрасно ладила. Такая уж она девочка. Сердечная и понимающая.

— Даже слишком, — подтвердил Гарольд и бросил взгляд на жену, прежде чем продолжить. — Нам никогда не нравилась ее лучшая подруга. Как ее звали?

— Джанель, — подсказала Ванда. Выражение ее лица стало немного замкнутым.

— Джанель Йорк? — спросила я. — Они были лучшими подругами?

— Да, несколько лет. Но эта девочка была дикая. Настоящая сорвиголова.

Обменявшись с Куки быстрыми взглядами, я решила не тянуть кота за известное место:

— На прошлой неделе Джанель Йорк погибла в автомобильной аварии.

Потрясенные лица подтвердили, что родители Мими впервые об этом слышат.

— Господи, — выдохнула Ванда.

— Вы знали Томми Запату? — В маленьких городках все друг друга знают. Уверена, с нашим продавцом машин они были знакомы.

— Разумеется, — кивнул мистер Маршал. — Его отец много сделал для города. Занимался озеленением, ландшафтным дизайном. В основном на кладбище.

Я понимала: мои слова их не обрадуют, но они имела право знать, а мне нужно было выяснить, что происходит.

— Вчера утром Томми Запата был найден мертвым. Его убили.

Потрясение сменилось изумлением. Они действительно ничего не знали.

— Он был на год старше Мими, — проговорил Гарольд. — Они вместе ходили в школу.

— Что же это такое? — Голос Ванды был полон отчаяния. — На прошлой неделе умер Энтони Ричардсон, сын Тони Ричардсона. Покончил жизнь самоубийством.

Куки записала имя, а я спросила:

— Он ходил в ту же школу?

— Они с Мими учились в одном классе, — ответил Гарольд.

Кто-то, образно выражаясь, делал в доме уборку, прятал концы, и Мими, без сомнения, попала на его радар. Наверняка Маршалам что-то известно. То, что произошло тогда в школе, объяснит все, что происходит сейчас.

— Мистер и миссис Маршал, в старших классах Мими переехала из Руиса в Альбукерке к бабушке и дедушке. Почему?

Ванда моргнула, задумчиво нахмутив брови.

— Она поссорилась с Джанель. Мы думали, ей просто хотелось уехать.

— Она сама рассказала вам о ссоре?

— Нет, — сказала Ванда, пытаясь вспомнить подробности. — Не совсем. Просто сегодня они лучшие подруги, а завтра — заклятые враги. Со стороны казалось, они всего лишь разошлись во мнениях.

— Мы даже не расстроились, — вмешался Гарольд. — Нам их дружба была не по душе.

— И что конкретно послужило причиной ссоры между ними?

Переглянувшись, Маршалы беспомощно пожали плечами, потому что не смогли ничего вспомнить.

— Что бы ни случилось, — поделилась Ванда, — это погрузило Мими в глубокую депрессию.

— Мы застали ее у нее в комнате, всю в слезах. И так не один раз. — Голос Гарольда звучал подавленно от старых, слишком болезненных воспоминаний, которые он переживал заново. — Она перестала выходить из дома, перестала есть, мыться. Дошло до того, что каждое утро она убеждала нас, будто больна, и умоляла не заставлять ходить в школу. Пропустила почти три недели занятий.

Те же воспоминания превратили лицо Ванды в маску печали.

— Мы водили ее к врачу. Он советовал обратиться к психологу, но мы не успели условиться о встрече — Мими попросила нас отпустить ее в Альбукерке к моей матери. Она хотела ходить в школу святого Пия.

— Мы так радовались, что она снова заинтересовалась учебой. Она всегда была отличницей, а в школе святого Пия великолепная программа. — Казалось, Гарольд стремится как-то оправдать то, что позволил Мими уехать. Я же была уверена, что решение далось им нелегко.

Ванда ободряюще похлопала его по колену.

— Честно говоря, мисс Дэвидсон, как бы ужасно это ни звучало, мы вздохнули с облегчением, когда она уехала. В Альбукерке она полностью изменилась. Оценки улучшились, она начала принимать участие во внеклассных мероприятиях. Снова стала самой собой.

Пока Маршалы говорили, Куки неустанно записывала. Слава богу. У меня почерк хуже некуда.

— Судя по тому, что вы рассказали, — заключила я, — проблемы Мими в Руисе сводились не только к ссоре с подругой. Похоже, ее запугивали. Может, угрожали. Или даже хуже, — нехотя добавила я. В голову пришло, что высока вероятность изнасилования. — Неужели она ничего не рассказывала? Хоть что-нибудь?

— Ничего, — пробормотала Ванда, встревоженная моими выводами. — Мы пытались поговорить с ней о том, что ее беспокоит, но она отмалчивалась. Каждую нашу попытку принимала в штыки. Так на нее не похоже...

То же самое говорил Уоррен, описывая поведение Мими перед исчезновением. Так на нее не похоже.

— Нам нужно было быть настойчивее. — В голосе Гарольда звенело чувство вины. — Мы думали, что все дело в Джанель. Вы же знаете, как это бывает в старших классах.

О да, прекрасно знаю.

По совету моего адвоката, на этот раз футболка без надписей.

Надпись на футболке

Два часа спустя мы с Куки сидели в приемной — то бишь в ее кабинете, — поражаясь тому, что удалось выяснить из списков учеников и нарыть в интернете. За последний месяц шесть бывших учеников школы в Руисе умерли или пропали без вести. Убийство, автокатастрофа, два неоспоримых суицида, случайная смерть (утопление) и пропавшая без вести Мими.

— Итак, — произнесла Куки, изучая свой список, — все эти люди не только закончили школу в Руисе, но и были в одном классе или на год-два младше.

— Мы можем упускать кого-то еще. У нас ведь только девичьи фамилии женщин.

— Я проверю, — тут же вызвалась она.

— Учитывая, что в старших классах тогда училось около ста человек, шансы, что мы отыщем и другие смерти или исчезновения, слишком велики. Должна быть еще какая-то связь между этими людьми. Сомневаюсь, что наш парень вдруг надумал порешить всех, с кем когда-то учился. Будь он серийным убийцей, у нас был бы хоть какой-то почерк — одинаковые смерти, например, или найденные в одной и той же местности тела. А тот, кто за всем этим стоит, очень старается представить все как несчастные случаи или самоубийства.

— Может быть, то, что Уоррен угрожал Томми Запате, дало этому парню возможность убить двух зайцев одним выстрелом, — сказала Куки. — Томми и Мими, я имею в виду, а все подозрения свалить на Уоррена.

— А поскольку другие смерти признали случайными, то кому-то сходит с рук не одно убийство.

— Знаешь, — Куки снова сверилась со списком, — здесь нет имени Мими. Наверное, этот список составляли, когда она уже уехала из Руиса.

— Ладно, давай так, — размышляла я вслух. — Ты покопаешься в отчетах полиции Руиса со времени переезда Мими, посмотришь, не всплывет ли что-нибудь. Проверь и те, что сделаны за месяц или два до ее отъезда. Сомневаюсь, конечно, но мало ли, вдруг что-то попало на радар шерифа.

— Будет сделано. А еще проверю фамилии в замужестве некоторых из этих женщин. На всякий случай.

— И пока будешь этим занята, — добавила я, наваливая Куки работой по самую макушку, — узнай, можно ли раздобыть более ранние списки учеников.

— Ага, я уже об этом подумала. Постой-ка, а ты чем займешься?

У Рейеса была сестра. Не родная, а в том жестоком смысле, в каком похищенные у разных родителей дети становятся братьями и сестрами, попадая в руки одного и того же чудовища. Ким было два года, когда ее на порог Эрла Уокера подбросила наркоманка, которая буквально через пару дней умерла от осложнений, вызванных ВИЧ-инфекцией. У

меня теплилась надежда, что мать Ким никогда бы не оставила ее с Эрлом Уокером, если бы знала, что он за монстр, пусть даже и подозревала его в отцовстве. Уокер не подвергал Ким сексуальному насилию, но, как я и опасалась, творил дела почище, используя ее, чтобы контролировать Рейеса. Морил Ким голодом, чтобы получить от него то, чего хотел. А то, чего Уокер хотел от Рейеса, — это все виды чистейшего зла.

— Я собираюсь поговорить с Ким, сестрой Рейеса.

Выражение лица Куки тут же отразило все ее надежды.

— Думаешь, она знает, где он?

— К сожалению, нет, я так не думаю, но попробовать стоит.

— А с мадам Мариголд связаться не собираешься? — поинтересовалась Куки с издевательской ухмылочкой. — Нельзя отрицать, что сообщение «Если вы ангел смерти и все такое», мягко говоря, странное.

— Я в курсе. И пока еще не решила.

— Может, я свяжусь с ней вместо тебя? Святые пирожные! — внезапно воскликнула она, снова глядя на список.

— Чего? — Я стала подпрыгивать, чтобы прочесть хоть что-нибудь через ее плечо.

— Мими училась с Кайлом Киршем. Я нашла связь.

— Конгрессмен? Тот самый, который недавно объявил о своих планах претендовать на место в Сенате?

— Да. Его первое имя — Бенджамин. В списке он числится как Бенджамин Кайл Кирш. Поначалу это меня и сбilo с толку. Все зовут его Кайлом.

Наклонившись, я пристально всмотрелась в глаза Куки.

— Тот самый конгрессмен, который месяц назад объявил, что будет баллотироваться в Сенат?

— Святые пирожные, — повторила она с отвисшей челюстью...

Да, Куки умеет обращаться со словами.

***

Конгрессмен. Чертов конгрессмен. У кого-то (и я не называю никаких имен) здоровенный скелет в шкафу. Размером с Кинг-Конга. И кто-то очень не хочет, чтобы скелет вдруг сбежал. Еще бы. Что может быть страшнее бегущего по округе огромного скелета? Ставлю все свои деньги, все сорок семь долларов пятьдесят восемь центов на то, что этот кто-то — Кайл Кирш. Конгрессмен. Надежда Сената. Убийца.

Опять же, все это могло быть серией страшных, диких совпадений. Каким-то странным, непостижимым образом цепь событий закрутилась вокруг группы подростков из Руиса. И совершенно случайно человек выдвинул свою кандидатуру в Сенат как раз тогда, когда его одноклассники стали умирать, как мухи на морозе. А на меня наденут корону, и я стану мисс Финляндия еще до конца года.

Теперь благодаря Кайлу Киршу мне разъедала кишки еще одна головоломка. Что, черт его дери, натворил этот чувак? Если он не принимал участия в ритуальных жертвоприношениях повелителю преисподней и не занимался сетевым маркетингом, скажем, от «Amway», то я никак не могу оправдать его тягу убивать невинных людей.

Надо его прижать. И посильнее.

Подъехав к жилому комплексу в стиле пуэбло^[9], где жила Ким Миллар, я постучала в ее бирюзовую дверь.

— Мисс Дэвидсон, — поздоровалась Ким, открыв дверь. Ее глаза были огромными от беспокойства. Схватив за руку, она втощила меня внутрь. — Где он?

Темно-рыжие волосы были стянуты сзади в растрепанный хвост, а из-за темных кругов серебристо-зеленые глаза казались еще больше и выглядели испуганными. При первой встрече она показалась мне хрупкой. А сейчас возникла мысль, что ее фарфоровая внешность и вовсе вот-вот пойдет трещинами.

Пока она вела меня к бежевому дивану, я взяла ее за руку, а когда мы уселись, ответила:

— Я надеялась, вы мне скажете.

Проблеск надежды, за которую она все это время цеплялась изо всех сил, проложил тонкую трещину в ее ауре. Опустилась серость, блестящие глаза заволокло пасмурным туманом.

Я понятия не имела, сколько могу ей рассказать. Хотелось бы мне знать, если бы моя сестра вдруг задумала самоубийство? Чертовски хотелось бы. Ким заслуживает права знать, что на уме у ее тупоголового брата.

— Сейчас он очень на меня злится, — сказала я.

— Значит, вы его видели?

До меня внезапно дошло, какой трудной ношей для Ким стал их договор. Рейес взял с нее обещание не выходить с ним на связь. Он не хотел, чтобы из-за него ей снова причинили боль, а она не хотела быть тем рычагом, который могут использовать, чтобы причинить боль ему. Никто — даже власти — не знал, кем приходилась Ким Рейесу. Не имея кровного родства, они все равно были братом и сестрой, сродненными ужасами, через которые им пришлось пройти вместе. И у меня было подозрение, что Рейес слетит с нарезки, если узнает, что я разговаривала с Ким.

— Ким, вы знаете, кто он такой?

Ее брови нахмурились, очень изящно, клянусь.

— Нет. То есть не совсем. Я знаю, что он очень особенный.

— Так и есть, — отозвалась я, придвигаясь ближе. Выкладывать ей, кто он такой и что он такое, я, разумеется, не собиралась. — Он очень особенный. И он умеет покидать тело.

Ким тяжело сглотнула.

— Знаю. Давно знаю. А еще он очень сильный. И быстрый.

— Точно. И когда он покидает тело, то становится еще сильнее и намного быстрее.

Медленно кивнув, она дала мне понять, что внимательно слушает.

— По этой причине, — продолжала я, надеясь, что не разобью ей сердце, — он решил дать своему материальному телу умереть.

Покрасневшие глаза моргнули, повисло ошеломленное молчание, пока смысл моих слов доходил до сознания Ким. Когда это случилось, она прикрыла рукой рот и в ужасе уставилась на меня.

— Он не может так поступить, — проговорила она едва слышным от горя голосом.

Я все еще держала Ким за руку и стиснула ее крепче.

— Согласна. Мне нужно его найти, но он не говорит, где спрятал свое тело. Он... ранен, — сказала я, недоговаривая правду. Ни к чему ей знать, насколько все хреново. И что у него почти не осталось времени.

— Что? Как?!

На этот раз я соврала на все сто:

— Точно не знаю. Я должна его найти, пока не стало слишком поздно. Есть у вас хоть какие-нибудь идеи, где он может быть?

— Ни единой, — ответила она сорвавшимся голосом. Слезы потекли по щекам. — Федеральный маршал сказал, что он в беде.

Кровь в моих венах застыла. Даже власти не знали, что Рейес считает Ким сестрой. С ней никто нигде не упоминал. Никаких контактов. На этом настаивал Рейес. Не существовало никаких записей, которые помогли бы связать их друг с другом. По крайней мере я о таких записях не знала.

— А теперь грянуло все это, — продолжала Ким, не догадываясь о том, в каком я состоянии. — Почему? Почему он взял и бросил меня?

Или этот маршал слишком хорош в своем деле, или у него был доступ к закрытой информации. Я склонялась ко второму варианту, потому что никто на свете не может быть настолько хорош.

Я обеими руками стиснула ладонь Ким.

— Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы его найти.

Она обняла меня. Я старалась не прижимать ее к себе очень сильно, чтобы не раздавить.

***

Лавируя в движении на шоссе I-40, я никак не могла понять, как, черт побери, федеральный маршал прознал о Ким. Мысли об этом меня сильно тревожили. Ее не так-то просто выследить, к тому же я знала о ее существовании давным-давно. На Земле совсем не много тех, кому о ней известно.

Сотовый разразился одной из версий «Da Ya Think I'm Sexy?»^[10]. Я открыла телефон, зная, что звонит Куки:

— Дом терпимости Чарли.

— Ты должна взять меня на работу, — услышала я в ответ.

— Опять пытаешься продать свое тело на улице? Разве у нас не было разговора на эту тему?

— За несколько недель до переезда Мими в Альбукерке пропала ее одноклассница.

Снизив скорость, я остановила Развалюху на обочине справа и вышла.

— Что там случилось? — спросила я, перекрикивая визжащие сигналы проезжающих мимо машин. — К мозгоправу сходить не пробовал? — проорала я вслед всем сразу.

— Никто не знает. Ее тело так и не нашли.

— Интересно.

— Да уж. И печально. Если верить статье в газете пятилетней давности, ее родители по-прежнему живут в Руисе. В том же доме, в котором прожили уже двадцать лет, надеясь, что дочь вернется домой.

Собственно, это совсем не удивительно. Родители, потерявшие детей, боятся переезжать, пока дело не закрыто, потому что продолжают верить, что однажды ребенок вернется домой. Что может быть хуже, если он вдруг не найдет их на месте?

— Каков бы ни был исход дела, нельзя переоценить его значение.

— Угадай, как звали эту девочку.

— Мм-м...

— Хана Инсинья.

В яблочко! В сообщении на стене в туалете кафешки Мими написала слово «ХАНА».

— Буду через два часа, — сказала я и повесила трубку.

***

— Вот адрес, — Куки протянула мне бумажку, залезая в Развалюху.

— А кто, прости господи, останется на телефонах? — В общем-то, мне наплевать, но кто-то же должен быть у Куки начальником, черт возьми. Кажется, я и должна.

— Все звонки будут переадресованы на мой сотовый. — Вместе с Куки в джип залезли кипы бумаг, папки и ноутбук.

— Классно придумано. Зря я не плачу тебе, как рок-звезде за туры по штату.

— Платишь? Да я у тебя в рабынях.

— Я тебя умоляю! Содержать тебя дешевле, чем рабыню. Ты сама платишь за жилье и по счетам.

Вечная семидельница, Куки умудрилась показать мне язык, одновременно пристегивая ремень безопасности. Показушница.

Заметив свободное место в потоке машин, я резво вырулила на Централ. Время решает все. Бумажки посыпались с коленей Куки, она наклонилась их поднять и взвизгнула:

— Порезалась!

— Это тебе за то, что показала мне язык.

Посасывая сбоку палец, она угрюмо покосилась на меня, затем вытащила палец и изучила повреждение.

— Бумажный порез производственной травмой считается?

— А цыплята играют в снежки?

***

Через два часа мы сидели в очаровательной гостиной дома в Руисе в компании приветливой женщины по имени Хи, которая подала нам в чашках растворимый чай со льдом. Несомненно, Хи азиатка. Скорее всего, кореянка, а вот ее муж, блондин с голубыми глазами, был пилотом военно-морского флота, приехавшим в отпуск в Корпус-Кристи, родной город Хи на юге Техаса. О техасском происхождении Хи красноречиво говорил ее особый напевный выговор. Она была крошечная, круглолицая, с седеющими черными волосами, подстриженными в боб, подчеркивающий ее широкие скулы. Благодаря белой блузке и штанам цвета хаки она выглядела моложе своих лет и такой же хрупкой, как чашки, в которых подала нам чай.

— Спасибо, — поблагодарила я, когда она предложила мне салфетку.

— Хотите печенья? — спросила Хи. Техасский акцент звучал странновато в сравнении с ее азиатской внешностью.

— Нет, спасибо, — ответила Куки.

- Сейчас вернусь, — тем не менее, сказала Хи и ринулась в кухню, стуча по ковру домашними тапочками.

— Можно я заберу ее домой? — прохныкала Куки. — Она невероятная.

— Можно, но это называется похищением, и ни один орган правопорядка тебя по головке за такое не погладит. — Я хихикнула в чашку, а Куки подарила мне мрачный взгляд. Наверное, всему виной порез от бумаги.

Хи вернулась с тарелкой печенья. Я улыбнулась, когда она вручила ее мне:

— Спасибо большущее.

— Печенье очень вкусное, — отозвалась она, усаживаясь в глубокое кресло напротив нас.

Положив печеньюшку на свою салфетку, я передала тарелку Кук.

— Миссис Инсинья, не могли бы вы рассказать нам, что произошло?

На пороге ее дома мы рассказали ей, что приехали поговорить о ее дочери. Ей хватило любезности пригласить нас войти.

— Это было так давно, — пробормотала она, уходя в себя. — До сих пор чувствую запах ее волос.

Я поставила свою чашку.

— У вас есть хоть какие-то догадки, что случилось?

— Никто не знает. — Ее голос дрогнул. — Кого мы только ни расспрашивали. Шериф вызывал на допрос всех ребят. Никто ничего не знал. Но она так и не вернулась домой. Будто кто-то стер ее с лица Земли.

— В тот вечер она вышла гулять с подружкой?

Боль потерявшей дочь Хи всплыла на поверхность, пошла от нее волнами. Это сбивало с толку, заставляло сердце бешено биться, мои ладони вспотели.

— Она должна была остаться дома, но выбралась через окно. Поэтому я не знаю, была она с кем-то или одна. — Хи изо всех сил старалась не дать чувствам вырваться наружу, и мое сердце потянулось к ней.

— Расскажите, пожалуйста, кто входил в число ее самых близких друзей, — попросила я, надеясь, что мы уедем отсюда хоть с какими-то именами.

Но Хи разочарованно покачала головой:

— Мы жили здесь всего несколько недель. Ни с кем из ее друзей познакомиться я не успела. Но о паре девочек из школы она рассказывала. Не уверена, что они на самом деле успели сблизиться — Хана была крайне застенчивой. Однако она говорила, что одна из девочек была к ней очень добра. После того как Хана исчезла, эта девочка переехала к бабушке в Альбукерке.

— Мими Маршал, — грустно проговорила я.

Хи кивнула:

— Да. Я говорила шерифу, что они были подругами. А он сказал, что допрашивал всех учеников, но никто ничего не знает.

Из этических соображений я не могла упомянуть имя Кайла Кирша. Никаких доказательств того, что он замешан в это дело, у нас не было. И все же решила зайти с другой стороны:

— Миссис Инсинья, а были какие-нибудь мальчики? Хана упоминала о бойфренде?

Хи сложила руки на коленях. У меня возникло ощущение, что ей не хочется думать о дочери в этом смысле. Но на момент исчезновения Хане было как минимум пятнадцать, если не шестнадцать. Наверняка мальчики занимали большую часть ее мыслей.

— Не знаю. Даже если ей и нравился кто-нибудь, нам бы она никогда не призналась. Ее отец был очень строг.

— Соболезную вашей утрате, — проговорила я, когда она сказала о муже. Мы успели узнать от Хи, что он умер почти два года назад.

Она склонила голову в знак благодарности. Поговорив на более приятные темы, порасспрашивав ее о родном городе и о том, по чему в Техасе она скучает больше всего, мы с Куки встали и прошли к двери.

— Есть кое-что еще, — сказала Хи, проводив нас до выхода. Куки уже была на полпути к джипу. — Около десяти лет назад каждый месяц на наш счет в банке стали поступать деньги.

Удивившись, я остановилась и повернулась к ней.

— Мне не хотелось верить, что это как-то связано с Ханой, но я должна быть честной перед самой собой. С чего бы вдруг кто-то без причины стал посылать нам деньги?

Хороший вопрос.

— Деньги переводятся с другого счета?

Хи покачала головой. Ну конечно. Иначе было бы слишком просто.

— Деньги всегда приходят на счет ночью, — добавила она. — Наличными. Тысяча долларов первого числа каждого месяца. Как по часам.

— И нет никаких идей, кто бы это мог быть?

— Никаких.

— В полицию обращались?

— Пыталась, — пожала плечами Хи. — Но там отказались выяснять, откуда приходят деньги, раз уж преступления не было. Тем более никаких заявлений мы не подавали.

Я понимающе кивнула — тут с властями не поспоришь.

— Мы с мужем несколько раз пытались проследить, откуда идут взносы, но стоило нам найти место, как деньги поступали из другого. И так каждый раз.

— Что ж, мне кажется, стоит покопаться в деталях. Могу я задать вам еще один вопрос? — спросила я, видя, как Куки остановилась в конце тротуара, поджидая меня.

— Конечно, — ответила Хи.

— Вы помните, кто был шерифом тогда, когда исчезла Хана? И кто вел дело?

— Разумеется. Шериф Киш.

Сердце мое споткнулось, наружу вырвался тихий вздох. Надеюсь, что мое удивление не слишком заметно, я сказала:

— Большое вам спасибо за потраченное время, миссис Инсинья.

Мы с Куки ушли. Развалюха — джип, а не наше эмоциональное состояние — гостеприимно приветствовала нас внутри себя. У нас обеих на лицах легко можно было прочесть полнейшую ошеломленность. Да, я успела рассказать Куки, кто был шерифом, а заодно и ведущим дело.

— Задам-ка я тебе вопрос, — сказала я Куки, пока она пялилась в никуда. — Ты говорила, что Уоррен Джейкобс весьма обеспеченный человек, так? Пишет обслуживающие компьютерные программы для разных корпораций по всему миру.

— Угу, — рассеянно прогудела она, не глядя на меня.

— Тогда зачем Мими вообще работать?

Куки повернулась ко мне и наградила меня изумленным взглядом.

— Только потому, что у мужа достаточно денег, Мими не надо работать? Иметь капельку независимости? Как-то выражать свою индивидуальность?

Я подняла руки:

— Кук, а давай на секундочку отодвинем в сторону феминизм? Я же не просто так спрашиваю. Хи сказала мне, что кто-то каждый месяц первого числа кладет ей на счет по ночам тысячу баксов. Гарольд и Ванда говорят, что Мими регулярно их навещает. Привозит детей и остается с ночевкой каждый месяц первого числа. Кук, это Мими перечисляет им деньги.

Несколько секунд Куки переваривала сказанное мной, затем опустила голову, будто сдалась:

— Но это же значит, что Мими чувствует себя виноватой. Разве нет?

— Похоже на то. Но люди часто чувствуют вину, Кук, и по разным причинам. Это вовсе не значит, что Мими натворила дел.

— Она сказала своей маме, что совершила ошибку, Чарли. Что же там произошло?

— Не знаю, солнце, но узнаю. Ставлю левое яйцо Гаррета, что тут замешана надежда Сената.

Я вставила ключ зажигания. Взревев, Развалюха очнулась, пока Куки смотрела сквозь боковое стекло.

— Ты представляешь, что все это значит? — спросила она.

— Кроме того, что Кайл Кирш почти наверняка убийца?

— Это значит, что мы собираемся предъявить обвинение в уголовном преступлении конгрессмену Соединенных Штатов. Человеку, на которого возлагают надежды избиратели как на следующего сенатора. Герою родного города. Столпу общества.

Неужели у Куки проблемы с тем, что он большая шишка? Большие шишки должны нести такую же ответственность перед законом, как и средние шишки, и маленькие шишечки.

Она повернулась ко мне с фанатично блестящими глазами. Ее аура горела пышущей, пламенной страстью, когда она сказала:

— Господи, обожаю эту работу.

Я была атеисткой, пока не поняла, что бог — это я.

Наклейка на бампер

К тому моменту, как мы остановились возле департамента шерифа округа Мора, Куки была на взводе. Она взяла на себя всю работу по сбору информации и, в принципе, шикарно с ней справлялась. Если не считать брошенных трубок, ужасно медленного интернета и ругани восьмидесятилетней бабушки, заявившей, что она Бэтмен, когда Куки ошиблась номером. Она уже скрипела зубами, когда я снова и снова пародировала ту бабушку. А не надо было говорить по громкой связи, если не хотела разгребать последствия.

Выйдя вслед за мной из Развалюхи, она прошла мимо, нарочно задев меня плечом, и прошипела:

— Ты испытываешь мое терпение.

Я постаралась не рассмеяться (ну хотя бы не очень громко) и спросила:

— Разве тебе не удалили его путем оперативного вмешательства?

К сожалению, нынешний шериф куда-то уехал по делам. Дежурная рассказала, что бывший шериф, отец Кайла Кирша, сейчас живет с женой в Таосе, где работает в службе безопасности, так что и с ним поговорить нам на этот раз не светило. Зато она дала нам копии всех документов, которые имелись у них по делу Ханы Инсинья, для чего нам всем пришлось спуститься в сырой темный подвал и перетаскать несколько десятков коробок с места на место.

Сама дежурная была слишком молодой, чтобы лично помнить дело, поэтому и тут нас ждал облом. Но я была уверена, что в то время исчезновение Ханы наделало немало шума, и мы погладим кое-кого против шерсти только тем, что ворошим прошлое. Если же нет, то уж внимание Кайла Кирша точно привлечем, причем быстро. Конечно, если не забывать о липовых федералах и моих новых утренних друзьях, то, вероятно, мы уже сдали свое укрытие и практически озвучили наши гнусные планы помешать Кайлу Киршу завоевать мир.

Ох, как же я люблю заставлять попотеть плохих парней! Почти так же, как и хороших, только методы выбираю, разумеется, разные.

На обратном пути нам нужно было проехать через Санта-Фе, что давало мне замечательную возможность поболтать с Нилом Госсетом, заместителем начальника местной тюрьмы. Вообще-то он позвонил, пока мы ехали, и прямым текстом настаивал, чтобы я к нему заскочила. Он даже секретаршу заставил внести нашу встречу в расписание, потому что всем известно: тюрьмы помешаны на расписаниях.

— Думаешь, Нил даст тебе доступ к такой информации? — спросила Куки, закрывая телефон после разговора с дочкой. Из слышных мне обрывков можно было понять, что Эмбер весело проводит время с отцом, и потому Куки теперь беспокоилась меньше. — Разве записи посещений не конфиденциальные?

— Поживем — увидим, — ответила я, подъезжая к тюрьме, потом вытащила сотовый и набрала дядю Боба.

— Ух ты! — Куки что-то печатала на ноутбуке. — Мадам Мариголд только что ответила на мое письмо.

— Правда? А обо мне упомянула?

Она хмыкнула:

— Ну, я спросила ее, чего она хочет от ангела смерти, а она ответила — цитирую: «Это только между мной и ангелом смерти».

— Значит, все-таки упомянула! Мило.

Куки кивнула, потому что в этот момент мне в ухо бесцеремонно заорал голос Дибби:

— Что у тебя?

— Кроме больших сисек? — невинно спросила я.

— По делу.

Какой он все-таки нетерпеливый.

— Хочешь все и сразу или только кусочек?

— Все, если не возражаешь.

Следующие десять минут я выкладывала ему все, от А до Я, пока Куки что-то искала в интернете. Время от времени она проговаривала вслух какие-то подробности, потому что мое изложение произведения «Кайл Кирш завоевывает мир: мюзикл» ей явно пришлось не по душе.

В трубке повисла долгая-предолгая пауза. Я уже начала подозревать, что закупоренные артерии все-таки добили дядю Боба, как вдруг послышалось шипение, пыхтение, затем скрип двери, а потом и шепот Дибби:

— Кайл Кирш?

— Ты где?

— В мужском туалете, черт тебя дери. Нельзя так запросто слоняться по округе и вслух произносить такое вот дерьмо. Кайл Кирш?

— Ага.

— Тот самый Кайл Кирш?

Наверное, его синапсы буксовали вхолостую.

— Сейчас мне надо в тюрьму. Дай знать, когда обновится твое программное обеспечение, тогда и поболтаем.

— Ладно-ладно, погоди, — успел он сказать, когда я уже собиралась отключиться. — Дай мне взглянуть на дело пропавшей девочки. И не совершай опрометчивых поступков.

— Я? — Меня всего лишь капельку задела его слова.

— Ты разворошила больше осиних гнезд, чем двенадцатилетний мальчишка с бейсбольной битой. Ты как Лоис Лейн^[11] на наркоте.

— Да я никогда... Проехали. У тебя есть для меня что-нибудь еще?

— Нет.

— Проклятье.

— Ты не будешь лезть на рожон?

— Что? К-к-шшшшшш, ты теряешься. — Я разъединилась, пока он не сказал что-то еще. Если я Лоис Лейн, то Рейес Фэрроу определенно мой Супермен. Мне только надо его найти, пока криптонитовые демоны не завершили начатое.

От меня не укрылся тот факт, что я не видела его целый день. Он умер? Неужели его больше нет? От одной только мысли больно сдавило в груди. Подъезжая к главным воротам тюрьмы, я медленно и глубоко дышала, чтобы успокоиться.

— В газете написано, — снова подала голос Куки, — что у Джанель Йорк осталась сестра, которая сейчас живет в Калифорнии.

— Ого, далековато. Мы к Нилу Госсету, — сказала я охраннику.

Он изучил планшет с зажатым на нем листом бумаги и вытянулся, как солдат по стойке «смирно».

— Вам назначено?

— Уверена, что да. — Кокетливая улыбка тронула мои губы. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон, а это Куки Ковальски.

Уголки его рта дрогнули в попытке улыбнуться в ответ. Он был слишком молод, чтобы пресытиться, и слишком стар, чтобы быть наивным. Как по мне, самый классный возраст.

— У меня записаны только вы, мисс Дэвидсон, — проговорил он. — Сейчас доложу наверх.

Моя улыбка стала шире. Опыт подсказывает, что так можно открыть больше дверей, чем с АК-47 в руках. Рот охранника так и не шевельнулся, зато глаза улыбнулись мне, перед тем как он отвернулся и пошел к постовой будке.

— Может быть, сестра Джанель приедет на похороны, — добавила Куки. — Позвоню в похоронное бюро, попробую выяснить, как с ней связаться.

Пока она атаковала клавиатуру в поисках номера бюро, охранник успел вернуться. Улыбка все еще пыталась прорваться сквозь жесткую линию его рта.

— Все в порядке. Если поедете этой дорогой, — он показал направо, — то окажетесь прямо у здания, в котором его офис.

— Спасибо.

Через десять минут я в очередной раз оказалась в тюрьме штата. То есть в кабинете Нила Госсета, который расположен в тюрьме штата. Куки осталась в приемной, чтобы продолжить поиски и сделать несколько звонков. Какая она все-таки полезная помощница! Нила я услышала — он поздоровался с Куки и остановился поговорить с Луанн, своим секретарем, которая встретила нас на входе, и которая всякий раз смотрит на меня так, будто я вынашиваю план убийства ее щенка. У нее бледная кожа с отчетливыми следами всех сорока с лишним лет, которая резко контрастирует с короткими черными волосами и темными глазами. Мне всегда было интересно, почему она так зыркает на меня, когда я прихожу. Не настолько интересно, чтобы спросить в лоб, но все же. Из ее эмоций я ощущала только недоверие, хотя в первую нашу встречу не было и его, пока она не узнала, что я пришла из-за Рейеса. Казалось, она стремится его защитить, и только сейчас я удосужилась задуматься, с чего вдруг?

Поблагодарив Луанн, Нил направился к кабинету. Мы с ним вместе учились в школе, но пути наши пересекались редко. В основном потому, что он был придурком. Слава богу, тюремная жизнь его закалила. А еще благодаря одному инциденту Нил кое-что, совсем капельку, знал о Рейесе. Инцидент произошел десять лет назад, когда Рейеса только привезли сюда, и был связан с избиением трех бугаев из местной банды — лучших, так сказать, наемников, которых только можно отыскать в тюремном сообществе. Все закончилось ровно за пятнадцать секунд. Что бы тогда ни увидел Нил, это произвело на него неизгладимое впечатление. И обо мне он знал достаточно, чтобы верить всему, что я скажу, даже если это будет звучать, как бред сумасшедшего. К школе это не имеет никакого отношения — там меня обзывали кто на что горазд, от шизоидной психопатки до Кровавой Мэри. Последнее прозвище было странным, поскольку я редко бывала покрыта кровью.

Однако сейчас я могла использовать его новоприобретенную веру в мои способности в свою пользу и очень рассчитывала на его доверие.

Войдя в кабинет, Нил бросил на меня знающий взгляд и уселся за стол. Он был лысеющим бывшим спортсменом и все еще мог похвастать неплохим телосложением, несмотря на очевидную любовь к возлияниям.

— Ты его видела? — спросил Нил, сразу переходя к делу.

Ясненько, он собирается вести себя профессионально. И у него получается. В том, что Нил хочет знать, где Рейес, есть смысл, раз уж он заместитель начальника тюрьмы, из которой тот сбежал.

— Я собиралась задать тебе тот же вопрос.

— То есть ты не знаешь, где он? — заволновался Нил.

— Нет, — ответила я, стараясь выглядеть такой же взволнованной.

Он устало вздохнул, сбрасывая с себя личину заместителя начальника, а следующие его слова удивили меня больше, чем хотелось бы признаться:

— Мы должны найти его, Чарли. Нельзя позволить федеральным маршалам нас обойти.

Тревога пронзила меня и пришила к месту.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что речь идет о Рейесе Фэрроу, — язвительно заметил Нил. — Я видел, на что он способен. Видел, что он может сделать голыми руками. Одному богу известно, что он натворит, раздобыв оружие. — Он почесал себя по щеке и добавил: — Ты лучше меня знаешь, на что он способен.

И он прав. Да, черт возьми, я намного лучше, чем он, знаю, на что способен Рейес. Если бы Нил хоть на километр приблизился к Городу Посвященных, то поседел бы от страха.

— Они не смогут его остановить, — продолжал он со зловещим выражением лица, — а когда поймут это, сделают все, чтобы его убить.

Представив, что на Рейеса нападет группа маршалов, я стиснула зубы и несколько долгих секунд сидела молча, заперев на замок сердце и разум. Рейес сам об этом говорил. Что в человеческом теле он уязвим. Что его могут убить. Я не знала наверняка, как далеко может зайти Нил, чтобы помочь мне помочь Рейесу, но собиралась это выяснить. Если я хочу, чтобы он мне доверял, то должна доверять ему. И хотя правда, только правда и ничего, кроме правды, может принести больше вреда, чем пользы, Нил видел достаточно, чтобы знать: Рейес — другой вид животного. Этим знанием я и воспользуюсь, чтобы заманить его на свою сторону, а сведения, содержащие слова «ангел смерти» и «сын Сатаны», приберегу на другой день.

— Я не знаю, где он, — начала я, совершая гигантский прыжок веры ему навстречу, — но знаю, что за ним охотятся и что он ранен.

Мои слова ошеломили Нила. Лицо осталось безразличным (настоящий ценитель покера бился бы в конвульсиях от зависти), но, как только я договорила, уровень его эмоций подскочил, и в тот же миг я поняла, что нашла правильный путь. Он не разозлился на меня за то, что я знаю такие подробности о Рейесе, и не горел желанием пуститься на охоту за своим заключенным. В мерцании его глаз не было ни единой мысли о том, какие почести его ждут, если он вернет сбежавшего преступника.

Нет. Нил испугался. Похоже, он действительно беспокоился о Рейесе. Меня это удивило. Все-таки он каждый день работает с сотнями заключенных. Разумеется, сочувствие играет большую роль в его профессии. Возможно, кто-то считает, что разочарование в людях

само по себе отодвинет истинное беспокойство на задний план, но я чувствовала связь между Нилом и Рейесом. Может быть, Нил привязался к нему, потому что тот слишком долго сидел в этой тюрьме, а сам Нил давно знал, что Рейес — больше, чем простой смертный. Я бы поцеловала Госсета в губы здесь и сейчас, если бы в школе он не вел себя со мной, как последний козел. Поняв, что он на моей стороне — а значит, и на стороне Рейеса, — я испытала прилив облегчения, ослабивший напряжение у меня в животе. Как минимум на минутку.

— Откуда ты знаешь, что он ранен? — спросил Нил, и я буквально ощутила, как в нем борются эмоции. Тревога. Сочувствие. Страх. Они плотно окутали его, а потом ударили прямо в меня, закрутились во мне, как удушающий дым.

Моргнув, я постаралась взять себя в руки.

— Я собираюсь кое-что тебе поведать, — заявила я, надеясь, что мой прыжок веры не завершится аварийной посадкой на кактусовом поле. Потому что на кактусы падать больно, согласитесь. — И ты же понимаешь, что для этого нужно быть человеком широких взглядов, открыть свой разум и все такое?

Нил колебался, раздумывая, к чему я веду, потом настороженно кивнул.

Я подалась вперед и понизила голос, надеясь, видимо, смягчить удар.

— Рейес — сверхъестественное существо. — Не получив никакой реакции, поскольку Нил даже не моргнул, я продолжила. Потому что мне очень-очень была нужна его помощь. И немножко потому, что мне было любопытно, как далеко я смогу зайти. И как далеко сможет зайти он, чтобы узнать правду. — Конечно, у меня и самой есть кое-какие сверхъестественные таланты, но он — совсем другое дело.

Несколько секунд он задумчиво молчал, потом закрыл лицо руками и посмотрел на меня сквозь растопыренные пальцы.

— Я съезжаю с катушек, — сказал он. Потом подумал о том, какое употребил время, и добавил: — Нет, беру свои слова назад. Уже съехал. Это свершившийся факт. Для меня теперь нет никакой надежды.

— Ладненько, — протянула я, устраиваясь поудобнее. Наверное, я смогу с этим жить. Никаких осуждений. Никаких поспешных выводов. И не придется покупать ему на Рождество смиренную рубашку.

Нил нажал кнопку интеркома.

— Да, сэр? — тут же последовал ответ. А она молодец.

— Луанн, мне нужно, чтобы ты оформила мне путевку в санаторий как можно скорее. Лучше всего со вчерашнего дня.

— Конечно, сэр. Определенная оздоровительная программа?

— Нет, — ответил он и покачал головой. — Любая подойдет. Выбери сама.

— Сию минуту, сэр.

— Славный она человек, — сказал Нил, когда Луанн разъединила связь.

— Похоже на то. А зачем тебе в санаторий?

Он наградил меня таким мрачным взглядом, будто это я виновата в его душевном расстройстве.

— Как бы ни было больно признаваться, я тебе верю.

Я с трудом подавила улыбку, снова испытыв облегчение после его слов.

— Нет, правда, я тебе действительно верю. Как будто ты только что сказала мне, что у тебя спустило колесо или на улице облачно. Как будто то, что ты сказала, обыденно и

ординарно. И не вызывает ни малейшего удивления.

Надо же, а он очень изменился после школы. И я не имею в виду пивное брюшко и редяющие волосы.

— И это плохо?

— Конечно, это плохо. Ради бога, я же работаю в тюрьме. Такие вещи не случаются в моем мире. И все же каждая клетка во мне преспокойно принимает тот факт, что Рейес — сверхъестественное существо. Похоже, я меньше верю прогнозу погоды, чем тебе.

— Никто не верит прогнозам погоды, и сейчас ты в моем мире, — отозвалась я с усмешкой. — А в моем мире суперкруто. Но я тебе это рассказала не просто так. — Нил сосредоточился на мне, вопросительно поднял брови, и я продолжила: — Мне нужна твоя помощь. Мне нужно знать, кто приходил сюда повидаться с Рейесом.

— И зачем тебе эта информация?

— Затем, что я должна найти его тело.

— Он умер?! — ошалело выкрикнул Нил, подскочил и, обойдя стол, двинулся на меня.

— Нет, Нил, успокойся. — Я подняла руки. — Он не умер. То есть я так не думаю. Но скоро умрет. Мне нужно найти его тело. Как я сказала, он ранен. Тяжело ранен.

— И ты думаешь, кто-то его укрывает? Кто-то, кто приходил к нему сюда?

— Так точно.

Он развернулся и стукнул кулаком по кнопке интеркома.

— Луанн, можешь дать мне имена тех, кто посещал Рейеса Фэрроу за последний год? И мне надо знать, кого он сам внес в список посетителей, и не важно, одобрила их комиссия или нет.

— Мне предоставить эту информацию до того, как я устрою вас в санаторий, или после, сэр?

Рот Нила съехал в сторону, пока он принимал решение.

— До. Однозначно до.

— Сию минуту будет сделано.

— Обожаю, когда она говорит «сию минуту», — сказала я, поклявшись себе, что обязательно расскажу об этом словосочетании Куки. — Значит, посетителей должны одобрить?

— Да. — Нил снова сел за стол. — Заключение подает запрос на имя того, с кем хочет увидеться. Затем этот человек заполняет заявление, которое передадут комиссии, и комиссия решает, дать ему или ей добро на посещение или нет. Давай вернемся к сверхъестественной теме, — сказал он с загадочно блестящими глазами.

— Ну давай.

— Ты экстрасенс? Поэтому тебе известно, что Фэрроу ранен?

Опять двадцать пять. Везде эти экстрасенсы.

— Нет. Не совсем. Не в том смысле, что ты имеешь в виду. Я не умею предсказывать будущее и не могу рассказать о твоём прошлом. — Заметив его полный сомнений взгляд, я добавила: — Серьезно. Я с трудом помню прошлую неделю. Прошное туманно, как туман, только еще туманнее.

— Ладно, тогда что ты имеешь в виду под сверхъестественным?

Я опять подумала о том, чтобы рассказать ему правду, но быстренько решила этого не делать. Мне не хотелось терять его в качестве члена моей команды, но и лгать ему хотелось не больше. Этот парень десять с лишним лет проработал бок о бок с уголовниками, а они

врут как дышат.

Пытаясь придумать, что сказать, я изучала пестрый узор ковра. Ненавижу, когда не знаю наверняка, сколько можно открыть человеку, а сколько нужно утаить. Говорить людям правду проблематично потому, что после моих откровений их жизни навсегда меняются. Их представления о будущем никогда не станут прежними. Однако, учитывая, что большинство людей с трудом верит рассказанному, я редко оказываюсь в таком щекотливом положении. Но Нил уже кое-что видел. Знал, что Рейес могущественнее, чем любой из его знакомых. Знал, что я вижу то, чего не видят другие. И все же существует граница, предел тому, что человеческий разум способен принять в качестве реальности. Если я перейду эту черту, то потеряю сотрудничество и дружбу Нила. Само собой, за его дружбу я гроша ломаного не дам, но все же.

— Нил, я не хочу тебе врать.

— И я не хочу, чтобы мне ввали. Значит, выкладывай все, как есть.

Глубоко вздохнув, я проговорила:

— Если я скажу тебе правду... скажем так, нормально спать по ночам ты не будешь. Никогда больше не будешь.

Он задумчиво постучал ручкой по столу.

— Честно говоря, Чарли, я нормально не сплю по ночам уже пару недель, с твоего прошлого визита.

Проклятье. Так и знала. Я уже испоганила его мир.

— Может быть, я не прав, — продолжал он, — но уверен, что буду спать лучше, если узнаю всю историю целиком. Все эти кусочки информации не дают мне покоя. Опереться больше не на что. Все вверх дном. Как будто все, во что я верил, рушится у меня под ногами, а сам я теряю способность отличать реальное от нереального.

— Если я расскажу тебе больше, это точно не поможет тебе лучше разбираться в том, что реально, а что нет.

— Мы можем согласиться не соглашаться?

— Нет.

— Значит, мы не пришли к соглашению?

— Нет.

— Выходит, пришли?

— Нет.

— Тогда давай зайдем с другой стороны. — Он наклонился ко мне с очень, очень злобной ухмылочкой. — Если хочешь взглянуть на записи посещений, я хочу знать голую правду.

Он только что сказал «голую»?

— Не думаю, что могу так с тобой поступить, — с сожалением сказала я.

— Да неужели? А может, я тебе тоже рассказал далеко не все, что мне известно.

Я нахмурилась:

— Ты о чем?

— Ты серьезно думаешь, что одна маленькая история о Рейесе — это все?

Когда я впервые сюда приехала, Нил рассказал мне поразительную историю. Он только начал работать в тюрьме, когда увидел, как Рейес — в то время двадцатилетний парнишка — разделался с тремя самыми страшными бугаями в штате, даже не вспотев. Нил и подмогу вызвать не успел. Тогда-то он и узнал, что Рейес не такой, как все.

— Думаешь, это все, что я могу рассказать? — снова спросил Нил. Я уже ждала зловещего смеха. — У меня десятки таких историй. О том... о том, что невозможно объяснить. — Он задумчиво покачал головой, и мне пришло в голову, что он вспоминает множество историй, которые до сих пор мне не рассказал. Главное — не пустить слюни от нетерпения. — Признаться, Чарли, мне необходимы объяснения. Считай, что у меня научный интерес.

— Да ты профан во всех науках.

— Я повзрослел — все изменилось, — не сдавался он.

В его глазах я видела стальную решимость. Ту самую, благодаря которой наша школьная футбольная команда выигрывала три года подряд. Проклятье.

— Вот что я тебе скажу, — начала я, входя в режим переговоров, — покажешь мне свое — я покажу тебе мое.

— Хочешь сказать, я должен быть первым?

Я улыбнулась, подтверждая его слова.

— Черт побери, всегда я должен быть первым, а потом половина из вас, девчонок, идет на попятный и сбегает, так и не показав свое.

Наверное, у него огромный опыт в этой области.

— Ты мне не доверяешь? — спросила я, изо всех сил стараясь выглядеть обиженной.

Рот Нила превратился в тонкую линию.

— Ни капельки.

Я развела руками, показывая на окружающую нас обстановку.

— Чувак, мы же в тюрьме. Если я не выполню свою часть сделки, посади меня в одиночку, пока не выполню.

— Могу я получить это в письменной форме?

Мне хотелось большего, мне было нужно больше. Так же нужно, как воздух. Во всем, что касалось Рейеса, мой аппетит был ненасытным.

— Да хоть кровью напишу.

Издав долгий задумчивый вздох, Нил наконец заговорил:

— Думаю, кровью не обязательно. Так и быть, расскажу тебе одну историю. — Он пожевал губу, выбирая, что рассказать. — Ладно, это случилось, когда я был еще охранником. Мы получили донос, что назревает драка. Жестокая резня между Саут-Сайдом и арийцами. Напряжение между ними было хоть ножом режь, и на третий день мы и сами поняли, что скоро произойдет что-то ужасное. Зеки собрались во дворе, косились друг на друга, потихоньку сходились, пока главари обеих банд не оказались нос к носу. А посреди всего этого стоял Фэрроу. Мы сильно удивились.

— Почему? — поинтересовалась я, хотя сама чувствовала, что мои глаза от удивления вот-вот на лоб полезут.

— Потому что он не принадлежал ни к одной группировке. Это редкость, но иногда случается. Заключение редко действуют в одиночку. А с ним все именно так и было. Причем весьма успешно.

— Итак, он посреди драки...

Даже зная, что после этого с Рейесом ничего не случилось, я все равно не могла унять бешеный ритм сердца.

— Прямо в эпицентре. Мы глазам своим не верили. И вдруг люди стали падать. Фэрроу шел сквозь толпу заключенных, а они падали на землю. Без сознания. — Нил замолчал,

погрузившись в мысли.

— Дальше-то что? — спросила я в благоговейном ужасе.

— Добравшись до главарей, Фэрроу стал с ними говорить. Большинство оставшихся уже отступили. На одних лицах было изумление, на других — страх. Главари осмотрелись, увидели, что произошло. Парень из Саут-Сайда поднял руки и свалил. А главарь арийцев пришел в ярость. Может быть, подумал, что Фэрроу предает свою расу или еще что.

— Они такие чувствительные на этот счет.

Нил кивнул:

— Ариец врезал Фэрроу по лицу и стал на него орать. А потом — никто ничего даже понять не успел — рухнул на землю.

Я взвилась с места и уперлась ладонями в стол.

— И что же сделал Рейес?

— Сначала мы не знали, — Нил взглянул на меня снизу вверх, — а потом, просмотрев записи камер наблюдений, поняли: он к ним прикасался, Чарли. Идя сквозь толпу, он просто трогал каждого за плечо. И все падали, как мухи.

Наверное, я стояла с отвисшей челюстью дольше, чем было надо.

— Ворвались охранники с оружием, всех обыскали и посадили в изолятор. — Нил покачал головой, предаваясь воспоминаниям. — Кто знает, сколько в тот день было спасено жизней. Включая мою.

Я снова удивилась:

— А твоя-то причем?

Пару секунд он изучал свои руки, затем ответил:

— Я не такой смелый, каким притворяюсь, Чарли. Арийцы пообещали прийти за мной. Одному из них я перешел дорогу, посадив в одиночку за то, что он швырнул поднос в другого заключенного. — Нил тяжело посмотрел на меня. — Я знаю, что из той заварухи живым бы не выбрался. Мне было до чертиков страшно.

— Здесь нечего стыдиться, Нил, — пожурела я его, не забыв приложить к словам и соответствующий взгляд, а потом озвучила очевидное: — Значит, он спас и твою жизнь.

- И я хочу ответить ему тем же.

— Позволь мне кое о чем спросить. — Подозрение сверлило мне мозг. Лучший друг Рейеса со школьных времен сидел с ним в одной камере. — Сокамерник Рейеса, Амадор Санчес, случайно не был членом Саут-Сайда?

Нил задумался.

— Кажется, да. Был.

Интересно, не потому ли вмешался Рейес?

— Думаю, Фэрроу в любом случае остановил бы драку, — проговорил Нил, словно прочитав мои мысли.

— С чего ты так решил?

— Когда мы ворвались во двор, я направился напрямик к нему. Чтобы удостовериться, что больше никто не пройдет мимо него. С одной стороны, потому что не хотел, чтобы ему причинили вред, а с другой, потому что уже немного знал, на что он способен. И мне не хотелось, чтобы пострадал кто-нибудь из моих сослуживцев. Я приказал ему лечь на землю и присел рядом с ним, когда тактическая группа распространила по двору слезоточивый газ. На мне был противогаз, но я наклонился к нему... я должен был знать...

— Что знать?

— Я спросил, почему он остановил драку.

— Что он ответил?

— Поначалу отнекивался. Сказал, что не знает, о чем я говорю. Потом вообще отказался отвечать. Может быть, из-за газа.

— А потом?

— Когда мы сопровождали людей в изолятор, он словно поджидал, когда придет его очередь на обыск, наклонился ко мне и сказал, что за тысячи лет службы видел достаточно войн.

Точно зная, что имел в виду Рейес, я тяжело вздохнула.

Нил окинул меня любопытным взглядом.

— Что он имел в виду? Ни в какой войне он участвовать не мог. Полагаю, на этот вопрос можешь ответить ты. — Он переплел пальцы. — Твоя очередь.

Ладно, я должна быть с ним честной, но выложить все подчистую не могу.

— Не знаю, как сказать, — нерешительно начала я, — но Рейес однозначно видел войну собственными глазами. Множество войн. — Я покосилась на Нила, пытаюсь понять его реакцию. — Много веков он был полководцем. Только руководил армией не из этого мира.

— Он пришелец?! — Нил едва не орал.

— Нет, — сказала я, давась смехом. — Ничего подобного. Я не могу рассказать тебе всего... Просто он сверхъестественное существо.

— Ну все. — Нил встал из-за стола. — Ты идешь в одиночку.

Он схватил меня за руку и поднял со стула, хотя, надо признать, осторожно.

— Ты чего? Я же тебе все дерьмо вываливаю!

— Нет, это дерьмо ты мне уже вывалила. Мне нужно новенькое, свеженькое дерьмо с дымком. А ты жульничаешь.

— Ничего подобного. Я...

— Знаешь, скольким людям я рассказывал эту историю? — Он наклонился, понизил голос до резкого шепота, будто кто-то мог услышать. — Представляешь, каким бредом это звучит?

Мы двигались к двери.

— Да подожди ты! Не можешь же ты просто взять и засунуть меня в одиночку?

— Сейчас увидишь.

— Нил!

— Луанн, — позвал он, открыв дверь, — неси наручники.

Сидевшая в приемной Куки оторвалась от ноутбука, посмотрела на нас, нахмурилась для проформы и вернулась к своим поискам.

— Ладно, сдаюсь, — я подняла руки в знак капитуляции. Нил ослабил хватку, я выдернула свою руку и сквозь зубы процедила: — Только не вини меня, когда начнешь мочиться в постель.

Сверкнув в адрес Луанн улыбкой, он закрыл дверь.

— У тебя один-единственный шанс. Профукаешь его — никогда больше не увидишь дневного света.

— Прекрасно, — прошипела я, тыча ему пальцем в грудь. — Хочешь жесткой игры, давай поиграем. Рейес Фэрроу — сын Сатаны.

В тот самый момент, когда я это сказала, когда слова сорвались с моих губ, меня обуял глубокий шок. Прикрыв руками рот, я долго и нудно стояла, молча пялясь в никуда.

Рейес меня убьет за то, что выболтала его секрет. Порежет на мелкие и тонкие кусочки блестящим мечом. Я это знаю. Хотя... Секундочку. Я же могу все исправить. Испуганно поглядев на Нила, я поняла, что теперь он ни в чем не уверен.

Я уронила руки и рассмеялась. То есть попыталась рассмеяться. К сожалению, вместо смеха я издавала звуки тонущей лягушки. Что вы хотите, я была в ужасе, полностью ошарашена.

— Я пошутила, — выдавила я приглушенным под давлением неминуемой смерти голосом. Потом шлепнула Нила по руке. — Ты же знаешь, как это бывает, когда кому-то грозит одиночное заключение. Тут всякую чушь городить начнешь.

Я отвернулась, чтобы сесть и уронить на пол челюсть от собственной глупости, пока он не видит. И в этот момент Нил заявил:

— Ты не пошутила.

— Пф-ффф, — пропыхтела я, опять поворачиваясь к нему, — еще как пошутила. Сам подумай. Сын Сатаны? Пф-ффф. — Я хихикнула и наконец-то уселась. — На чем мы остановились?

— Как такое возможно? — Совершенно сбитый с толку, он подошел к своему столу. — Как?

Проклятье. Сдалась с потрохами, как рыба, выброшенная на берег. По собственной воле выброшенная. Пришлось снова встать, чтобы эффектно нависнуть над столом.

— Нил, ей-богу, ты не должен никому об этом говорить.

Отчаяние в моем голосе вернуло мне его внимание. Он моргнул и вопросительно приподнял брови.

— Если в твоей жизни есть хоть что-нибудь, что ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя доверить ни одной живой душе, то это как раз то, что ты только что услышал, Нил. Я не знаю, что сделает Рейес, если выяснит, что ты в курсе. То есть... — Я отвернулась и, задумавшись, отошла на несколько шагов. — Не думаю, что он причинит тебе вред, честно. Но не могу быть уверена на все сто. В последнее время он ведет себя... эксцентрично.

— Как такое возможно? — повторил Нил.

— Ну, у него серьезный стресс, к тому же его пытаются...

— Сын Сатаны?

— Ты меня слушаешь? — выпалила я. Черт возьми. Вот вам и дефицит внимания. Кажется, у Нила по моей вине дефицит всего мозга. — Тебе ни в коем случае нельзя никому на свете об этом проболтаться.

Я уже натворила дел — посвятила Куки, даже не задумавшись о последствиях. Теперь еще и Нил. Не проще было бы дать объявление в «Нью-Йорк Таймс»? Или заказать билборд на шоссе I-40? Или вытатуировать у себя на заднице?

— Чарли, — Нил пришел в себя быстрее, чем я. — Я все понял. Никому ни слова. Я знаю, на что он способен, помнишь? И не собираюсь вызывать на себя его гнев. Обещаю.

Глубоко вздохнув от невероятного облегчения, я обессиленно опустилась на стул.

— Но как такое возможно? — спросил он в третий раз.

Я беспомощно пожала плечами:

— Даже я не знаю всех подробностей, Нил. Прости, что рассказала тебе. Но все не так плохо, как кажется, честное слово.

— Плохо? — изумленно переспросил он. — Как это плохо?

— Мм-м... — Я секунду обдумывала его слова. — Вопрос с подвохом?

— Я в курсе, что он хороший человек, Чарли. И только потому, что его отец... ну, скажем... прожаренное до хрустящей корочки зло... Нет. Знаешь, что такое настоящее зло? — спросил он.

Я затащила брови как можно выше.

— Когда американцы говорят о зле, — продолжал Нил, — они имеют в виду нечто преднамеренно жестокое, зверское. Но это совсем не зло, а только наше понятие о нем.

— К чему ты ведешь?

— Зло — это просто-напросто отсутствие добра, отсутствие Бога.

Я никогда об этом не задумывалась.

— Так ты знаешь, что Рейес не злой? Что он хороший?

— Ну конечно. — Он сказал это таким тоном, будто я круглая идиотка. — Но если серьезно, он и правда... ну, его сын?

— Да. — Я почувствовала, как меня охватывает сожаление. — Правда.

— Это самая крутая вещь, какую я когда-либо слышал.

— Крутая?

— Именно крутая, — усмехнулся Нил.

— Не понимаю. Как это может быть круто?

Откинувшись на спинку стула, он сложил ладони домиком.

— С того момента, как ты приехала на прошлой неделе... Нет, не так. С того момента, как в моей жизни десять лет назад появился Рейес, многие вещи я стал подвергать сомнениям. Спрашивал себя, действительно ли существует высшая сила? Есть ли рай? Существует ли Бог? Признаться честно, отчасти это было вызвано тем, что день за днем я видел, на какие злодеяния способны люди. Но главный толчок произошел, когда я краем глаза заглянул в этот другой мир, другую реальность, но понятия не имел, с чем мне пришлось столкнуться. И вот теперь... — Он посмотрел на меня с благодарностью. — Одним словом ты вернула мне веру в Бога, Чарли. Только подумай: если есть сын Сатаны, то я чертовски уверен, что сын Господень тоже существует.

Я закивала:

— Ты абсолютно прав, просто я немного удивлена, что ты так хорошо все воспринял.

— Только подумай! — не унимался Нил. — Иисус меня любит.

Я хихикнула от облегчения, потом наклонилась к нему и прошептала:

— Может, Иисус тебя и любит, но в любимчиках у него я.

Он рассмеялся, потом внезапно замолчал и уставился на меня долгим изучающим взглядом.

— Ты чего? — спросила я, начиная чувствовать себя неловко.

— Если Фэрроу сын Сатаны, то кто тогда ты?

— Нетушки, — я погрозила пальцем, — баш на баш. Одна история — одна правда.

Нил продолжал изучать меня (с чего вдруг такой интерес к моей персоне?), и тут в дверь постучала Луанн.

— Входи.

Она вошла и вручила ему несколько листов бумаги.

— Это все? — поинтересовался Нил, пристраивая на носу очки.

Луанн принесла ему записи посещений, как он и просил.

— Да, сэр. Видеться с другими он отказывается.

— Спасибо, Луанн. — Когда она ушла, он обратился ко мне: — В списке посетителей Фэрроу один-единственный человек. Ни частных, ни государственных адвокатов. Только один парень.

— Дай угадаю: Амадор Санчес.

— Он самый. Они сидели в одной камере четыре года.

— А еще были друзьями в старших классах.

— Серьезно? — удивился Нил. — Как же, черт побери, они оказались в одной камере? Да еще и на целых четыре года?

Как Рейесу удалось это провернуть? С каждой секундой он все интереснее и интереснее.

— Что Луанн имела в виду, когда говорила о других?

— А-а. Женщины. — Он даже рукой махнул, как будто это совершенно не важно, и уставился в записи. — Итак, Амадор Санчес приходил к нему за неделю до того, как Фэрроу подстрелили. Похоже, Санчес регулярно его навещал.

— Какие женщины? — спросила я, когда Нил так и не соизволил оторваться от бумажек.

— Просто женщины. — Он на меня даже взглянул! — Фэрроу отказывал во встрече всем им, так что вряд ли у нас есть о них какие-то записи. Но, видит бог, они пытались, из кожи вон лезли. Как минимум одна-две в месяц. — Задумавшись, он посмотрел в потолок. — Если подумать, они же все равно заполняют заявления даже без его запросов. Может быть, у нас остались копии. Надо проверить, — и он снова уставился в записи.

— Да, так ты и говорил — они заполняют заявления. Что за женщины? — снова спросила я, пытаюсь унять горячий поток ревности, прожигающий мне душу.

После долгой-предолгой паузы, за время которой я придумала семнадцать разных способов его убить, Нил посмотрел на меня поверх очков.

— Женщины с веб-сайтов. — По его тону было ясно: он внезапно обнаружил, что я олигофрен.

Я стала склоняться к варианту с медленной смертью. И океаном боли. Вероятно, номер четыре. Или тринадцать.

— С каких еще веб-сайтов?

Положив свои бумажки на стол, он насмешливо уставился на меня. Хам.

— Разве ты не детектив?

— Ну да, но...

— И как долго ты работаешь над делом Фэрроу?

— Знаешь что? Я всего неделю назад узнала, кто он такой. Даже меньше, если считать по календарю Сатурна.

— Во-первых, напомни мне при случае никогда тебя не нанимать.

Я передумала. Воспользуюсь двенадцатым способом. Мне его уже почти жаль.

— А во-вторых, сделай себе одолжение: погугли его.

— Погуглить Рейеса? Зачем?

Нил мягко рассмеялся и покачал головой:

— Тебя ждет чертовски большой сюрприз.

Я проехала вперед по полу прямо на стуле.

— Почему? О чем ты говоришь? Ему пишут женщины? — Я слыхала о женщинах, которые пишут письма заключенным. Не упоминая ни одного из тысячи прилагательных,

которые приходят мне на ум при мысли об этих женщинах, я спросила: — У него есть друзья по переписке?

Пытаясь побороть очередной приступ смеха, Нил ущипнул себя переносицу.

— Чарли, — сказал он, снова посмотрев на меня, — у Рейеса Фэрроу целые фан-клубы.

Можно многое узреть, просто наблюдая.

Йоги Берра^[12]

— Неужели ты никогда его не гуглила?

— Ты тоже, — ответила Куки, когда я спросила ее о Рейесе. Мы ехали по Санта-Фе. —

Я просматривала официальные базы данных, чтобы найти записи о его аресте и информацию о приговоре. А еще нашла несколько статей о судебном процессе на сайте «Ньюз Джорнал».

— И никогда его не гуглила?

— Ты тоже, — устало повторила она, что-то печатая на ноутбуке.

— Фан-клубы! — воскликнула я, все еще пребывая в глубоком шоке. — У него целые фан-клубы. И горы писем.

Жестокие муки ревности терзали мою грудь, прогрызая в ней дыру. Образно выражаясь. Сотни женщин, может быть, даже тысячи, знали о Рейесе Александре Фэрроу больше, чем я.

— Зачем кому-то создавать фан-клуб заключенного? — поинтересовалась Куки.

Тот же вопрос я задала Нилу.

— Видимо, существуют женщины, которые повернуты на зеках. Они копаются в газетах и доступных судебных документах, пока не находят привлекательных заключенных. После чего делают целью своей жизни доказать, что их посадили несправедливо (потому что все заключенные — ну, почти все — настаивают на том, что они невиновны), или просто обожают их издалека. Нил говорит, для некоторых женщин это вроде соревнования.

— Как это все неправильно.

— Согласна, но только вдумайся. Для зека с солидным сроком запросто подцепить очередную цыпочку — из области фантастики. Может быть, женщины занимаются тем, чем занимаются, потому что уверены: эти мужчины им точно не откажут. Ну кто отвергнет женщину, которая регулярно пишет любовные письма и приезжает на свидания? Что таким женщинам терять?

Куки бросила на меня встревоженный взгляд.

— Кажется, ты весьма спокойно приняла эти новости.

— Не совсем, — я покачала головой. — Думаю, я в шоке. То есть... да елки-палки! Они же наверняка историями всякими делятся.

Кажется, Кук тоже была в шоке. Пока я направлялась к дому некой Элейн Оук, Куки копалась в контенте какого-то сайта. Внезапно глаза ее расширились, а взгляд стал похож на взгляд безумно влюбленного человека.

— И у них есть фотки.

— И они делятся историями. Погоди, что? У них есть фотки?!

В целях безопасности я решила съехать на обочину, включила аварийные огни и устроилась на экран ноутбука. Святой пирог с бананом и сливками! У них действительно были фотографии.

Через час мы стояли на пороге женщины, которую я окрестила Маньячкой. Ну серьезно, кто станет платить охранникам и другим заключенным, чтобы получать информацию о Рейесе? Или красть у него вещи? Я, конечно, не зарекаюсь, что не сделала бы того же, но у меня есть веская причина.

Дверь открыла высокая тощая женщина. Светлые волосы коротко подстрижены и уложены в некий вид беспорядка, но я сильно сомневалась, что хоть один волосок лежит не на том месте, на каком ей хотелось.

— Привет. Вы мисс Оук?

— Да, — ответила она с легким намеком на недовольство.

— Мы приехали расспросить вас о Рейесе Фэрроу.

— У меня определенные часы посещения. — Она указала на табличку над дверным звонком. — Приходите позже.

Я выудила удостоверение из заднего кармана.

— Вообще-то мы здесь по делу. И были бы рады поговорить с вами прямо сейчас. Если у вас есть минутка.

— Понятно. Хорошо. — Она провела нас внутрь своего скромного жилища. Если дом за несколько миллионов, в котором несколько триллионов комнат, может считаться скромным. Не может же, да? — У меня так много посетителей, что пришлось установить часы посещения. Ни единой свободной минуты. — Мы все оказались в небольшой гостиной. — Приказать подать вам чаю?

Она не шутит? Так вот чем занимаются богачи? Приказывают подать чай?

— Нет, спасибо. Я только что приговорила почти литр нирваны со льдом и без сахара.

Она потерла суставом пальца под носом, словно моя бесцеремонность была... ну, бесцеремонной.

— Итак, — проговорила мисс Оук, придя в себя от моей невоспитанности, — что этот плут на сей раз натворил?

— Плут? — переспросила Куки.

— Рейес, — уточнила Элейн.

От такого небрежного упоминания имени Рейеса меня всю судорогой свело от ревности. А для меня это нетипично. У меня редко бывают судороги, и в моем понимании такая реакция была спровоцирована этой конкретной женщиной. Вроде «и пусть победит сильнейшая... во флирте». А я всегда думала, что ревности во мне нет ни капельки. Очевидно, когда дело касается Рейеса, во мне ее целые тонны.

Стиснув зубы и сжав кулаки, я задвинула ревность подальше.

— Вы с ним общались в течение последнего месяца?

Она рассмеялась. Вероятно, челядь вроде меня ее развлекает.

— Наверное, вы почти ничего о Рее не знаете, я права?

Рей, значит? Интересно, может быть еще хуже? У меня задержалось веко.

— Почти ничего, — процедила я сквозь стиснутые зубы, а говорить сквозь стиснутые зубы не очень-то легко.

Когда Элейн встала и направилась к двери, Куки сжала мою ладонь. Судя по всему, чтобы напомнить мне, что если я убью эту женщину и похороню ее безжизненное тело под ее же азалиями, то останется свидетель моего преступления. А ведь я даже не знала, что азалии растут в Нью-Мексико.

— Тогда вам стоит пойти со мной. — Элейн открыла ряд смежных дверей, ведущих в

помещение, которому можно было дать только одно название — музей Рейеса Фэрроу.

У меня отвисла челюсть: глаза наткнулись на огромный плакат с изображением Рейеса. Один его вид дразнил меня, ласкал горящим взглядом, от которого слабели колени, а сама я забывала, как дышать.

— Так и думала, что вам понравится, — заметила Элейн, когда я, не знаю как, поднялась со стула и бездумно пошла вперед.

Я вплыла в рай имени Рейеса, и весь остальной мир отпал за ненадобностью. Комната была просторной, с освещенными витринами и фотографиями в рамках на стенах.

— Я была первой, — заявила она звенящим от гордости голосом. — Отыскала его еще до того, как был вынесен приговор. Все остальные веб-сайты просто пошли по моим следам. Они знают о нем лишь то, что я позволяю им знать.

Или то, что позволяют ей знать охранники в тюрьме. Нил поведал мне, что за несколько лет они уволили четырех человек, которые продавали этой женщине сведения о Рейесе Фэрроу и его фотографии. Если судить по дому, могу поспорить, Элейн подкупила больше четырех. Большинство фотографий в рамках дублировали те, что мы видели на сайте: Рейеса снимали, когда он не смотрел в камеру. Мне стало интересно, сколько же она заплатила охранникам, чтобы те решились рискнуть работой. А зная Рейеса — еще и жизнью.

Была даже парочка зернистых снимков его в душе. Впрочем, их качество не мешало заметить, какой он обалденный. Я не удержалась и встала поближе, чтобы рассмотреть изгиб стальных ягодич, гладкие линии мышц.

— Эти фотографии — одни из моих любимых.

От голоса Элейн я подпрыгнула, но все равно продолжала просчитывать в уме, сойдет ли мне с рук проникновение со взломом, если я вернусь сюда позже, чтобы украсть эти фотки.

В витринах находились различные предметы, которые, вероятно, принадлежали Рейесу. Тюремные формы, расческа, старые часы, несколько книг и пара открыток, которые, видимо, он от кого-то получил. Я присмотрелась. Ни на одной открытке не было обратного адреса. Наклонившись ближе к одной из витрин, я заметила несколько рукописных страниц. Почерк витиеватый и плавный. Зуб даю, писал Рейес.

— У него великолепный почерк, — заметила Элейн с намеком на самодовольство. Похоже, она упивалась тем, что обскакала меня. — Мы до сих пор пытаемся выяснить, кто такой Датч.

Я застыла. Она только что сказала Датч? Придя в себя через несколько долгих секунд, я выпрямилась и устремила на нее свой лучший беззаботный взгляд. Повезло, что Куки стояла в нескольких шагах позади Элейн, и та не видела округлившихся, как блюдца, глаз.

— Датч? — переспросила я.

— Да. — Элейн прошла вперед и указала на страницу. — Сами посмотрите.

Я снова согнулась над витриной и прочла: «Датч». Каждое слово в каждой строчке — Датч. Снова и снова. То, что было похоже на письмо, на самом деле оказалось многократно написанным моим именем. Последняя страница отличалась от остальных. Это был рисунок. Из слов. То есть из одного слова, снова и снова. Датч. Сердце перегоняло само себя, будто я оказалась на финишной прямой.

— Вам известно, как давно это написано? — спросила я, сделав несколько глубоких вдохов.

— Разумеется. Несколько лет назад. Рей перестал писать, как только узнал, что

охранник крадет эти страницы для меня.

В конце витрины была фотография. Наверное, самая потрясающая из всех. Черно-белый снимок Рейеса. Он сидит на койке в камере, рука небрежно лежит на согнутом колене. Голова откинута назад, к стене, глаза закрыты. На лице — полнейшая безнадежность.

У меня сдавило грудь. Я понимала, почему он не хочет возвращаться в тюрьму, но все равно не могла позволить ему умереть. Тем более после того, что сказала Незабудка. И Пари.

Здесь, в музее, мне было не по себе. Я-то думала, Рейес целиком мой, мой маленький секрет, который я буду хранить, пока смерть не разлучит нас, а все это время у него были толпы тоскующих по нему женщин. Не то чтобы я их в чем-то обвиняла, но жало все равно жалит больно.

Куки стояла неподвижно, явно раздумывая, что я буду делать.

— Значит, вы не в курсе, кто такой Датч? — поинтересовалась я, пытаюсь выудить больше информации.

— Один из охранников пытался для меня это выяснить. Я предложила ему внушительную сумму, но к тому времени Рейес узнал обо мне, и охранника уволили. А вы знали, что Рейес очень умен? У него две ученые степени. Он получил их, находясь в тюрьме.

— Правда? Удивительно, — отозвалась я, прикидываясь, что впервые слышу. Если она поймет, что я знаю о Рейесе больше, чем делаю вид, то наверняка превратится в питбуля, чтобы выяснить все, что мне известно. Или предложит кучу денег, от которых я вряд ли смогу отказаться. Особенно теперь, когда Рейес делает все, черт бы его побрал, чтобы довести меня до белого каления. — Наверняка вы не можете дать мне имя вашего нынешнего осведомителя?

— О нет. Это было бы нарушением конфиденциальности. К тому же мне уже вынесли предупреждение — я должна прекратить вторгаться в личную жизнь Рейеса. Иначе рискую подвести своего осведомителя под увольнение, а себя — под арест.

Неужели она совсем не понимает, чем занимаются частные детективы?

— Почему вы спросили, много ли мне известно о Рейесе?

Элейн хихикнула, позабыв о том, что в глубине души я мечтаю о ее смерти.

— Рейес ни с кем не видится. Никогда. Можете мне поверить — все эти годы десятки женщин пытались добиться встречи с ним. Он получает больше писем, чем президент. Но никогда их не читает. — Моя душенька тут же возрадовалась, а Элейн продолжала: — Все это есть на сайте. Я пытаюсь предупредить новичков, приходящих на сайт, что он не станет с ними встречаться и не прочтет их писем. Но каждая поклонница считает, что именно она станет той единственной, кого он полюбит. Полагаю, у них есть право попытаться. Винить их определенно не за что. Но из всех женщин, что пытались с ним встретиться, он виделся только со мной.

Я чувствовала ложь всем нутром. Элейн никогда в жизни не видела Рейеса собственными глазами. И от этого моя душенька тоже была счастлива.

— А как вы узнали о Рейесе? — спросила она. Видимо, подозрения наконец-то закрались к ней в голову.

— Я расследую дело, в котором всплыло его имя.

— Неужели? В связи с чем?

Оторвав взгляд от Рейеса, я повернулась к ней:

— Я не могу говорить о деле, но должна задать вам несколько вопросов.

— Вопросы?

— Да. Например, знаете ли вы, где он сейчас?

Она снисходительно улыбнулась:

— Разумеется. В медицинском учреждении для хронических больных в Санта-Фе.

— Ясно, — отозвалась я. Куки бросила на меня ободряющий взгляд, призывая поставить эту женщину на место. Хотя бы немножко. — Видите ли, на прошлой неделе был вынесен приказ об отключении его от аппарата искусственного жизнеобеспечения.

Теперь застыла Элейн. Мне удалось ее удивить, и несколько секунд она приходила в себя.

— Прошу прощения, но об этом мои источники мне не сообщали, — пролепетала она, часто хлопая искусственными ресницами.

— Тогда вам стоит поискать новые. Он должен был умереть, мисс Оук. А вместо этого очнулся и сделал ноги из больнички.

— Он сбежал? — взвизгнула Элейн.

А это веселее, чем я ожидала. И удивилась она совершенно искренне. Она понятия не имела, где Рейес прячет свое тело. Я разрывалась между желанием радоваться этому факту и неодолимой потребностью впасть в глубочайшее отчаяние. Мы ни на шаг не приблизились к тому, чтобы найти тело Рейеса. Я повернулась, чтобы снова посмотреть на исписанные им страницы, пока Элейн искала стул — ей срочно потребовалось присесть.

Рисунок, сделанный из многократных повторений моего имени, на самом деле был наброском здания. Я подошла ближе и глубоко вздохнула. Как можно тише.

— Это старое здание, — послышался голос Элейн из-за моей спины. — Мы не знаем, где оно, но полагаем, что где-то в Европе.

Повернувшись к Куки, я легким кивком подозвала ее ближе. Она медленно пошла ко мне, сдвинув брови и бросая через плечо настороженные взгляды. Встав рядом, она присмотрелась к рисунку и ахнула.

— Наверняка вы правы, — проговорила я. — Выглядит по-европейски.

Вот только здание это стоит в Нью-Мексико, в Альбукерке. И мы с Куки в нем живем.

Снова взглянув на открытки, я спросила:

— Можно посмотреть, откуда их прислали?

Элейн была занята — обмахивала рукой лицо, но все же заставила себя подняться и подойти к витрине с другой стороны, чтобы открыть ее.

— Думаете, он за мной придет? — спросила она, протягивая мне открытки.

— С чего бы вдруг? — отозвалась я, испытывая минимум интереса к теме.

Обе открытки были из Мексики. На них имелся тюремный адрес Рейеса, но ни обратного адреса, ни сообщения не было. А это куда интереснее, чем внезапно поддавшаяся непонятной панике Элейн.

— Он з-знает, кто я, — промямлила она. — Знает, что я платила за информацию о нем. Вдруг он придет ко мне?

— Можно мне их взять?

— Нет! — Элейн выхватила у меня открытки.

Ну и ладно. Жадина.

— Вот моя визитка, — сказала я, протягивая ей карточку. — Если он к вам придет, позвоните. Мне действительно очень нужно с ним поговорить.

Мы с Куки повернулись к двери.

— Подождите! Вы меня неверно поняли! — Она побежала за нами, стуча каблуками по

испанской плитке. — Вдруг он придет, чтобы убить меня?

Я остановилась и наградила ее подозрительным взглядом.

— У него есть причина хотеть вашей смерти?

— Что? Нет.

Опять ложь. Мне стало интересно, что еще она натворила, кроме того, что годами подкупала людей, чтобы за ним шпионить.

— Тогда не понимаю, в чем проблема. — Я снова повернулась к выходу.

Элейн опередила нас и преградила путь.

— Дело в том, что... я... все...

— Мисс Оук, мне нужно работать над делом.

— Вот, — сказала она, всучив мне открытки. — Берите. Все равно я их отсканировала на компьютер. Взамен позвоните мне, когда найдете Рейеса.

Я глянула на Куки, всем своим видом выражая неохоту.

— Ну не знаю. Это будет сродни вашему нарушению конфиденциальности.

— Не будет, если моя жизнь в опасности! — пропищала Элейн. — Я вас нанимаю.

Мои выводы оказались поспешными. Все это определенно очень интересно.

— Во-первых, у меня уже есть дело. И вряд ли я могу взять еще одного клиента, связанного с ним. А во-вторых, с чего вдруг ваша жизнь в опасности? Вы боитесь Рейеса Ферроу?

— Нет, — нервно усмехнулась Элейн. — Просто мы вроде как женаты.

Куки выронила сумочку и попыталась поймать ее в полете, столкнув в процессе вазу. Потянувшись за ней, она поскользнулась на плитке и перевернула весь стол. Прекрасный экземпляр ручной работы полетел прямо на меня, а я в этот момент могла думать только о том, что нам позарез нужно заняться динамической гимнастикой, чтобы научиться контролировать мышцы.

— Женаты? — переспросила я сразу после того, как стол упал на пол. С виноватым видом Куки подняла его и поправила стеклянную полусферу, служившую столешницей. — Вам придется быть со мной абсолютно откровенной, мисс Оук. Потому что мне известно, что Рейес не женат.

Несколько долгих секунд Элейн пялилась на Куки, а потом ответила:

— Это был глупый спор. — Она повернулась ко мне. — Можно сказать, я заставила некоторых людей поверить, что мы были женаты. Одна из администраторов другого сайта утверждала, что они с Рейесом переписываются, а я знала, что это ложь. Потом другая заявила, что они встречались. Встречались! Вот я и повысила ставки, так сказать. Все они думают, что мы с Рейесом были женаты полгода.

Драматически закатив глаза, я снова посмотрела на Элейн.

— Почему они вообще вам поверили?

— Потому что... потому что я... я подделала свидетельство о браке. Все есть на сайте. То есть все, кроме информации о том, что свидетельство сфабриковано.

Теперь, когда у меня был рычаг воздействия (то есть ее желание жить), я повернулась к витринам.

— И что вы предлагаете в обмен на мои услуги?

— Джон Хостетлер, — сказала я в телефон. Мы с Куки возвращались в центр Санта-Фе, чтобы перекусить.

В трубке раздался голос Нила Госсета:

— Он один из моих охранников.

— И по совместительству осведомитель Элейн Оук.

— Без шуток?

— Без шуток. — Само собой, ему понадобятся доказательства, но это уже не моя проблема. — А еще я забыла упомянуть кое-что странное.

— Кроме себя самой?

— Да ты юморист. Недавно я наткнулась на Оуэна Вона. Он нынче патрульный. Чем, черт возьми, я ему насолила?

Нил вздохнул:

— Ты имеешь в виду тот раз, когда он пытался переехать тебя на отцовском джипе?

— Ага.

— Всегда хотел спросить тебя о том же. Нам он ни словом не обмолвился. Просто взял и как будто свихнулся.

— И стал похож на тебя?

— Да ты юмористка.

Мы с Куки поели в кафе «Ковбойша» и уехали из Санта-Фе. Ели мы молча, изучая записи и фотографии, которые дала нам Элейн. Особенно зернистые. Мы молчали, потому что обе были ошеломлены. Домой тоже ехали в тишине.

— Я просмотрю документы по делу Ханы, — сказала Куки, когда мы приехали домой.

— Ладно, а я сбегая в офис, проверю сообщения и, ну не знаю, займусь чем-то продуктивным.

— Ладно.

Мы обе были в другом мире. Обе переживали за Мими и Рейеса.

Идя по парковке к папиному бару, я поняла, что впадаю в депрессию. Кому нужен ПМС, когда есть РАФ? Работа могла помочь с настроением, но ненадолго. И у меня не получалось игнорировать то, что я целый день не видела Рейеса. Ни разу. А из той малости, что мне удалось увидеть, я с уверенностью могла сказать, что его раны были смертельными. Даже для сверхъестественного существа.

А вдруг он умер ночью, когда я спала в теплой и уютной постельке? Сон был не ахти, конечно, но меня все-таки не пытали. А что, если он умер, пока я попивала кофе в теплой компании трех мушкетеров, которые осчастливили меня визитом сегодня утром? Или когда пила чай с пончиками у Маньячки? Кто может сказать, сколько еще Рейес в состоянии вытерпеть? Он исцеляется быстрее любого человека, но я все равно не могу себе представить, что с такими ранами он проживет хотя бы несколько часов, не то что несколько дней.

Я прошла через бар. Папы видно не было. Сначала мне захотелось его поискать, но в мою сторону свернули два парня, и я поспешила к лестнице, пока они не воспользовались несуществующим шансом попытаться меня подцепить. Проверив сообщения и электронную почту, я вбила в поисковую строку слова, от которых не спала ночами, видела обалденные

сны и ударялась в противозаконные фантазии. Щелкнула по кнопке «Поиск» и приблизительно через три секунды получила список веб-страниц, в каждой из которых упоминалось имя Рейеса Фэрроу.

Мне нужно было узнать, как много известно этим фанаткам. В курсе ли они, на что он способен? Знают ли что-нибудь о его прошлом? Известно ли им, как он представляет себе идеальное свидание?

Несколько часов прошло как в тумане.

В конце концов я пришла к двум выводам. Во-первых, никто из них понятия не имеет, кто такой Рейес на самом деле. А во-вторых, на свете намного больше одиноких женщин, чем кажется. Сначала я ревновала, потом мне было смешно, а под конец начала им сочувствовать. Понять их можно. Рейес притягателен, как магнит, а его взгляд натурально гипнотизирует. Он прирожденный сердцеед. Неудивительно, что целые толпы женщин его хотят и писают по нему кипятком, несмотря на криминальную биографию.

Нашелся и лакомый кусочек информации, от которого я дар речи потеряла. Хорошо, что мистер Вонг не любитель поболтать. То есть совсем не разговаривает. Потому что я обалдела настолько, что мне точно было не до разговоров. На сайте Элейн Оук имелся раздел под названием «Неподтвержденные слухи». Там я и наткнулась на абзац, который многое объяснял:

«Ходят слухи (а все мы здесь, на сайте "Рейес Фэрроу: без купюр", бывалые скептики), что у нашего любимого Рея есть младшая сестра. Тщательное изучение документов штата и округа доказывает обратное, но все мы знаем, какой скрытный наш Рейес. Как всегда, когда дело касается его, возможно все».

Текст сильно смахивал на статьи обозревателя светской хроники. Теперь понятно, откуда федеральным маршалам стало известно о Ким, сестре Рейеса. Но как, черт ее дери, об этом узнала Элейн?

Честно говоря, я была немало удивлена, что ни одна из историй, которые рассказал мне Нил, не просочилась на эти сайты. Держу пари, Элейн заплатила бы за такие сведения целое состояние. Наверное, Нил старался держать все в секрете, дергая за все возможные ниточки. Надо будет его порасспрашивать.

Время пролетело незаметно, и часы пробили три. Образно говоря. Так поздно я не засиживалась с тех пор, как по одному из любимых каналов несколько недель назад крутили ночной марафон «Сумеречной зоны». От мысли о том, сколько чашек кофе за последние пару часов мне понадобилось, чтобы утопить свои печали, меня передернуло. Этим, видимо, и объяснялось то, что меня неконтролируемо трясет.

Надеясь, что сон не сбежит от меня окончательно и бесповоротно, и отложив ненадолго прыжок в теплую постель, я решила узнать, не задержался ли папа. Обычно он уезжает домой между полуночью и двумя часами, но хуже не будет, если проверить. К тому же я могу совершить набег на кухню. Быстрый перекус поможет мне уснуть.

Может быть, дело в пятой чашке кофе, или даже в шестой, но, пока я спускалась вниз, у меня было сильное ощущение, что в «Вороне» что-то не так. В зале было темно, как и должно было быть, но из-под двери в папин кабинет сочился свет. У меня свело живот, пока я лавировала между столиками и табуретами. Лучше бы дома супчик нагрела.

Я открыла дверь. Свет горел, но папы в кабинете не было. Как бы банально это ни звучало, меня прошиб холодный пот. С густой примесью адреналина. Потому что прямо сейчас я ощущала поток страха из кухни. Еще растерянность и шок, но страх затмевал все

остальное. Отшатнувшись от кабинета, я нырнула за барную стойку, схватила нож и направилась к двери, ведущей в кухню. Чем ближе я подходила, тем больше рос страх. Его окружали тепло и аромат лимонно-медового сиропа от кашля. Поэтому я знала, что страх исходит от папы. И он делал это нарочно. Будто пытаюсь предупредить меня. Однако он не знает, что я умею чувствовать эмоции других людей. Ведь не знает же?

Выбора не было: как можно тише я прошла через двери в абсолютную черноту кухни и шагнула в угол, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Понятия не имею, почему не ношу с собой прибор ночного видения.

Не успела я собраться, как вдруг включился свет, и я оказалась такой же слепой, как и несколько секунд назад. Чтобы уберечь себя от болезненно белой вспышки света, я подняла ладонь и прищурилась. И в ту же секунду увидела мясистую руку с ножом намного длиннее того, что был у меня. Лезвие так быстро приближалось ко мне, что я успела подумать только об одном: если мои подсчеты верны, то, учитывая вес обладателя руки, в которой блеснул нож, мне будет больно.

Да ладно вам, а если жизнь подарит мне яйца?

Наклейка на бампер

Пока я готовилась умереть от острого лезвия ножа, по венам пронесся вихрь адреналина, и мир вокруг словно замедлился. Я посмотрела на нож, который не спеша приближался ко мне. Посмотрела на мясистое, искаженное от ярости лицо мужчины. О да, никаких сомнений: он намеревался меня убить. Я даже почти обиделась — я ведь впервые его вижу. Потом мой взгляд скользнул в сторону, и я увидела отца. Он сидел на полу. Связанный, с кляпом во рту. Хлынула еще одна доза адреналина — у него на голове была свежая кровь, а глаза стали огромными от страха. Но боялся он не за себя. За меня.

Нож по-прежнему приближался. Я перевела на него взгляд, когда острие царапнуло меня по коже прямо над сердцем. А потом метнулась в сторону, не успев даже подумать. Время пришло в себя, мир завертелся перед глазами с привычной скоростью. Потеряв цель, мужик не сумел вовремя остановиться и вписался в стену у меня за спиной. Когда он пронесся мимо, я вцепилась в свой нож и нанесла резкий удар снизу вверх. Вес моей жертвы сыграл мне на руку — я распорола ему горло. Он споткнулся о какие-то коробки, и со стеной сначала встретилась его голова. Дезориентированный, мужик выронил нож. Я пнула нож под разделочные столы из нержавеющей стали и рванула к папе, краем глаза продолжая следить за моим несостоявшимся убийцей. Он обеими руками держался за шею, между пальцами пузырилась кровь, а из горла доносились булькающие звуки.

Само собой, мне было нехорошо, но он первый начал.

Тогда я и услышала звуки сирен. Наверное, папа успел нажать на кнопку тревоги еще до того, как его связали. Я попыталась вытащить кляп, но скотча было слишком много. Мужик с перерезанным горлом явно его фанат. Внезапно я почувствовала себя так, словно падаю с невероятной высоты. Мир почернел, я потеряла равновесие и привалилась к шкафчику, стоявшему сбоку от меня. Наполнив легкие до отказа воздухом, я выпрямилась и принялась искать конец липучки, такой же неуловимый, как конец радуги. Да и от трясущихся пальцев толку было мало.

Послышался шум — через черный ход ворвались два полицейских.

— Мы здесь! — крикнула я, не сводя глаз с нападавшего.

Он вертелся, как выброшенная на берег рыба, и пытался просочиться между коробками, все еще придавливая руками рану.

Копы осторожно вошли в кухню. Один из них бросился мне на помощь. Второй вызывал подмогу и «скорую».

— Этот человек пытался меня убить, — потрясенно сказала я офицеру. Я его не знала. Молодой. Новобранец, видимо.

Разматывая скотч, накрученный вокруг папиной головы, коп глянул через плечо, потом снова на меня.

— Мне кажется, вы победили, — сказал он и подмигнул.

На пару секунд меня раздуло от гордости.

— О да, я победила. — Я снова повернулась к Рыбомену. — Представляете, шел на меня с большущим таким ножом.

Второй коп успел надеть на мужика наручники и попытался прижать рану кухонным полотенцем. Надеюсь, Рыбомен не умрет от потери крови. Еще ни разу в жизни я лично не оказывалась непосредственной причиной смерти кого бы то ни было.

Новобранец наконец-то размотал скотч.

— Мне так жаль, солнышко, — прохрипел папа.

Я обняла его, стараясь не мешать копу продолжать избавляться от скотча, который в изобилии покрывал каждый сантиметр папиного тела. Нас с папой обоих трясло, и у обоих в глазах стояли слезы.

— Тебе больно? — спросила я у него, и в ту же секунду в помещение ворвался дядя Боб в сопровождении бригады «скорой помощи».

— Лиланд, — обратился к папе Диби, наградив Рыбомена долгим холодным взглядом, — мы не получали сигнала тревоги.

— Какого еще сигнала? — подозрительно спросила я.

Папа уставился в пол, и объяснять пришлось дяде Бобу:

— Карузо уже несколько недель угрожал твоему отцу, а это жесткое нарушение его условно-досрочного освобождения. Мы выделили людей для слежки за ним и разработали сигнал на случай, если он объявится.

— Он как бы застал меня врасплох, — с сарказмом заметил папа.

— И меня, — подтвердила я его слова. — Он на все сто застал меня врасплох.

— Я знал, что ты с этим справишься, — проговорил папа, когда новобранец разрезал скотч, связывавший его руки. Папино лицо теперь выражало благоговейный страх. — Как тебе это удалось?

Я смущенно оглянулась на Диби.

— Что удалось?

— Ну, ты так двигалась, — еле слышно ответил папа, — как будто... словно ты не человек.

— Так-так, дадим-ка ему чего-нибудь выпить, лады? — обратился дядя Боб к новобранцу.

— Разумеется, сэр, — ответил тот, но, прежде чем уйти, бросил на меня хмурый взгляд.

Великолепно. Половина сотрудников полиции давно считает, что я псих. Наверное, пришло время вербовать на их сторону и вторую половину.

— Лиланд, — пожурил Диби папу, помогая тому сесть на стул, — нельзя нести такую хрень на глазах у других людей.

— Ты же не видел! — возразил папа, и внезапно я снова почувствовала себя гадким утенком. А мне казалось, что с этой личиной я распростилась давным-давно. Очевидно, нет. — Она двигалась, как... как...

— Как прекрасно натренированный частный детектив? — закончил за него дядя Боб.

Папа моргнул, попытался сосредоточиться на чем-то еще, но его взгляд, в котором читались миллионы вопросов, снова и снова возвращался ко мне.

Некоторые из медиков уже выносили Рыбомена — наверное, крови в нем осталось негусто, а другие окружили нас папой. Когда один из них принялся щупать меня вокруг Угрозы и Уилл Робинсон, я сообразила, что обзавелась длинным и глубоким порезом, когда

метнулась в сторону от ножа. В следующий раз сначала выбью нож, а потом уже метнусь в сторону.

— Придется наложить швы, — заявил медик.

К счастью, к тому времени через полицейский барьер пробралась Куки и отвезла меня в больницу. Что имел в виду папа, когда сказал, будто знал, что я с этим справлюсь? Испуганное выражение его лица убеждало в обратном. Но он так говорил, словно просчитал все задолго до самого нападения. И потом он так на меня смотрел... Раньше он никогда-никогда на меня так не смотрел. А в этот раз его взгляд бы очень похож на взгляд, которым при каждой встрече награждает меня мачеха.

Впрочем, не только это не давало мне покоя. Впервые за всю мою жизнь не появился Рейес, чтобы меня спасти. А это значит, что он очень на меня зол. Или умер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

После долгого ожидания я сидела в палате приемного покоя, намазанная суперклеем, который лечащий врач назвал «SurgiSeal»^[13]. Порез уже начал заживать, что очень озадачило одного доктора и нескольких медсестер. Зато никаких швов. Только суперклей.

— Я пахну суперклеем, — пожаловалась я Куки, которая все это время ни на шаг от меня не отходила. На заполнение чертовых бумажек уходит куда больше тех двух минут, что им понадобились, чтобы склеить меня.

— Поверить не могу, — отозвалась она, имея в виду папу, который ни словом не обмолвился о том, что ему угрожал условно освобожденный зек. — Он обязан был предупредить тебя, а не держать в неведении. В конце концов, какой-то псих угрожал убить его и всю его семью!

В палату вошел дядя Боб.

— Как ты?

— Даже не начинайте, — разочарованно процедила Куки. — Вашей вины в этом ровно столько же, сколько и его, — добавила она, указав на папу, который спал с перевязанной головой в другом конце палаты. Его оставят тут на ночь для наблюдения. Наверное, хорошая идея, потому что Куки определенно на взводе.

В палате нарисовалась моя мачеха как раз в тот момент, когда Куки пошла на дядю Боба. Ей-богу, у этого человека ни единого шанса.

— Вы, как никто другой, должны были ее предупредить. — Куки ткнула пальцем ему в грудь для пущего эффекта.

Так-так, сейчас Дибби взорвется. На всякий случай я поискала глазами тюбик суперклея. Но вместо ожидаемой реакции он пристыженно повесил голову:

— Но мы даже не думали...

— Вот именно, — перебила Куки и сорвалась с места на поиски кофе.

— Народ, а потише нельзя? — подал голос чувак с соседней койки. — Меня подстрелили в башку из девятимиллиметрового, и болит она зверски.

Еще бы. Конечно, мне никогда не загоняли пулю в голову, но не сомневаюсь, что это больно. Я глянула на дядю Боба.

— Поэтому ты посадил мне на хвост Гаррета?

Он скорчил гримасу:

— Это была первая причина.

— А еще на случай, если вдруг покажется Рейес Ферроу.

— Это вторая, да.

Я поднялась, испытывая в эту секунду отвращение ко всем мужчинам на свете.

— Значит, Своупсу ты смог сказать, а мне нет?

— Чарли, мы понятия не имели, серьезен этот гад или просто плюется ядом. Он обвинил твоего отца в смерти своей дочери. Она погибла, когда Карузо разбил свою тачку во время полицейской погони. Твой отец участвовал в преследовании. Выйдя из тюрьмы, Карузо стал названивать ему с угрозами вырезать всю его семью. Поэтому мы и установили за тобой слежку. Твой отец просто не хотел лишний раз тебя беспокоить.

Эту свою речь он мог с таким же успехом закончить фразой «Твой отец просто не хотел забивать лишними проблемами твою миленькую головку». Ничего более шовинистского из уст Дибби я в жизни не слышала.

Стоя с ним лицом к лицу, я испытывала бешеную ярость от того, что все мужчины, с которыми я была даже отдаленно знакома, в последние две недели постоянно мне врут. Я встала на цыпочки и прошептала:

— Да пошли вы все к черту.

Наплевав на оставшиеся еще не заполненные бумажки, я ушла искать Куки, которая сегодня была по совместительству моим транспортом до дома. Я как раз проходила мимо лифтов, когда двери одного из них открылись, явив моему взору мою же сестру. Тяжело вздохнув, она вышла из лифта и как бы между прочим поинтересовалась:

— Жить будешь, значит?

— Как всегда.

— Как папа?

— Врач сказал, что поправится. У него сотрясение и пара ушибов на ребрах, но никаких переломов. Скоро выпишут.

— Замечательно. Тогда вернусь завтра утром.

Отвернувшись, она пошла по коридору на несколько шагов впереди меня, как будто не хотела, чтобы ее заметили в моей компании. А раз так, дам ей серьезный повод.

Схватившись за грудь, я шмякнулась о стену и принялась часто и неглубоко дышать. Прикидываться, что у тебя гипервентиляция, когда ею на самом деле и не пахнет, не так просто, как может показаться.

Обернувшись и наградив меня сердитым взглядом, Джемма процедила сквозь стиснутые зубы:

— Ты что творишь?

— Все так и стоит перед глазами, — простонала я, в агонии положив руку на лоб. — Когда мне должны были удалить гланды, я пыталась сбежать. Но жидкость, сочившаяся из моей капельницы, привела преследователей прямиком ко мне, и меня вернули обратно.

Беспокоясь, что кто-нибудь обратит внимание на мой спектакль, Джемма осмотрелась по сторонам и снова уставилась на меня.

— Тебе никогда не удаляли гланды. И ты никогда не оставалась в больнице на ночь.

— А-а, — смутилась я. Неловко получилось. — Минуточку! Еще как оставалась. Когда умерла тетя Селена, я всю ночь сидела с ней и держала ее за руку.

Джемма закатила глаза:

— Тетя Селена — миссионер в Гватемале.

— Серьезно?! Тогда что это была за старушка?

Громко вздохнув, она снова направилась к выходу, бросив через плечо:

— Наверное, твоя настоящая мать. Потому что мы никак не можем быть родственницами.

Я улыбнулась и поравнялась с ней.

— Ты просто стараешься меня подбодрить.

Не стоит тратить деньги на проблемы.

Они достаются бесплатно и знают, где ты живешь.

Надпись на футболке

Дрыхла я аж до девяти утра, и это понятно, учитывая, что в постель я попала в шестом часу. Сознание все еще плавало в пушистых облаках, поэтому я сразу потопала к мистеру Кофе.

— С добрым утречком, мистер Вонг. — Голос мой звучал грубовато, как и положено голосу человека с хроническим недосыпанием.

Потянувшись к мистеру Кофе, я заметила лежавшую на нем сложенную в несколько раз записку. Какой он все-таки романтик! Я развернула первый сгиб.

«Как называется частный детектив, который никогда не сдается?»

Хм. На ум пришло сразу несколько вариантов. Агрессивный. Надежный. Несгибаемый. Однако что-то мне подсказывало, что правильного ответа в моем списке нет. Я развернула записку до конца.

«Труп».

Черт. Надо было остановиться на односложных эпитетах. Преступникам длинные слова не по душе.

Какой бы поучительной ни была записка, мне нужно было переделать кучу дел — надо разрушить столько жизней, а времени так мало! — и купить новые замки. Я включила кофеварку, что давало мне около трех минут свободного времени, и решила потратить их на то, чтобы пописать. Но, как только я прошла мимо входной двери, кто-то постучал. Я остановилась, огляделась по сторонам, подождала несколько секунд. От очередного стука по моей квартирке пронеслось эхо.

На цыпочках я подошла к двери, мысленно обещая себе взбеситься, если тот, кто за порогом, уже пришел меня убить, и посмотрела в глазок. Две женщины, в руках у каждой — по Библии. Я вас умоляю! Хуже маскировки не придумаешь. Зуб даю, они профессиональные наемницы, посланные сюда, чтобы всадить мне в голову пару пуль еще до полудня.

Однако был только один способ убедиться. Вставив конец дверной цепочки в положенное отверстие, я приоткрыла дверь. Та, что постарше, перешла сразу к делу:

— Доброе утро, мэ. А вы заметили, как не здоров нынче мир наш?

— Эм-м...

— Что болезни и недуги заполонили каждый уголок зеленых пастбищ Господних?

— Ну, как бы...

— Мы пришли, чтобы заверить вас: так будет не всегда. — Открыв Библию, она принялась водить пальцем по строчкам.

Вот он — мой шанс заговорить!

— Значит, вы тут не за тем, чтобы меня убить?

Женщина оторвалась от страницы, нахмурила тонкие брови, переглянулась со своей спутницей и проговорила:

— Простите, я вас не понимаю.

— Ну... убить меня. Замочить. Приставить пистолет к виску и...

— Мне кажется, вы нас с кем-то пере...

— Минуточку! Никуда не уходите! — Я закрыла дверь, чтобы снять цепочку, а когда снова открыла, гости настороженно отступили на шаг. — Так вы не убийцы?

Обе покачали головами.

— Вы свидетели Иеговы?

Обе кивнули.

Это могло быть мне на руку. Возможно, им известно то, что неизвестно мне.

— Чудненько. Позвольте поинтересоваться, — сказала я, пока та, что помладше, прячась за спиной у старшей, разглядывала мой наряд из футболки с цитатой группы «Blue Oyster Cult»^[14], которая советовала не бояться ангела смерти^[15], и боксеров в клеточку, — как свидетели Иеговы, что конкретно вы видели?

— Ну-у, если вы посмотрите вот сюда... — Старшая опять принялась листать свою Библию. — Быть свидетелем — значит взять на себя долг отгородиться от грешников, очистить общество от злых людей и...

— Ясно-ясно, все это потрясающе, — перебила я, махнув для убедительности у нее перед носом. — Но мне надо знать, можете ли вы действительно видеть, то бишь быть свидетелями, — пояснила я, изобразив в воздухе кавычки, — демонов?

Мои гости переглянулись, но на этот раз, почувствовав наконец уверенность и распрямив плечи, заговорила младшая:

— Демоны суть падшие ангелы, примкнувшие к Сатане, который правит миром в наши темные дни. Долг наш — оставаться целомудренными, не терять веры своей и...

— Вы видели хоть одного из них? — опять перебила я. Да уж, меня точно никогда не пригласят посетить службу.

— Видели? — озадаченно переспросила старшая.

— Ну да, лично, собственными глазами.

Опять они синхронно покачали головами.

— В физическом смысле — нет, но если вы посмотрите на этот абзац...

Господи, да она просто обожает свою Библию. Я-то Библию читала и вполне способна понять, что за послания в ней содержатся, но сейчас у меня на это времени не было. Мои три минуты наверняка истекли.

— Без обид, но — при всем уважении — толку от вас маловато.

Я закрыла дверь, успев немного расстроиться из-за замешательства, отразившегося на их лицах. А ведь я лишь надеялась, что, возможно, они наткнулись на одного-двух демонов во время своих нескончаемых рейдов по городу. Если я с этим один на один, если Рейеса действительно больше нет, то мне нужно знать, как вычислить демонов. Но, разумеется, Рейес никуда не делся. Просто не мог, и точка.

Выходя из дома, я думала о том, что не зря среди людей бытует выражение «отрицание очевидного».

Час ушел на то, чтобы приволочь мой бескостный организм в офис, и вот я стою и люблюсь нарядом Куки. Фиолетовый свитер и красный шарф. Как тут не распереживаться? Но я старалась сохранять спокойствие.

Она оторвалась от компьютера:

— Я связалась с сестрой Джанель Йорк. Она ехала домой, но любезно ответила на несколько моих вопросов.

Круто.

— И? — спросила я вслух, наливая себе кофе. Исключительно потому, что три чашки — это же капля в море.

— Она сказала, что после переезда Мими в Альбукерке Джанель всерьез увлеклась наркотиками. Родители думали, что это все из-за разлуки подруг, но, когда я спросила о Хане Инсинья, сестра Джанель ответила, что пыталась поговорить с ней об исчезновении Ханы. Джанель, Мими и Хана учились в одном классе. Однако при одном только упоминании Джанель пришла в ярость и потребовала больше не произносить при ней имени Ханы.

— Да уж, странная реакция на невинный вопрос.

— И я так подумала. Помнишь Гарри? Кузен Уоррена, который постоянно просит денег?

— Ага.

— Тупик. Он уже больше месяца в Вегасе. Работает в казино, где в карты играют.

— А бывают казино, где в карты не играют?

— Еще я говорила с женой убитого продавца машин, — продолжала Куки, полностью меня игнорируя.

— Уработалась, наверное.

— Она говорит то же самое, что и Уоррен. Муж стал отдаляться, постоянно ходил подавленный, вечно о чем-то беспокоился и рассказывал странные вещи. — Мои брови вопросительно поползли вверх, и она объяснила: — Говорил, что иногда наши грехи слишком велики, и их нельзя простить.

— Какого черта они там натворили? — подумала я. Естественно, вслух.

Куки покачала головой:

— Ах да, и еще она думает о том же, о чем и Уоррен. Что у ее мужа была интрижка. Она сказала, что из их сбережений не раз пропадали крупные суммы денег. Я заверила ее, что никакой интрижки у ее мужа не было.

Я бросила на нее скептический взгляд.

— Если у него не было интрижки с Мими, это еще не значит, что у него не было интрижки с кем-нибудь еще.

— Знаю, но по этой женщине словно каток проехал. Не хотелось усугублять ее страдания. И я уверена, у него не было никакой интрижки. Кстати, о попавших под каток. Ты как? — спросила Куки, хмурясь от беспокойства.

— Это я-то попала под каток? — переспросила я, притворяясь обиженной. — Я в полном порядке. Солнце светит, суперклей держит. О чем еще просить девушке?

— О мировом господстве?

— Неплохо бы, но... Ты с Эмбер сегодня говорила?

Куки тяжело вздохнула:

— Похоже, в эти выходные отец ведет ее в поход.

— Классно. В походах весело, — прокомментировала я как можно беззаботнее. Я понимала, что именно в этих новостях расстраивает Куки, но решила не заострять на этом внимание. Когда Эмбер уезжает к отцу, Куки впадает в нечто вроде депрессии. Приходит пятница — все снова как прежде. Но на этот раз счастливой версии Куки придется ждать до конца выходных. И я ей очень сочувствовала.

— Наверное, — уклончиво отозвалась она. — Ты выглядишь уставшей.

Я взяла пару папок с ее стола.

— Ты тоже.

— Есть немного, но ведь это тебя вчера чуть не убили.

— В этой конкретной ситуации слова «чуть не убили» весьма уместны. Я планирую кое-что проверить, а потом, наверное, поеду в Таос поговорить с родителями Кайла Кирша. Можешь позвонить им и убедиться, что они будут дома к моему приезду?

— Конечно. — Куки опустила взгляд и принялась просматривать какие-то бумаги. — Он выжил, кстати, — сказала она, когда я уже шла в свой кабинет. — Тот, кто на тебя напал. Понадобилось два с лишним литра крови.

Я остановилась на полпути, задавила лезущие наружу чувства и пошла дальше.

— И я еду с тобой в Таос.

Так и знала, что она захочет поехать. Перед тем, как закрыть дверь своего офиса, я высунулась в приемную и спросила:

— Ты случайно не оставляла мне записку? На мистере Кофе?

Куки вскинула брови:

— Нет. А что за записка?

— Да так. Ничего.

Не думаю, что Куки стала бы угрожать моей жизни, но я еще не выяснила, черная вдова она или нет. Все-таки у нее в багажнике мертвец, а в наши дни осторожность никому не помешает.

Я уселась за стол. Мысли в голове бродили мрачнее тучи — еще чуть-чуть, и дождь пойдет. Он выжил. Полагаю, это хорошо, однако он навсегда останется угрозой. Я почти хотела, чтобы Рейес оказался там и убил его. Ну или хотя бы покалечил, чтобы он больше никому не смог причинить вреда. В таких ситуациях и всплывает извечный, хотя и бесполезный вопрос: почему такие чудовища ходят по земле, когда хорошие люди умирают каждый день?

Из задумчивости меня вывели тихий стук в дверь и голова Куки, проснувшаяся в кабинет.

— Тут с тобой кое-кто желает поговорить, — сказала Куки не самым довольным тоном.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина. Это...

— Похож на свидетеля Иеговы?

— М-мм, нет, — удивленно моргнула она. — А у нас теперь проблемы со свидетелями Иеговы?

— Нет, никаких проблем. Я сегодня захлопнула дверь перед носом парочки из них. Вот и подумала, вдруг они послали ко мне своих собратьев.

Куки покачала головой:

— Это твой дядя Боб.

— Еще хуже. Передай ему, что меня нет.

— И с кем, по-твоему, он подумает, я тут разговариваю?

— Кроме того, — дядя Боб протиснулся мимо Куки и наградил меня осуждающим взглядом, — я слышу твой голос. Как не стыдно заставлять Куки мне врать! Что у тебя со свидетелями Иеговы?

— Ничего, они первые начали.

Он сел напротив меня.

— Мне нужно твое заявление по поводу вчерашнего.

— Легко. Я уже напечатала.

— Надо же, — просиял Диби и взял протянутый мной лист бумаги. Пока он читал, его лицо постепенно вытягивалось. — «Я услышала шум. Плохой парень набросился на меня с ножом. Я увернулась и распорола ему горло. Конец». — Он тяжело вздохнул. — Неплохо, но придется доработать.

— Но я ведь всего лишь девушка. — В моем голосе так и звучала горечь. — Я же не раскрывала и не раскрываю десятки дел для тебя и папы. Мне нельзя забивать свою милую головку такими противными вещами, как подробности. Так ведь? Боженька запрещает мне много знать.

Несколько секунд Диби поиграл желваками, наверное, пытаясь просчитать свои шансы выйти из моего офиса целым и невредимым.

— Может быть, займемся этим попозже? — предложил он наконец, засунув мое заявление в папку.

— Может быть?

Дядя Боб встал, и в этот момент загудел интерком.

— Да? — ответила я Куки.

— У тебя еще один посетитель. Гаррет. Но я не знаю, состоит ли он в свидетелях Иеговы.

Ага, еще один предатель. Великолепно.

— Чего бы то ни стоило, шли его ко мне.

Когда Гаррет прошел мимо дяди Боба, Диби, видимо, успел его как-то предупредить. Брови Своупса взлетели от любопытства, он прошел по моему кабинету, чтобы сделать себе кофе, а потом уселся напротив меня. Я сидела молча и постукивала ногтями по столу в ожидании шанса разорвать его в клочья.

Гаррет сделал большой глоток, а потом поинтересовался:

— И чем же я провинился?

— Ты знал о зеке, который угрожал моему отцу?

Он замер, потом поерзал в кресле. Его замешательство было так чертовски очевидно, что даже не смешно.

— Они тебе сказали?

— Нет, Своупс, не сказали. А зачем? Лучше же подождать, когда этот мужик выбьет душу из моего отца и подготовит его к длительному космическому полету путем создания прямо на нем скафандра из скотча, а потом попытается убить меня большим мясницким тесаком.

Своупс взвился с места, пролил на себя кофе и выругался. Похоже, никто ему не

позвонил.

— Что?! — рывкнул он, отряхивая джинсы. — Когда? Что произошло?

— Если поможет, я могу и тебе распечатать свое заявление.

Гаррет уселся на место, сверля меня настороженным взглядом.

— Конечно, давай.

Довольная, что потраченные мной усилия не пропадают зря, я распечатала заявление и вручила Своупсу. Четыре моих предложения он читал так долго, что я уже забеспокоилась, не дислексик ^[16] ли он. Наконец он снова посмотрел на меня.

— Ничего себе, мне так много сразу и не переварить.

— Я тоже с трудом справилась, — отозвалась я, всеми порами источая сарказм.

— Ты распорола ему горло?

Я подалась к нему через стол и проговорила самым угрожающим, на какой только способна, тоном:

— Так я злость срываю.

Несколько секунд желваки Гаррета подавали признаки жизни.

— Может быть, мне прийти попозже?

— Может быть?

Уже направляясь к двери, он вдруг остановился и повернулся ко мне.

— Нам надо поговорить с предыдущей владелицей «тауруса» Куки. Она будет дома после обеда. Ты поедешь?

Я с трудом расцепила зубы, чтобы ответить:

— Поеду.

— Всю информацию я передам Куки, а сейчас мне нужно позвонить.

Целую минуту я потратила на то, чтобы взять себя в руки, а потом осознала, что перед самым уходом Гаррета ощутила его злость. Это был тот взрывоопасный вид злости, на который ни за какие коврижки не захотел бы нарваться мудрый человек. Надо будет спросить потом, кто наступил Своупсу на мозоль.

— Мистер Кирш ждет нас сегодня днем, — крикнула Куки, раз уж дверь между нашими кабинетами была открыта. — Его жены нет в городе, но он сказал, что будет рад поговорить с нами о деле Ханы Инсинья.

Я подошла к двери.

— Туда почти три часа езды. Наверное, надо бы выдвигаться.

— Он просил захватить материалы по делу.

— Не вопрос.

Мы собрались и пошли на выход. Нам предстояло путешествие в самое красивое место на Земле — город Таос, штат Нью-Мексико.

— Я дала Гаррету адрес электронки мадам Мариголд и в двух словах рассказала, что к чему, — сообщила Куки, когда мы уже залезли в Развалюху. — Он ей напишет и попробует вытащить из нее, зачем ей понадобился ангел смерти. А я всю дорогу могу рассказывать грязные анекдоты, чтобы поднять тебе настроение.

Я повернула ключ в замке зажигания.

— Со мной все в порядке. Просто раздражена.

— Имеешь полное право. Я тоже раздражена, а на меня никто не нападал. И не резал здоровенным ножом. Стиви Рей Вон ^[17]?

Мы обе уставились на мою магнитолу, и на наших лицах медленно расплзлись

довольные улыбки.

— Хорошая будет поездка, — решила я, включая запись.

Любая поездка, которая начинается со Стиви Рея, обречена на успех.

Любой другой частный детектив просто позвонил бы бывшему шерифу округа Мора, но я могу больше сказать о человеке, если вижу его собственными глазами. К концу дня мы будем точно знать, что об этом деле известно мистеру Киршу. Если он в курсе, что его сын замешан в чем-то незаконном, я об этом узнаю. Пускай не во всех нюансах, но, если мистер Кирш участвует в укрывании любого рода, у меня определенно появится парочка чудесных идей.

Всю дорогу Куки собирала информацию и наяривала по телефону.

— И вы проработали на мистера Запату семь лет? — спросила она в трубку. Мистер Запата — наш мертвый продавец машин, и она разговаривала с кем-то из его бывших сотрудников. — Угу, понятно, большое спасибо. — Она закрыла телефон и устало взглянула на меня. — Надеюсь, когда я умру, люди обо мне тоже будут помнить только хорошее.

— Очередной последователь святого Томми Запаты?

— Ага, старая сказка на новый лад.

— Что бы они там ни натворили в школе, — сказала я, поворачивая направо в квартал мистера Кирша, — никто, ни одна душа расколотся не захочет. Но нам, по крайней мере, кое-что известно об этой группе детей.

— И что же? — поинтересовалась Куки, непрерывно печатая какие-то заметки в ноутбуке.

— Они отлично умеют хранить секреты. — Я свернула на подъездную дорожку мистера Кирша. — Где, ты говоришь, его жена?

Закрыв ноутбук, Куки подняла глаза.

— Ух ты, какой красивый дом! — Почти все дома в Таосе такие же красивые. Жить здесь недешево. — Она уехала на север к своей матери.

— А знаешь что? — спросила я, вылезая из джипа. — Когда закроем дело, я голосую за то, чтобы присоединиться к ней. Я имею в виду смотаться куда-нибудь на север.

— Съездим в штат Вашингтон?

— Хорошая идея.

— Или в Нью-Йорк, — тут же передумала Куки. — Я люблю Нью-Йорк.

Я кивнула:

— Мне Нью-Йорк нравится только как друг, но я за.

***

Для своих лет отец конгрессмена Кайла Кирша выглядел внушительно — с таким волей-неволей придется считаться. Высокий, подтянутый, с крепкими мышцами даже теперь. Волосы песочного цвета лишь слегка тронуты сединой, а взгляд лазурно-голубых глаз такой пронзительный, что хочется съежиться. На пенсии или нет, он навсегда останется сотрудником правоохранительных органов. Вся его фигура, каждый неосознанный жест, каждая черточка свидетельствовали о долгой и успешной карьере в поимке преступников. Он напомнил мне моего отца, а это, в свою очередь, напомнило о недавних печальных

событиях. Я так злилась на папу, а все равно переживала за него. И во чтобы то ни стало решила сосредоточиться на последнем. Нам с ним предстоит долгий-предолгий разговор. Но прямо сейчас мне нужно было выяснить, замешан ли мистер Кирш в исчезновении Ханы Инсинья.

— Я помню это дело, как будто все случилось только вчера, — заявил мистер Кирш, глядя на материалы, как ястреб, выискивающий добычу. Сомневаюсь, что он мог что-либо упустить. — Весь город объединился, чтобы ее найти. Мы даже в горы отправляли поисковые группы. И в каждом городе в радиусе нескольких сотен километров клеили объявления и раздавали листовки. — Он закрыл папку и потрясенно уставился на меня. — Это, леди, то, что мы называем висяком.

Мы с Куки переглянулись. Она с блокнотом и ручкой сидела рядом со мной на кожаном диване. Дом Киршей был декорирован черно-белым, как коровы породы Гольштейн [\[18\]](#), и желтовато-коричневым, как пейзажи Нью-Мексико. Весь интерьер был очаровательным смешением стилей кантри и Юго-запада.

Уже много воды утекло со времени исчезновения Ханы, а я отчетливо чувствовала, как болит у мистера Кирша сердце.

— В отчете сказано, что вы лично говорили с каждым учеником. Заметили что-нибудь необычное? Что-то, что, возможно, посчитали не очень важным и не внесли в рапорт?

Губы мистера Кирша превратились в жесткую линию. Он встал во весь свой внушительный рост и подошел к окну, чтобы посмотреть на маленький пруд.

— Было много необычного, — признался он. — Но я приложил немало усилий, однако ничего так и не добился.

— Со слов свидетелей, — я взяла папку с делом и открыла у себя на коленях, — в тот вечер Хана, возможно, была на вечеринке. А возможно, и нет. Возможно, она ушла раньше других, одна. А возможно, и не ушла. Возможно, она заехала на заправку по пути домой. А возможно, не заезжала. Слишком много противоречивых свидетельств, трудно собрать полную картину по этим кусочкам.

— Знаю, — сказал мистер Кирш, повернувшись ко мне. — Я больше двух лет пытался соединить разрозненные факты, но, чем больше проходило времени, тем более расплывчатыми становились показания свидетелей. Это было невыносимо.

Такие ситуации время от времени случаются. Я решила разыграть козырь. Все мое нутро кричало о том, что мистер Кирш никого не покрывает, но убедиться все же стоило.

— В рапорте отмечено, что вы допрашивали своего сына. Он был на упомянутой вечеринке, и он один из тех, кто уверяет, что Ханы на вечеринке не видел.

Тяжело вздохнув, он снова сел напротив меня.

— Полагаю, отчасти это моя вина. В те выходные мы с его матерью были в отъезде и под страхом смертной казни запретили ему выходить из дома. Поначалу он настаивал, что ни на какую вечеринку не ходил. Боялся, что мы его накажем. Но когда у меня было уже несколько свидетелей, которые видели его, он признался, что уезжал из дома. Однако это все, что мне удалось из него вытащить. То же самое и с другими учениками. Странное поведение, которое я ничем так и не смог объяснить.

Мистер Кирш говорил правду. В исчезновении Ханы он был замешан не больше, чем я.

— Иногда дети скрывают подробности, потому что боятся попасть в неприятности, которые на самом деле с делом никак не связаны. Я с таким не раз сталкивалась в своих расследованиях.

Он кивнул и усмехнулся:

— И я. Но взрослые делают то же самое.

— Да, точно. — Мы встали, чтобы попрощаться. — Поздравляем с тем, что ваш сын баллотируется в Сенат.

Мистер Кирш тут же просиял от гордости. Тепло обступило меня, и мне стало немного не по себе. Если я права, его сын убийца. Такие новости мистеру Киршу радости не принесут. А кому бы принесли?

— Спасибо, мисс Дэвидсон. Завтра он выступает с речью в Альбукерке.

— Правда? — удивилась я. — Понятия не имела. Я не всегда слежу за такими вещами, хотя стоило бы.

— Зато я слежу. — Куки заносчиво задрала нос. Я постаралась не рассмеяться. — Он выступит с речью в университетском городке.

— Именно так, — подтвердил мистер Кирш. — К сожалению, я не могу поехать, но через несколько дней он будет выступать в Санта-Фе. Надеюсь, хоть там его застану.

Я тоже на это надеялась. Вполне вероятно, это его последняя возможность увидеть сына в блеске славы.

***

Перекусив в Таосе и проведя три часа в дороге, мы с Куки вернулись в Альбукерке и приехали по адресу, оставленному Гарретом. Он уже был на месте и ждал нас в своей черной тачке из тех, на которые обычно клюют барышни. Мы припарковались прямо за ним, и он вышел наружу.

— Как прошел телефонный звонок? — спросила я, имея в виду тот самый звонок, который ему внезапно понадобилось сделать, когда он уходил из моего офиса. Мне было любопытно, кому он звонил и зачем.

— Прекрасно. Теперь у меня на одного сотрудника меньше.

— Почему? — Я даже немножко обалдела.

Он повернулся ко мне с гаденькой ухмылочкой.

— Ты заставила меня пообещать, что я не буду за тобой следить. Но о том, чтобы посадить тебе на хвост кого-нибудь еще, речи не было.

Я ахнула. Громко.

— Мерзкий слизняк.

— Да ладно тебе. — Он обошел Развалюху, чтобы помочь Куки выбраться.

Надо признать, залезать и вылезать из Развалюхи не так-то просто.

— Спасибо, — удивленно поблагодарила Куки.

— Всегда пожалуйста. — Он повел нас по улице к маленькому белому саманному [\[19\]](#) домику, вокруг которого буйствовал сорняк. — За тобой следили двадцать четыре часа в сутки. — Я шла рядом с ним, так что он глянул на меня сверху вниз. — То есть я думал, что за тобой следили двадцать четыре часа в сутки. Очевидно, тот, кто дежурил вчера вечером, решил устроить себе ночной перекус, не дожидаясь, пока его сменят. В три часа ночи? — недоверчиво уточнил он у меня. Я кивнула, скрипя от злости зубами. — Твоя жизнь была в опасности, если до сих пор до тебя не дошло. — Он вытащил какую-то бумажку из заднего

кармана.

— До меня дошло все и сразу, когда меня пырнули в грудь. — Я глянула на Куки. Поддерживая меня, она решительно кивнула.

Своупс закатил глаза. Как непрофессионально!

— Тебя не пырнули, а порезали. И я получил ответ от мадам Мариголд. Бога ради, мадам Мариголд?!

— Что она написала? — спросила Куки, едва не подпрыгивая от нетерпения. Смешная она.

— Ну, я написал ей, что я ангел смерти, как ты мне и сказала, — он кивком указал на Куки, — а она ответила, что если я ангел смерти, то она — сын Сатаны.

Я споткнулась о трещину в тротуаре. Гаррет подхватил меня, а я посмотрела на Куки округлившимися глазами.

— Я написал ей снова, — теперь он внимательно наблюдал за мной, — но она отказывается иметь со мной дело.

— Неужели тебя это удивляет? — как можно беззаботнее спросила я.

Святые ежики! Кто эта женщина?

— Эту женщину зовут Кэрри Ли-а-дел, — проговорил Своупс, пытаюсь правильно прочитать фамилию.

— Мадам Мариголд? — Откуда, черт его дери, он узнал?

— Нет, эту барышню, — он указал на дом. — Она воспитательница в детском саду.

А, ну да. Я глубоко вздохнула, посмотрела на имя и захихикала.

— Надо читать «Лидел».

— Серьезно? Откуда ты знаешь?

Я остановилась и ткнула пальцем в бумажку.

— Видишь две гласные? Когда две гласные подряд, то только первую говорят ^[20].

Своупс помрачнел:

— И какого хрена это значит?

Я снова пошла к дому, весело поглядывая на Куки из-под ресниц. И именно в этот момент поняла, как круто стучат набойки моих ботинок о бетон.

— Это значит, что тебя никогда нормально не учили читать.

Куки подавилась кашлем, пытаюсь скрыть смех, а Гаррет догнал меня у двери. Я постучала. Когда дверная ручка начала поворачиваться, он тихонько заговорил:

— Я сижу на берегу...

Да он спятил.

— Не могу поднять ногу...

Дверь приоткрылась, и я увидела женщину лет тридцати. Темные волосы подстрижены в короткое каре, из-за которого и без того квадратная челюсть выглядела просто невероятно квадратной.

— Не ногу, а ногу...

Чертов выпендрежник.

— Да? — настороженно спросила женщина.

Наверняка подумала, что мы что-нибудь продаем. Пылесосы. Подписки на журналы. Религию на развес.

Не успела я хоть что-нибудь ответить, как Своупс наклонился ко мне и зашептал в ухо:

— Все равно не могу. И да, Чарльз, я так целый день могу.

Я была готова забить его до смерти щипцами для салатов.

— Привет, вы мисс Лидел? — Я протянула ей свое удостоверение. В основном потому, что, протягивая удостоверение, выгляжу круто. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. А это мои коллеги — Куки Ковальски и Гаррет Своупс. Мы расследуем автомобильную аварию, случившуюся около трех лет назад. Водитель сбил пешехода и скрылся с места происшествия.

Поскольку я понятия не имела, что на самом деле случилось с мертвым парнем из багажника, я сильно рисковала. Если она причастна к его смерти, то вариантов может быть бесконечное множество. Но скорее всего он умер в багажнике, вот почему я остановилась именно на аварии. Я полагала, что она возвращалась домой поздно ночью и просто не заметила его. Испугавшись, что попадет в неприятности, она уговорила его залезть к себе в багажник. Знаю, притянута за уши, но ничего другого у меня не было.

Мой блеф тут же себя оправдал. Я почувствовала, как на нее накатила волна адреналина, ощутила острый укол страха, почти увидела, как ее темным облаком обволокло чувство вины. Однако на лице ее отразился только легкий намек на беспокойство. Глаза лишь капельку расширились. Губы сжались на долю миллиметра. Она явно репетировала этот момент, а значит, она — убийца.

Я решила надавить, не дать ей возможности взять себя в руки.

— Потрудитесь объяснить, что произошло, мисс Лидел? — спросила я знающим, обвиняющим тоном.

Ее рука потянулась к воротнику, как будто она хотела себя защитить. А может, ей просто стало холодно, потому что у нее за спиной стоял мертвый бездомный. По тому, как сияли его зеленые глаза, было ясно: он ее узнал. Я никогда не слышала, чтобы мертвецы причиняли живым людям вред. Даже не знаю, способны ли они на такое. Но сейчас я очень надеялась, что мне не придется оттаскивать этого парня. Он же огромный! К тому же со стороны это будет выглядеть странно — я ведь одна его вижу.

— Я... я понятия не имею, о чем вы, — проговорила мисс Лидел.

Заметив, как дрогнул ее голос, я сказала:

— Вы сбили бездомного человека, закрыли его в багажнике своего белого «тауруса» двухтысячного года выпуска и дождались, пока он умрет. Я ничего не упустила?

Краем глаза я увидела, как Гаррет стиснул зубы. Честно, не знаю почему. То ли ему не понравилась моя манера допрашивать людей, то ли он разозлился на мисс Лидел.

— Это случилось на Коул-авеню, — вдруг сказал мертвый парень из багажника глубоким чистым голосом. Сначала я поразилась, но ведь даже у сумасшедших бывают моменты просветления. Он повернулся ко мне, и злой взгляд пришил меня к месту. — На парковке, хотите — верьте, хотите — нет.

— Вы сбили его на парковке? — спросила я. Точнее пропищала. От удивления.

Гаррет переступил с ноги на ногу. Наверное, ему было интересно, к чему я веду. Мне тоже.

На этот раз ее глаза заметно расширились, а на лице в полной мере отразилось чувство вины.

— Я... я никого не сбивала...

— Она была пьяна в хлам, — продолжал парень из багажника. По лицу было видно, как возвращаются к нему воспоминания. — Едва на ногах держалась. Сказала мне сесть на заднее сиденье ее машины. Уверяла, что со мной все будет в порядке.

— Вы сказали ему сесть на заднее сиденье, — повторила я, угрюмо наблюдая за ней. — Вы были пьяны.

Мисс Лидел огляделась, словно искала скрытую камеру.

— Наверное, у меня было сотрясение. Я никак не мог сосредоточиться. Казалось, я только что говорил с ней, и вот уже умираю у нее в багажнике. Она меня ударила еще раз, кирпичом.

— Что, черт возьми, ты ей сказал? — прошипела я, уже не заботясь о том, как выгляжу со стороны.

Он посмотрел на меня с горечью.

— Я сказал, что я коп. И что она арестована.

— Ни фига себе! — воскликнула я во весь голос от потрясения. — Ты серьезно? Ты коп? Ты работал под прикрытием?!

Он кивнул, а мисс Лидел ахнула и прикрыла рот ладонью.

— Нет-нет, я не знала, что он коп. Я думала, он просто сумасшедший бомж. Он был весь в грязи. Я думала, он лжет, чтобы вытянуть из меня деньги. Вы же знаете, какие они! — Она определенно впадала в панику. В других, более нормальных обстоятельствах это даже могло бы меня развеселить. — Вы не копы, — сказала она нам, — и ничего сделать со мной не можете.

И именно в эту секунду перед ее домом с визгом затормозил джип дяди Боба в сопровождении двух патрульных машин с мигалками. Как нельзя вовремя, конечно, но его появление меня озадачило.

— Верно, — отозвалась я, не в состоянии стереть из голоса удивление, — мы не копы. А вот он — коп. — Я ткнула большим пальцем за плечо на Диби, он же Гнев-во-плоти.

Дядя Боб решительно шагнул к нам. Сразу ясно — у него была цель. Или геморрой. Или и то и другое.

— Кэрри Лидел? — спросил он, подойдя к нам.

Она рассеянно кивнула. Зуб даю, у нее вся жизнь пронеслась в тот момент перед глазами.

— Вы арестованы за убийство офицера Зика Брандта. У вас в карманах что-нибудь есть? — поинтересовался Диби перед тем, как развернуть ее спиной к себе и обыскать.

К нам подошел коп в форме и зачитал мисс Лидел ее права, после чего она тут же разразилась рыданиями:

— Я не знала, что он коп! Я думала, он врет!

Когда офицер увел ее в наручниках, Диби повернулся ко мне со страшным выражением лица.

— Три года назад офицер Брандт пропал без вести. Никто не знал, что произошло. Он следил за бандой наркоторговцев, которые заставляли бездомных сбывать наркотики.

— Но как ты обо всем узнал? — спросила я, все еще сбита с толку.

— Своупс рассказал мне о твоём расследовании, о деле, которое ты ему поручила, когда на самом деле он должен был сидеть у тебя на хвосте.

Я мрачно воззрилась на Гаррета:

— Ничего святого, да?

Он только пожал плечами.

— Я так понял, у тебя маленькая проблема? — спросил его Диби.

— Я уволил одного сотрудника, но это мелочи, — ответил Гаррет, имея в виду, по всей

вероятности, того человека, который должен был следить за мной в день нападения.

— Минуточку, — я подняла руку, призывая их закончить свои обсуждения и обратить на меня внимание. — Как ты узнал, что Кэрри Лидел убила вашего офицера?

Дядя Боб придвинулся поближе, чтобы никто больше его не услышал.

— Когда Своупс рассказал мне про парня в багажнике белого «тауруса» Куки, я кое-что вспомнил. Во время расследования исчезновения офицера Брандта мы запрашивали записи с камер видеонаблюдения, и на одной из них, снятой возле видеомагазина, заметили нечто похожее на аварию. Однако качество записи было очень хреновым, да и большая часть происшествия в камеру не попала, поэтому мы так и не смогли определить, что именно видели. Подумав, что речь идет именно о нашем парне, мы снова запросили ту запись, потому что в ночь исчезновения Брандт находился именно возле этого магазина, увеличили несколько кадров и получили сносное изображение номерного знака, по которому и вышли на эту женщину. — Диби крепко пожал Гаррету руку. — Хорошая работа. — Потом пожал руку Куки. — Замечательная работа. Не переживай о машине. Мы ее скоро вернем.

Куки молча пялилась на него, все еще не вернув себе дар речи.

Потом Диби повернулся ко мне:

— Ну как? Мы снова друзья?

— Ни за что, даже если бы ты был последним на Земле героическим копом с геморроем.

Он рассмеялся:

— Нет у меня никакого геморроя. — А потом этот балбес наклонился и поцеловал меня в щеку как ни в чем не бывало, после чего быстренько прошептал на ухо: — Этот парень много для меня значил. Спасибо.

Диби поковылял к своему джипу, а Куки так и стояла с открытым ртом.

— Что сейчас было? То есть все так неожиданно. В смысле я всегда думала, что воспитательницы детских садилов милые и все такое.

— Если мы и дальше будем заниматься своим делом, Кук, то, думаю, скоро узнаем, что в каждой профессии есть своя паршивая овца. — Я усмехнулась и подтолкнула ее локтем. — Сечешь? Учителя? Овцы?

Она только взглянула на меня, похлопала по плечу и направилась к Развалюхе.

— Я точно должна тебе одну! — крикнула я ей вслед, а потом повернулась к мертвому парню из багажника, то есть к офицеру Брандту. — Так значит, ты не чокнутый?

На его губах появилась отразилась порочная, как грех в воскресенье, улыбка, и он внезапно стал красавчиком. Само собой, он по-прежнему был в грязи и во всяком дерьме, но черт побери эти глаза!

— А как же свидания в душе? — спросила я, почти готовясь испугаться.

Улыбка стала шире, и я вдруг поняла, что разрываюсь между желанием позеленеть от злости и соблазном упасть к его ногам, изображая высшую степень обожания. Никогда в жизни мертвые меня так легко не обводили вокруг пальца.

— Можешь перейти через меня, — сказала я, все еще прикидываясь милой.

— Неужели? — Так он еще и спец в сарказме, раз уже в курсе, что может. Он шагнул ко мне. — А можно сначала тебя поцеловать?

— Нет.

Тихо рассмеявшись, он обнял меня за талию, прижал к себе и наклонил голову. Я едва успела вдохнуть, когда его губы коснулись моих, а затем он ушел.

Когда люди переходят через меня, я ощущаю их тепло, вижу их самые любимые воспоминания, чувствую запах их ауры. Когда он ушел, я приподняла воротник свитера, чтобы еще раз вдохнуть его аромат. Он пах смесью сахарной ваты и сандала. Я сделала глубокий вдох, надеясь, что никогда его не забуду. Когда ему было двенадцать, он рискнул собой, чтобы спасти соседского мальчишку от собаки, за что сам получил двадцать семь швов. Удивительно, что они оба тогда выжили. И он всегда хотел делать именно это — помогать людям. Спасать мир. А потом на его пути появилась воспитательница детского сада Кэрри Лидел, которая лишила всех нас еще одного хорошего парня.

И он потерялся. На долгих три года он забыл, кем был и ради чего жил. Пока Куки не открыла багажник, пока мой свет его не нашел, он лежал там в темноте и забвении. Каким-то образом, судя по его воспоминаниям, мой свет его вернул. Возможно, быть ангелом смерти — это нечто большее, чем я думала, перечитав кучу мифов. Пусть не овцой, но «Маргаритой» угостить Куки я обязана.

— Ты всегда с мертвецами целуешься? — поинтересовался Гаррет.

Я уже забыла о нем и сочла уместным огрызнуться:

— Я его не целовала. Он через меня перешел.

— Ну да, конечно. — Он взял меня за плечи и повел к машине. — Напомни мне перейти через тебя, когда я умру.

Некоторые девушки носят Prada. А некоторые — «Глок-17» с автоматикой по схеме использования отдачи при коротком ходе ствола и индикатором заполнения магазина в комплекте с мертвой хваткой.

Надпись на футболке

На несколько чудесных мгновений я почти забыла, что Рейес мог уже умереть, и что я могла больше никогда его не увидеть. Но в ту секунду, когда я влезла в Развалюху и двинулась домой, многотонное горе опустилось мне на плечи. Я сосредоточилась на дыхании и на том, чтобы не врезаться в машины на дороге. Я себя знаю — с меня станется. В офис мы вернулись после шести. Заехать к папе я не потрудилась. Его уже выписали, и он наверняка дома. А значит, чтобы увидеться с ним, придется тащиться в Хайтс. Четыре часа сна прошлой ночью испарились из меня еще до полудня, поэтому я решила навестить его завтра, после того как хорошенько отосплюсь.

Куки собиралась еще немножко поработать и как раз проверяла автоответчик, когда я направилась на выход. Диби оставил одно сообщение — объяснял, где находится машина Куки, и требовал от меня заявления. Разве я не преподнесла его на блюдечке? Все ему мало.

— Ты домой? — недоверчиво нахмурилась Куки.

— А что, не похоже?

— Отвечай.

— Домой, — усмехнувшись, честно призналась я.

— Ладно. Что насчет мадам Мариголд?

— Та еще загадка, — я изумленно покачала головой. — С чего вдруг, черт возьми, она упомянула о сыне Сатаны?

— Хотелось бы знать. Я создала тебе липовый ящик и написала ей письмо. Проверяй время от времени. — Она вручила мне клочок бумаги с логином и паролем. Наконец выражение ее лица смягчилось. — Он жив, Чарли. Я уверена.

От одной мысли о Рейесе легкие отказались наполняться воздухом. Я решила сменить тему, пока не посинела от нехватки кислорода. Синий цвет мне не к лицу.

— Мадам Мариголд чокнутая. И я думаю, что Мими подалась в бега.

Куки улыбнулась:

— Согласна. По обоим пунктам. Мне кажется, Мими знала, что происходит, поэтому и залегла на дно.

— Мы ее найдем, — заверила я, кивнув для убедительности, и направилась домой.

Там меня ждала холодная миска хлопьев и душ. Горячий душ, потому что мертвый парень из багажника больше не придет. Плут.

Едва моя голова коснулась подушки, меня разбудило знакомое ощущение на коже. Тепло. Покалывание. Распахнув глаза, я уставилась на единственного и неповторимого мистера Рейеса Александра Фэрроу. Он сидел на полу под окном и наблюдал за мной.

Он был в нематериальной форме. Несмотря на темноту, которая скрывала предметы в

спальне, каждая линия его тела была отчетливо видна, маня, соблазняя смотреть и смотреть, как это бывает, когда смотришь на гипнотизирующие волны океана. И я не стала сопротивляться — прошла взглядом по всем его холмам и долинам.

Я перевернулась, чтобы заглянуть ему в лицо, и зачем-то сильнее натянула на себя одеяло.

— Ты умер? — Собственный голос показался мне совсем чужим.

— Разве это важно? — ответил он вопросом на вопрос.

Он сидел, как и на черно-белой фотографии, которую я видела у Маньячки Элейн Оук: рука на согнутом колене, голова откинута к стене. Я попала в ловушку его магнетического, тяжелого взгляда. Даже дышать было трудно. Ничего на свете мне в тот момент не хотелось так, как подойти к нему, узнать каждый сантиметр его крепкого тела... Но я не посмела.

Как будто зная, о чем я только что подумала, Рейес улыбнулся и склонил голову набок.

— Маленький ангел смерти. — Голос его был похож на ириски: такой же мягкий, сладкий, соблазнительный. У меня едва слюнки не потекли. В буквальном смысле. — Я привык часами наблюдать за тобой.

Я поборола прилив восторга, вызванный его словами. Только подумать! Он за мной наблюдает. Смотрит. Изучает. Хотя он все равно наверняка почувствовал то же, что и я. Ему ли не знать, какой легкомысленной я становлюсь, когда дело касается его.

— Я часто смотрел, как ты бежишь через парк к качелям. Помню, как развевались у тебя за плечами блестящие волосы, как они водопадом струились по спине. Как после фруктового мороженого краснели твои губы. А твоя улыбка... — Он тяжело вздохнул. — Господи, она была ослепительна.

Учитывая, что он на каких-нибудь три года старше меня, его слова вовсе не звучали так по-извращенски, как может показаться. В глубоком голосе я слышала призыв, манящую энергию, которая тянула меня к нему, соблазняла, как будто он какой-то инкуб, и каждая клеточка во мне трепетала в ответ, дрожала от примитивной, такой всепоглощающей тоски по нему, что я едва дышала.

— А в старших классах, — продолжал Рейес, как будто заново переживал прекрасный сон, — ты так по-особенному носила книги... Помню изгиб твоей спины, безупречную кожу. Я хотел тебя, как звери жаждут крови.

Я слабела с каждым словом, с каждым биением его сердца, которое эхом отражалось в моем. Я знала: если он продолжит, мне не устоять. У меня нет такой суперчеловеческой силы, чтобы долго ему сопротивляться. Во мне просто-напросто совсем не много суперского, и не важно — человеческого или не очень.

— А что такое самородная сера? — спросила я, надеясь потушить бушующее пламя. А еще я хотела напомнить ему, откуда он родом. Хотела хоть немного сделать ему больно, потому что он делал больно мне. Тем, что не доверял мне. Тем, что плевал на мои желания и заботы. Как и все остальные знакомые мне мужчины в последнее время.

Его губы сложились в холодную, расчетливую улыбку.

— Если ты еще раз побеспокоишь мою сестру, я разрежу тебя пополам.

Ну что ж, сработало. Я поддеваю его, он — меня. Жить можно.

— Если ты не собираешься мне говорить, где твое тело, если не собираешься довериться мне, чтобы я могла помочь, то что ты здесь делаешь? Зачем пришел?

По комнате разнеслось рычание, и он исчез. Я чувствовала, как его сущность покидает квартиру, метр за метром, оставляя за собой холодную неподвижность. За секунду до того,

как исчезнуть окончательно, он пронесся мимо меня и шепнул на ухо:

— Потому что только из-за тебя я все еще дышу.

Вздохнув, я спряталась под одеялом с головой и долго-долго лежала, вспоминая... все. Его слова. Голос. Поразительную красоту. Только из-за меня он все еще дышит? А мое сердце только из-за него и бьется.

Ахнув, я резко села в кровати. Сердце. Я слышала, как бьется его сердце. Пока он говорил со мной, каждый удар я чувствовала так, будто оно билось в моей груди. Ровно. Спокойно. Он жив!

Я выскочила из постели, чуть не грохнувшись, запутавшись в скомканной простыне, и поскакала в ванную, чтобы посидеть на фарфоровом троне по малой нужде. У меня осталась еще одна ниточка, которая могла привести к Рейесу. Надеюсь, его лучший друг, Амадор Санчес, не против, если среди ночи к нему нагрянет с визитом чокнутая дамочка с удостоверением частного детектива. Возьму, наверное, и пушку. Мало ли. Одевшись и завязав волосы в хвост, я прихватила аксессуар в виде «Глока» и понеслась в офис, чтобы взять материалы, которые накопила Куки на лучшего друга Рейеса по школе и камере. Мистер Амадор Санчес. Как трогательно, что они оставались такими близкими друзьями столько лет. От этой мысли захотелось фыркнуть вслух.

Машин на дороге было мало — три часа ночи, на секундочку. Я доехала до Хайтс меньше, чем за пятнадцать минут. А ведь в Хайтс я сегодня как раз и не собиралась.

Амадор Санчес был нищим студентом. Его несколько раз арестовывали за мелкие преступления. Наконец он был арестован за вооруженное нападение с причинением тяжких телесных повреждений, за что получил четыре года. Вдобавок он подрался с офицером полиции. Вот уж чего точно не нужно было делать. А теперь он жил в самом престижном районе города. Надо не забыть спросить у него, кто его брокер. Мы с мистером Вонгом, наверное, могли бы осилить парочку удачных инвестиций.

Дом, к которому я подъехала, оказался не совсем таким, как ожидалось. Я даже адрес еще раз проверила. Я-то думала увидеть нечто вроде недорогого многоквартирного здания или пансионата. Шикарный трехэтажный кирпичный особняк с матовыми стеклами на парадных дверях с трудом вписывался в мое представление о жилище человека, который отсидел в тюрьме за вооруженное нападение.

Мне стало как-то нехорошо, но я все равно вылезла на улицу, пронеслась сквозь холодную ночь и нажала на кнопку звонка. А вдруг это вовсе и не дом Амадора Санчеса? Может быть, он живет в домике для прислуги на заднем дворе. Но, если верить записям Куки, именно здесь он и жил с женой и двумя детьми. Мне оставалось только надеяться, что адресом я не ошиблась. Меня очень порадует, если окажется, что бывший преступник сумел сломать устоявшиеся стереотипы и сделать успешную и, надеюсь, легальную карьеру.

Запахнув поплотнее куртку, я снова позвонила, чтобы дать понять жильцам: я никуда не уйду, пока мне не откроют. На крыльце зажегся свет, и по ту сторону матового стекла появилась размытая фигура. Наконец я услышала щелчок замка, и дверь осторожно приоткрылась.

— Да? — На пороге стоял латиноамериканец лет тридцати с хвостиком. Он тер кулаком один глаз, а другим изучал меня.

Выудив удостоверение, я стиснула зубы.

— Рейес Фэрроу. Где он?

Он уронил руку и уставился на меня, словно я лунатик, к тому же сбежавший из

психушки.

— Не знаю никакого Рейеса Фэрроу.

Я сложила на груди руки.

— Да неужели? Значит, вот так вы хотите все решить? А я упоминала, что мой дядя — детектив полиции Альбукерке, и я могу устроить так, чтобы он появился здесь через двадцать минут?

Он тут же стал огрызаться:

— Заодно и тете позвони. Я ни хрена не сделал.

Надо же, какой вспыльчивый.

— Амадор, — слышался женский голос с нотками недовольства, а затем и его обладательница появилась у Амадора за спиной, — прекрати грубить.

Смущенно пожав плечами, он уступил ей место на пороге.

— Чем мы можем вам помочь?

Я снова показала удостоверение.

— Прошу прощения за столь поздний визит.

— А передо мной и не подумала извиниться, — буркнул Амадор жене.

Я наградила его злым взглядом. Ябеда.

— Я приехала по поводу Рейеса Фэрроу. Надеюсь, ваш муж в курсе, где он сейчас находится.

— Рейес? — переспросила женщина, придерживая воротник халата. На ее красивом лице отразилось беспокойство. — Его до сих пор не нашли?

— Нет, мэм.

— Давайте зайдем в дом. Здесь холодно.

— Ты приглашаешь ее в дом? — взорвался Амадор. — А если она серийная убийца? Или чокнутая фанатка? Ты же знаешь, у меня таких полно.

Женщина улыбнулась, бросив на меня извиняющийся взгляд.

— Никаких фанаток у него нет. Он так говорит, чтобы я ревновала.

Я не смогла сдержать ответной улыбки. Меня проводили в великолепную гостиную, по которой тут и там были разбросаны игрушки всех цветов радуги.

— Прошу прощения за беспорядок, — проговорила женщина, начиная собирать игрушки с пола. — Мы не ждали гостей.

— Не извиняйтесь, пожалуйста. — Мне и так было не по себе.

— Ясное дело, мы не ждали гостей, — рявкнул Амадор. — Сейчас полчетвертого утра. Прекрати сейчас же, черт побери.

Вздохнув, она села возле мужа, и мне пришлось признать, что они оба не менее потрясающие, чем их дом. До невозможности красивая пара.

— Это Амадор, как вы наверняка знаете, — сказала его жена, — а я Бьянка.

— Ой, простите. — Наверное, надо бы представиться. — Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Мне нужно как можно скорее найти Рейеса Фэрроу. Я... я... — Я замолчала, осознав, что они оба уставились на меня с открытыми ртами.

Первой пришла в себя Бьянка и ткнула мужа локтем.

— Извините, о чем вы говорили?

Вот те раз.

— Ну, эм-м... дело в том, что...

Амадор все еще пялился на меня. Бьянка протянула руку и закрыла ему рот.

— Честное слово, обычно мы ведем себя более вежливо, — проговорила она, нервно хихикая.

— Да ничего. У меня что-то с волосами, да? — Я смущенно пригладила волосы.

— Нет-нет, просто мы немного удивлены встречей с вами.

— Понятно. Значит, мы виделись и раньше?

— Нет, — очнулся Амадор.

Они переглянулись, покачали головами, а потом снова повернулись ко мне, продолжая качать головами.

Ладненько.

— Ну хорошо, тогда я вернусь к делу. — Я опять сердито уставилась на Амадора. — Так где Рейес Фэрроу?

Я и не думала шутить, но единственной эмоцией, которую он сейчас испытывал, было веселье. Меня это всерьез озадачило.

— Я не знаю, где он. Клянусь.

Они опять стали качать головами. Это уже выглядело нелепо.

— Короче, — сказала я, подняв руки, — что происходит?

Теперь и Бьянка почти смеялась. Я уперла руки в бока.

— Я что-то пропустила? Вы, ребята... ну не знаю, рады как будто. Позвольте напомнить, что сейчас так чертовски рано — или поздно, — что просто не время радоваться.

— Нет-нет, мы не радуемся, — радостно отозвалась Бьянка.

И тут меня осенило. Хотя скорее пробрало до кишок. Они знали, кто я такая.

— Святой ежик, Рейес обо мне говорил?

Они так быстро закачали головами, что я почувствовала движение воздуха. И они лгали.

Поверить не могу, что он мог такое сделать. Встав, я принялась мерить шагами гостиную, дважды споткнувшись о трансформер. До меня же с первого раза никогда не доходит.

— Поверить не могу, — процедила я сквозь зубы и повернулась к ним. — А он говорил вам, кто он такой? Говорил? Говорил? Конечно же, нет.

Он не стал бы говорить своему лучшему другу, что он чертов и хренов сын Сатаны. Ни за что.

Через мгновение я поняла, что они смеются. Я остановилась, посмотрела на них и уселась на место.

— О'кей, без обид, но... какого черта?!

Улыбка, которую изобразил Амадор, была очаровательной.

— Дело в том, что, — он взглянул на жену, — мы понятия не имели, настоящая вы или нет.

— В каком смысле?

— Вы же Датч, — ответила Бьянка.

От упоминания этого прозвища у меня екнуло сердце. Только Рейес меня так называл.

— Вы — девушка из его снов.

— Созданная из света, — добавил Амадор.

Девушка из его снов? Так значит, они не знают, что я ангел смерти? Вероятно, не знают. Сомневаюсь, что они были бы хоть наполовину так же рады меня видеть, если бы знали всю историю.

— Минуточку, — проговорила я, подаваясь вперед, — что значит из снов? Я ему

снюсь? — Это мне уже нравилось.

Смеясь, Бьянка прикрыла рот ладонью, пока говорил Амадор:

— Он только о вас и говорит. Даже в старших классах, когда все девчонки увивались за ним, он говорил только о вас.

— Но он сказал, что никогда не видел вас в реальности, — продолжила за него Бьянка. — Поэтому мы и не знали, существуете ли вы на самом деле.

— Сами подумайте, — снова подал голос Амадор, — прекрасная девушка, созданная из света? Кстати, я не совсем понимаю, что это значит. Ну, я имею в виду, вы белая и все такое.

Бьянка стукнула его в плечо и повернулась ко мне.

— Чем больше мы о нем узнавали, тем больше верили, что вы настоящая.

— Он называл меня прекрасной? — спросила я, заикнувшись на одном этом слове.

— И постоянно называет, — усмехнулась Бьянка.

Обалдеть. Это самые приятные слова, которые я слышала за весь день. Конечно, день только-только начался, но все же.

Напомнив себе, что приехала сюда по делу, я проморгалась и сказала:

— Мне очень-очень, честно-честно нужно узнать, где он. Мне не хочется вам это говорить, но, если я как можно скорее не найду его, он умрет.

Мои слова притормозили радость Санчесов.

— О чем вы? — спросил Амадор.

— Так, хорошо. Скажите мне, что именно вам известно о Рейесе? — Мне нужно было знать, сколько я могу им рассказать.

Бьянка прикусила губу, а потом ответила:

— Мы знаем, что он может выходить из тела и так посещать разные места. У него удивительный дар.

— Он частенько так делал в тюрьме. К тому времени он уже научился лучше контролировать этот процесс. А раньше все было иначе.

Я и понятия не имела, что раньше Рейес не мог контролировать этот процесс. Интересно. Однако их знания и вера в способности Рейеса помогут мне объяснить, что происходит.

— Рейес решил, что материальное тело ему больше ни к чему.

Красивые брови Бьянки беспокойно нахмурились.

— Не понимаю.

Я уже так придвинулась к краю, что еще чуть — и грохнулась бы на пол.

— Вам же известно, что он умеет покидать тело. — Оба кивнули, и я продолжила: — Так вот, теперь он хочет постоянно быть вне тела. Хочет избавиться от него. Он считает, что материальное тело замедляет его и делает уязвимым.

Бьянка прикрыла рот изящной ладонью.

— С чего ему так думать? — сердито спросил Амадор.

— Отчасти потому, что он упертый осел. — Остальное я решила оставить при себе. Ни к чему им знать всю правду. К тому же им никак не облегчит жизнь информация о том, что демоны существуют. — У него мало времени. — Я умоляюще посмотрела на Амадора. — Есть у вас хоть какие-то предположения, где он может быть?

Амадор печально повесил голову.

— Понятия не имею. Когда он очнулся и сбежал из больницы, я был уверен, что он придет к нам.

Взяв его за руку, Бьянка переплела свои пальцы с его.

— Копы тоже так думали, — продолжал Амадор. — Они постоянно патрулировали наш район. Вот почему я догадался, что он не стал бы подвергать нас риску, поэтому так и не появился здесь.

Он не лгал, а я по-прежнему ни на шаг не продвинулась. Очень захотелось зареветь. А еще кого-нибудь ударить и поорать. У меня был только один детектив, которому я могла доверить прочесывать улицы в бестелесном виде. И он уже несколько дней не показывался. Я начала серьезно обдумывать мысль уволить его к чертям собачьим.

— У вас есть какие-нибудь догадки, Амадор?

Он задумчиво закрыл глаза.

— Рейес умен, — наконец проговорил он, все еще не открывая глаз.

— Я в курсе.

— Да нет же, он по-настоящему умен. Абсолютно гениален. Я таких еще не видел. — Он открыл глаза и посмотрел на меня. — Откуда, по-вашему, у нас этот дом?

Я замерла от любопытства.

— Пока мы с ним сидели в тюрьме, он изучал рынок ценных бумаг и через меня передавал информацию Бьянке, куда сколько вложить, когда забрать деньги и когда что-то купить.

— Он взял у меня всего одну тысячу долларов, — добавила Бьянка, — и сделал нас миллионерами. Я смогла продолжить учебу, а Амадор после тюрьмы открыл собственный сварочно-производственный бизнес.

— Он наш герой, — заявил Амадор и добавил, обведя рукой комнату: — И не только из-за этого. Вы себе не представляете, сколько раз он спасал мне жизнь. Даже до того, как мы оказались в одной камере. Он всегда был рядом в нужный момент.

Внезапно мне стало трудно представить, чтобы Амадор на кого-нибудь напал. У него добрая душа, и я могла держать пари, что он попался, вступившись за кого-то из своих.

— И он очень умен, — повторил Амадор, опять погружаясь в мысли. — Он скрывается не от кого-нибудь, а от вас. Значит, он там, где именно вы стали бы искать в последнюю очередь.

— Шарлотта, — вдруг спросила Бьянка печальным голосом, — не хотите выпить кофе?

Амадор одобритительно кивнул:

— Нам все равно через час пришлось бы вставать.

— Ну, если так...

Это то же самое, что помахать морковкой перед зайцем. Весь следующий час мы сидели на кухне и говорили о Рейесе. О том, каким он был в школе, о чем мечтал и на что надеялся. Все его мечты и надежды строились вокруг меня, что привело меня в настоящий шок. Об Эрле Уокере — человеке, который вырастил Рейеса и жестоко его избивал, — Амадор знал совсем не много, потому что Рейес не любил о нем рассказывать. Но сам Амадор был уверен, что Рейес никого не убивал, в том числе и Эрла Уокера, и мне хотелось в это верить.

В конце концов разговор привел нас к сайтам. Я рассказала о своей встрече с Элейн Оук. Бьянка посмеивалась и бросала на мужа веселые взгляды.

— Расскажи ей, — предложил он с улыбкой.

Она сосредоточилась на мне.

— Когда Рейес стал изучать рынок, у меня не было денег, чтобы начать их вкладывать. Он сказал мне позвонить этой женщине. Она постоянно пыталась подкупить охранников,

чтобы получать о нем информацию. Я и позвонила. Сказала, что мой муж — сокамерник Рейеса, и что я могу добыть для нее что угодно. Она купила все, что мне было о нем известно. За наличные. У нас уже не осталось для нее сведений. Так я и получила свою первую тысячу.

— Вы продавали информацию? — переспросила я, даже не пытаясь сдержать рвущийся наружу смех.

— Ага, но только незначительные подробности. Ничего такого, что можно было бы использовать против него. Время от времени Рейес передавал через меня некоторые подробности из своего прошлого, чтобы эта Элейн не соскочила с крючка. И все равно кое-что просочилось к ней через охранников. Несколько фактов, о которых Рейес рассказывать ей не хотел. И мы понятия не имели, откуда охранники добывают такую информацию.

Кажется, один такой факт известен и мне.

— Как, например, о его сестре?

Бьянка поежилась:

— Точно. Мы понятия не имеем, как о ней узнал охранник.

— Рейес никогда о ней не говорил, — подтвердил Амадор.

Я была уверена, что федеральные маршалы узнали о Ким с веб-сайтов. Однако Амадор был прав: Рейес до чертиков умен. Не то чтобы я об этом не знала, но... Минуточку. Я внимательно посмотрела на него.

— А как насчет фотографий в душе?

— Как, по-вашему, мы накопили на первый взнос за этот дом?

У меня отвисла челюсть.

— А Рейес знал?

Амадор громко рассмеялся:

— Это была его идея. Он знал, что за такие фотки дамочка выложит кучу денег, а ему хотелось, чтобы этот дом стал нашим.

Я была ошеломлена. Все это он делал ради своих друзей. И все же ни разу не попытался разубедить меня в том, что может причинить вред невинным людям. Теперь я сомневалась в этом даже больше, чем раньше. Но что, если он умрет? Потеряет ли он тогда свою человечность? Неужели такое вообще возможно?

Я надеялась, во время разговора мне удастся собрать хоть какие-то подсказки, где искать Рейеса. Надеялась, что, быть может, Санчесы что-то знают, даже не подозревая об этом. Но ничего особенного так и не всплыло. Вручив им свою визитку, я встала из-за стола. Амадор умчался в душ, а Бьянка проводила меня до двери.

— Так что он обо мне говорил? — спросила я у нее.

Смеясь, она покачала головой.

— Ну серьезно. Он о моей заднице упоминал?

***

Я вернулась домой. От мыслей о Рейесе лопалась голова, но сердце наполнилось надеждой. Не знаю, правда, почему. Может быть, просто то, что он жив, уже поднимало мне настроение. Никогда не думала, что могу слышать его сердце, но, если вспомнить, я всегда

его слышала. Особенно перед тем, как заснуть, когда по сознанию бродили полуюсные сны. Биение его сердца всегда убаюкивало меня лучше любой колыбельной.

Вставив ключ в замок, я услышала голос миссис Аллен:

— Чарли?

Великий властелин колец, что на этот раз? Лишь однажды миссис Аллен со мной заговорила. Тогда сбежал ее пудель Пипи, он же Принц Филипп, и ей срочно требовался частный детектив с лицензией, чтобы его найти. Принц Филипп — настоящее зло, если хотите знать мое мнение. У меня серьезные подозрения, что тот, кто вообще выдумал пуделей, продал душу дьяволу. Сами посудите, кто станет придумывать пуделей? Пуделей?!

Я повернулась к миссис Аллен. В худшем случае, меня ждет тарелка домашнего печенья, если миссис Аллен посчитает домашнее печенье достаточной платой за отслеживание Всеамериканского Зла. А я, кстати, и не против.

— Привет, миссис Аллен, — сказала я, сделав шаг к ней.

И в ту же секунду услышала странный звук, как от удара. В голове взорвалась ослепительная вспышка боли, и навстречу моему лицу устремился пол. Прежде чем тьма поглотила меня, я успела подумать только об одном: ну, блин, не может быть.

Куда меня везут, и что я делаю в этой консервной банке?

Наклейка на бампер

Моя голова, та самая, которую только что приложили тупым предметом, стукнулась о внутреннюю стенку багажника. Это привело меня в себя, но через секунду я опять начала ускользать в забвение, все быстрее и быстрее с каждым ударом сердца. Перед глазами замаячила глубокая теплая темнота, вынуждая меня зубами и ногтями бороться за то, чтобы оставаться в сознании.

Я сосредоточилась на пульсирующей боли в голове, на связанных руках и ногах, на шуме двигателя и скрежете шин по асфальту где-то подо мной. Если это Куки предприняла очередную попытку затолкать меня в багажник, то на Рождество она получит от меня годовой абонемент на восковую эпиляцию зоны бикини.

— Ну и чем занимаешься?

Я с трудом разлепила веки и уставилась на ухмыляющееся лицо тринадцатилетнего гангстера по имени Ангел. Слава, огу. Он наверняка сможет вытащить меня из этой передраги. Прямо сейчас я была готова убить мохнатого мамонта, лишь бы тоже быть нематериальной.

— Умираю, — крикнула я. Горло саднило ужасно. — На помощь.

— Во-первых, ты не умираешь. Во-вторых, я что, похож на Лесси^[21]? — Его дерзкая ухмылка потускнела лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы заметить, как он беспокоится. Да уж, недобрый знак.

— Кто? — спросила я и закрыла глаза, едва выдерживая симфонию боли в черепе.

— Двое белых, — ответил Ангел напряженным от волнения голосом.

— Как они выглядят?

Он пожал плечами:

— Белые и белые. Для меня вы все на одно лицо.

Мне хотелось глубоко вздохнуть, но скукоженные легкие не могли наполниться достаточным количеством воздуха.

— От тебя пользы, как от ложки в поножовщине. — Я чувствовала наплечную кобуру, но пушки в ней не было. Само собой. Мои слабые попытки контролировать сознание начинали себя истощать. — Приведи Рейеса, — промямлила я, теряя почву под ногами.

— Я не могу его найти. — Голос Ангела звучал приглушенно, будто из какой-то глубокой пещеры. — Не знаю как.

— Тогда будем надеяться, что он знает, как найти меня.

Мне показалось, прошло всего несколько мгновений, когда крышка багажника открылась, разбудив меня во второй раз, и свет залил тесное пространство. Жмурясь от режущей яркости, я внезапно почувствовала странное родство с вампирами.

— Она в сознании, — сказал один из них. Кажется, он был удивлен.

— Ясен хрен, Шерлок, — отозвалась я. Пришлось потрудиться, чтобы выдавить это, за

что я поплатилась толчком боли в черепе.

Сейчас было самое время испугаться, но никакого страха я не испытывала. По венам не струился адреналин, меня не прошиб панический пот, внутренности не скрутились узлом от волнения. Или они накачали меня какой-то запрещенной наркотой, или я превратилась в зомби. Скушать их мозги желания у меня не было, так что я склонялась к варианту с наркотиками.

— Ты меня ударил, — заявила я, когда меня вытащили из багажника и потащили к зданию, похожему на заброшенный мотель.

Ни один из этих грубиянов не ответил, и тогда я поняла, что говорю неразборчиво. Идти со связанными ногами тоже было не так уж легко. К счастью, у меня был вооруженный эскорт. От этого я почувствовала собственную важность. Определенно надо завести себе телохранителей. Внедрение программы по обеспечению максимальной безопасности не только предотвратит будущие попытки похищения, но еще и раздует мое чувство собственного достоинства. А всем известно: счастлив тот, кто себя уважает.

— Что мне делать? — спросил Ангел, прыгая вокруг меня, как кузнечик на сковородке.

Выглядел он как-то размыто. Кажется, я ни на чем не могла сосредоточиться, кроме как на разбухшем во рту языке.

— Приведи Дибби, — прошамкала я.

— По-твоему, я до этого не додумался? Я уже пытался, пока ты прикидывалась коматозницей, Рип Ван^[22]. Он с катушек слетел, пытается до тебя дозвониться прямо сейчас. И думает, что его преследует твоя двоюродная бабушка Лиллиан.

Спутники перенесли меня через порог разваливающегося здания. В ближайшем углу стоял стул. К нему была придвинута тумбочка, на которой разложили всевозможные орудия пыток. Иголки, ножи и всякие металлические штуки, созданные с одной-единственной целью. Надо же, а мои конвоиры неплохо постарались — сделали домашнее задание и подготовили помещение. Значит, я не какая-нибудь случайная барышня, которую они решили веселья ради пытать до смерти и похоронить в пустыне. Меня специально выбрали, чтобы пытать до смерти и похоронить в пустыне. Мое чувство собственного достоинства уже начинало зашкаливать.

— Почему Дибби думает, что его преследует бабушка Лил? — поинтересовалась я, когда меня толкнули на стул и начали привязывать к нему.

— С кем она говорит? — спросил один из моего эскорта.

В ответ второй что-то промычал. Нетрудно было догадаться, кто из них Риггз, а кто Мертаф^[23]. То есть их злые версии, разумеется. И до меня наконец дошло, почему я не могу рассмотреть их лица. На обоих были лыжные маски, которые ну никак не подходили к их костюмам.

Вскоре я обнаружила, что быть привязанной к стулу совсем не так удобно, как может показаться на первый взгляд. Веревки врезались в запястья и плечи и напрочь расплющили Угрозу и Уилл Робинсон. Они уже никогда не будут прежними...

— Ну, я попробовал трюк с сахаром. — Ангел все еще подпрыгивал вверх-вниз, пытаясь рассмотреть, что именно делают мои новые друзья. — По твоему же совету. Но кошка сожрала половину букв, и вместо «Чарли нужна помощь» сообщение больше смахивало на «Лил любит попки».

— У Дибби есть кошка?!

Я едва успела заметить движение, как уже смотрела на ржавую раковину справа от себя.

Только через мгновение я ощутила острую боль в челюсти и наконец-то начала понимать, в какую попала задницу. Рр-rrrr, ненавижу пытки.

— Ты опять меня ударил, — сказала я до странности раздраженным тоном.

— Да неужто? — отозвался Злой Риггз. Остряк выискался.

— Половина моего мозга в коме. И я требую, чтобы мне сказали, как эту половину зовут и за что она отвечает.

Злой Риггз на секунду застыл.

— Леди, я понятия не имею, как зовут эту половину вашего мозга. А ты? — он повернулся к своему другу.

— Издеваешься, что ли? — спросил Злой Мертаф, хотя я чувствовала, что ответа на свой вопрос он не ждет.

Изо всех сил я старалась узнать людей, которых очень и очень подозревала в похищении меня любимой, но никак не могла сосредоточиться. Чем бы они меня ни накачали, крутое было зелье. Надо попросить рецепт.

Голоса их звучали, словно на замедленной записи, и я никак не могла остановить взгляд на их глазах, чтобы разобрать хотя бы цвет. Я вообще ни на чем не могла остановить взгляд, если это требовало поднимать или поворачивать голову, потому что голове моей нравилось только одно направление — вниз. Классные, кстати, у них ботинки.

— У нас кончается терпение и время, мисс Дэвидсон, — заявил Злой Мертаф. У него был какой-то плоский голос. И маленькие ручки. Однозначно не мой типаж. — У вас единственный шанс.

Один шанс лучше, чем вообще никакого. Надо воспользоваться им по полной программе. Получить золото с первой попытки. Новичкам же сопутствует удача, главное, чтобы сейчас не подвела.

— Где Мими Джейкобс?

Твою мать. Что ж, когда все летит коту под хвост, ври.

— Во Флориде.

— Где у нас Флойд? — спросил Злой Риггз своего напарника.

— Во Флориде, — повторила я. Ужас какой-то. Я попробовала еще раз: — Фло-и...

Моя голова опять мотнулась вправо, и боль накатила ослепительной волной от челюсти вниз по позвоночнику. Имелось у меня подозрение, что, не будь я по самую макушку накачана наркотиками, боль от любовных заигрываний Злого Мертафа была бы куда сильнее. Мне снова пришлось брать себя в руки. Я раздраженно вздохнула.

Присев на одно колено передо мной, Злой Мертаф приподнял мой подбородок, чтобы я могла на него посмотреть. Что ж, это помогло. Я сумела различить прозрачно-голубые глаза. Так и знала, что меня сперли не просто так. Чертовы липовые агенты ФБР.

— Вам будет намного больнее, чем мне, — предупредил Злой Мертаф, он же специальный агент Пауэрс.

Я улыбнулась:

— Не будет, если парню за окном дадут высказаться.

Мои похитители синхронно обернулись. Но ничего не успели сделать. Гаррет всадить две пули в Злого Риггза. Да так быстро, что я едва успела зафиксировать это в сознании. Конечно, мне вообще сейчас сложно было на чем-то сосредоточиться, но все же. Злой Мертаф вытащил пистолет и выстрелил, заставив Своупса прижаться к наружной стене. Как же громко, черт возьми! Я пыталась помочь Гаррету, тыкаясь головой в Злого Мертафа, но

от этого только продолжала изучать классные ботинки.

— Круто! — Ангел восторженно прыгал и скакал по помещению, улюлюкая и выкрикивая какие-то междометия. Я все никак не могла его толком увидеть.

Опять раздались выстрелы, и кто-то выбил дверь. У него тоже были клевые ботинки. Блестящие такие. Через секунду меня уже развязывал Гаррет. На нем были пыльные ботинки и джинсы. У моих ног валялся мертвый Злой Риггз. Кажется. А может, и не мертвый. То есть с открытыми глазами, глядящими в никуда, он очень смахивал на мертвого, но делать поспешные выводы я не имела ни малейшего желания.

— Он выбрался через черный ход, — сказал Гаррет чуваку с классными ботинками.

Надо же, с какими приятными людьми он водит компанию. Мне удалось поднять голову и продержаться так достаточно долго, чтобы узнать смертельно опасного типа из трех мушкетеров, которые прошлым утром вломились ко мне в квартиру. С тех пор он не очень-то изменился.

— Мистер Чао! — Моему удивлению не было предела. — Как вы меня нашли, ребята?

— Мы с мистером Чао обменялись номерами, когда я засек его у тебя на хвосте, — ответил Гаррет, совершенно запутавшись в веревках. Наконец он сдался и достал откуда-то крайне недружелюбного вида нож.

— То есть когда ты сидел у меня на хвосте?

— Ну да. Он за тобой тоже следил уже несколько дней.

— Мистер Чао, — чопорно начала я, — я понимаю, задница у меня что надо, но все-таки какого хрена?

— Нам пойти за ним? — спросил мистер Чао с мягким кантонским акцентом.

Гаррет разрезал веревки, и я навалилась прямо на него, как тряпичная кукла.

— Куда, черт возьми, подевались мои кости? — спросила я. Ну и как теперь на ноги встать?

— Пойди. И приятеля своего захвати, — ответил Гаррет мистеру Чао.

Ну и ладненько, мой вопрос все равно был риторическим.

Я взглянула на Фрэнка Смита, босса мистера Чао. Темно-серый костюм сидел на нем безупречно и выглядел так же. На его губах блуждала улыбка, словно он только ради таких моментов и жил.

— А я отвезу Чарли в безопасное место, — продолжал Гаррет.

— «Сочное» белье на вас? — спросил Смит. Его явно развлекало все происходящее.

— Как вы меня нашли?

Смит кивнул, давая понять, что я наконец получу ответ.

— Мистер Чао заметил двух мужчин, которые укладывали нечто большое в багажник припаркованной позади вашего дома машины.

— Большое? — оскорбилась я.

— Он позвонил мне, — влез Своупс, пытавшийся помочь мне стоять ровно, — и попросил проверить твою квартиру, пока он сам проследит за машиной. На всякий случай. Ясное дело, дома тебя не оказалось.

— К тому времени, как мы убедились, что вас похитили, мистер Чао позвонил и мне, и мы все встретились вон за тем холмом, — Смит указал на разбитое окно, но я увидела только яркое пятно.

— Копы уже в пути, — добавил Гаррет.

— Чарли, — позвал Ангел обалдевшим голосом за секунду до того, как на нас

обрушился град пуль.

***

Гаррет толкнул меня на пол за вонючим матрасом и железной кроватьной рамой с вырванными пружинами. Мистер Чао и Смит тоже метнулись в укрытие. Шум в помещении стоял чудной. Автоматная очередь обгоняла собственное эхо, пока пуля за пулей дырявили гипсокартонные стены, старую мебель и со звоном рикошетили от допотопной раковины. Потом все стихло. Я решила, что кто-то перезаряжает оружие. Послышалось ворчание мистера Чао. Его ранили, но я не могла сказать, насколько серьезно.

— Надо вызвать подмогу, — сказала я Гаррету, пытаюсь встать на ноги.

— Чарли, черт возьми! — Своупс толкнул меня обратно за сломанную ржавую кровать. — Сначала надо придумать, что делать.

— Даже не знаю, может, прихватим мистера Чао и унесем отсюда ноги к чертовой матери? — Наверное, скачок адреналина как-то договорился с моим языком, потому что на сей раз никаких проблем с выражением собственного мнения у меня не возникло.

Гаррет вообще не обратил на меня внимания. Неужели он серьезно? Опять будем линейками меряться?

— Если переждем, копы будут с минуты на минуту, — сказал он.

— А если мы возьмем мистера Чао и унесем отсюда ноги к чертовой матери через заднее окно, то переждать и снаружи сможем.

Над нашими головами взорвалась еще одна автоматная очередь. Пули летели во все стороны.

— Сукин сын, — прорычал Гаррет, — кто там стреляет?!

— Ах да, я забыла сказать: он назвал мне свое имя. Его зовут Давай-уносить-отсюда-ноги-к-чертовой-матери Старый-пердун.

— Вот, держи, — он завел руку себе за спину.

— Надеюсь, это билет на Давай-уносить-отсюда-ноги-к-чертовой-матери?

Своупс сунул мне в левую руку маленький пистолет.

— Чувак, я же правша.

— Чарли, — раздраженно процедил он.

— Да я просто говорю...

— Оставайся здесь, — велел он и встал на колени, видимо, готовясь совершить нечто героическое.

Первая же пуля, нашедшая цель где-то внутри тела Гаррета, привела меня в состояние полнейшего шока. Мир замедлился, когда я слышала, с каким звуком металл погрузился в плоть. Гаррет смотрел на меня с застывшей на лице маской недоумения. Когда вторая пуля врезалась в него, он посмотрел вниз, пытаясь найти входное отверстие. К тому времени, как он схлопотал третью пулю, я уже знала, что должна делать.

Выпустив еще несколько очередей по стене позади нас, стрелявший остановился, и, по всей видимости, сменил позицию, потому что теперь пули летели строго в моем направлении.

Присев на корточки, я обняла колени и стала ждать. Гаррет припал к стене, стиснув от

боли зубы. Пули вырывали целые куски из износившегося гипсокартона, отскакивали от металлической раковины и проходили сквозь трухлявую мебель, словно та была бумажной. Помещение стало похоже на несчастную жертву пятничной вечеринки с боями на подушках.

И где только носит сына Сатаны, когда он позарез нужен? Может быть, он до сих пор на меня злится. Может быть, он снова не придет, как и в тот раз, когда условно освобожденный зек пытался вынуть мое сердце, но ради Гаррета я была готова рискнуть.

Случиться должно одно из двух. Или меня пристрелят на месте на смерть, или появится Рейес. Если второе, то он всех спасет. Опять. И весь этот оглушительный хаос закончится. Всей кожей я чувствовала рябь воздуха от автоматных очередей, жар пуль, летящих быстрее, чем звуки выстрелов достигали моих нервов.

Закрыв глаза, я прошептала, не слыша саму себя в царящем вокруг шуме:

— Рейазизэль, приди ко мне.

Мимо меня пролетела еще одна очередь. Вторая подобралась ближе. Что ж, следующая попадет мне аккурат в затылок и рассечет шейные позвонки.

Готовясь к смерти, я открыла глаза и заметила, что мир замедляется еще сильнее. Застывшие во времени, в воздухе висели обломки мебели, как будто кто-то закрепил их скотчем. Целая очередь пуль медленно-медленно протискивалась сквозь пространство ко мне. Я посмотрела на ту, что висела ближе всех. Она уж точно до меня доберется. Пуля раскалилась добела. Еще бы, такая скорость полета нагревает металл мгновенно.

Внезапно мир с грохотом обрушился на меня, и я оказалась на полу, сбита с ног невероятной силой. Удар вышиб из меня дух. Пули, на которые я пялилась секунду назад, с треском врезались в стену у меня над головой.

Все стало темнеть. Темнота наползала откуда-то с периферии зрения, подбиралась ближе, обступила меня, сомкнулась надо мной, и я утонула в прекрасном черном забвении.

Казалось, прошло всего несколько секунд. Я открыла глаза и поняла, что лечу к незнакомому потрескавшемуся потолку. Обернувшись, я увидела свое тело и лужу крови, растекающуюся вокруг моей головы. Темный силуэт поднимал меня все выше и выше, к небесам. Я стиснула зубы и сжала кулаки. Чертов дружок Смерть. Вот соберусь и как надеру ему задницу!

Выдернув руки из его мертвой хватки, я понеслась вниз обратно к Земле. Передо мной тут же оказался Рейес в развивающемся черном плаще. Однако я уже успела войти в раж и со всей дури врезала ему в челюсть.

— Это еще за что, черт побери? — спросил он и опустил капюшон, открыв прекрасное лицо.

— Опачки, — я застенчиво пожала плечами. — Я думала, что ты Смерть.

Он улыбнулся, и на щеках появились сногсшибательные ямочки, от которых по мне побежали толпы мурашек.

— Разве это не твое второе имя? — Его брови насмешливо приподнялись.

— Ну да. Я Смерть. Чуть не забыла. — Я посмотрела вниз на собственное тело распростертое на полу в не самой привлекательной позе. — Значит, я умерла?

— Вряд ли. — Он приблизился, взял меня за подбородок и начал вертеть мою голову туда-сюда, оценивая результаты трудов Злого Мертафа. — Надо было вызвать меня раньше.

— Я даже не знала, что у меня получится. Просто взяла и рискнула.

Рейес нахмурился:

— Как правило, тебе и не нужно меня вызывать. Я ощущаю твои эмоции еще до того,

как ты сама их осознаешь.

— Меня накачали наркотиками. Я была счастлива как никогда.

— Понятно. Но в следующий раз зови меня раньше.

Меня обуяли сомнения, и я опустила голову.

— В чем дело? — поинтересовался он.

— Недавно на меня напал чувак с ножом. Насколько я помню, эмоции у меня были кристально чистые. Но ты так и не появился.

— Ты так думаешь?

Я удивленно моргнула:

— А разве ты там был?

— Конечно, был. Но ты и сама прекрасно справлялась.

Я фыркнула:

— По всей видимости, ты пошел к какой-то другой барышне по имени Чарли, потому что меня тот мужик едва не убил, мистер.

— И ты с ним справилась. Кстати, я же тебе говорил.

— Что говорил?

— Что в твоих силах больше, чем ты думаешь. — Самая чувственная улыбка на свете приподняла уголки его губ, когда он приблизился ко мне вплотную. — Намного больше.

— Гаррет! — вдруг вспомнила я и в тот же миг очнулась внутри своего тела рядом со Своупсом. Приподнявшись, я огляделась в поисках Рейеса. Неужели я все напридумывала? На меня это похоже. Звуков стрельбы больше слышно не было. — Что случилось? — спросила я у Смита.

— Стрелявший мертв, — ответил тот, помогая подняться мистеру Чао. — Копы вот-вот приедут, поэтому мы уходим.

— Погодите, вы его остановили?

Придерживая одной рукой, он поднял ворчащего мистера Чао на ноги.

— Не я.

— Минуточку, а как же Гаррет?

Смит медленно продвигался к двери с мистером Чао. К самому выходу подъехал джип. За рулем сидел Андре Гигант, он же Ульрих, — третий из их компашки.

— Копы появятся в любую секунду. Прижмите раны.

— Спасибо, — сказала я его спине.

Повернувшись к Гаррету, я поняла, что кровь, которая растекалась вокруг моей головы, вовсе не моя, а его. Я нашла самую страшную на вид рану и руками прижала ее, как и было велено.

Национальное общество сарказма: можно подумать, нам нужна ваша поддержка.

Наклейка на бампер

Было уже поздно, когда я тайком пробралась в палату Гаррета. Он до сих пор спал, поэтому я решила совершить налет на его поднос с едой. Мне диагностировали сотрясение мозга, ему — три огнестрельных ранения. Так что он выиграл. На этот раз.

— Что делаешь? — спросил он хриплым от усталости и лекарств голосом.

— Ем твоё мороженое, — ответила я с полным ртом ванильного великолепия.

— Почему ты ешь моё мороженое?

Вот всегда он задает самые тупые на свете вопросы.

— Потому что своё я уже съела, тупица.

Своупс рассмеялся и тут же сморщился от боли. Целую вечность его продержали в операционной, потом в палате интенсивной терапии, а теперь перевели в обычную палату, потому что, несмотря на серьёзную потерю крови, его раны больше не представляли опасности для жизни.

— Пришла забраться мне в штаны? — поинтересовался он.

— Нет на тебе никаких штанов, — услужливо напомнила я. — На тебе девчачья ночнушка со встроенной вентиляцией для задницы.

На мне был точно такой же прикид, но Куки мне хоть трусы привезла.

Лечащий врач неохотно отпустил меня домой, строго-настрого наказав Куки и Дибби не давать мне спать в течение двенадцати часов. Сейчас он заполнял какие-то бумажки. Было уже поздно, и ничто не заставляло меня сидеть в больнице, в то время как мой компьютер скучал дома, а посидеть я могла там не хуже, чем здесь. К тому же дома можно было пялиться на фотки Рейеса в сети.

Отложив мороженое, я залезла на койку к Гаррету.

— Ты же не станешь тянуть на себя одеяло?

И почувствовала присутствие Рейеса. Ощутила, как он напрягся, когда я залезла к Своупсу. Неужели ревнует? К Гаррету? Я здесь только ради того, чтобы поддержать и утешить друга. Точка.

— Мне очень неудобно, — проворчал Своупс.

— Не смейся. Всем удобно от одного моего присутствия.

— Да не особенно.

Протянув руку над его головой, я уткнула его носом себе в плечо.

— Ай.

Я закатила глаза:

— Не выеживайся.

— Мне прострелили плечо, к которому ты прижимаешься.

— Ты на болеутоляющих, — парировала я, не очень ласково глядя его по голове.

— Они давно во мне растворились.

— Видимо, здравомыслие не твой конек, верно? — С громким вздохом я отпустила его голову и отодвинулась к краю. — Лучше?

— Будет, если дашь потрогать Угрозу и Уилл Робинсон.

Не обращая внимания на то, как затрещала в палате атмосфера от едва сдерживаемого гнева, я прикрыла девочек руками.

— Конечно же... нет, — заявила я и хлопнула его по руке с капельницей.

Гаррет снова рассмеялся и схватился за бок. Придя в себя, он поинтересовался:

— Кроме груди и яичников, другим частям тела ты тоже дала имена?

Буквально на прошлой неделе я познакомила его с Угрозой, Уилл Робинсон, Улыбнись и наконец со Скотти.

— Ну, недавно, например, я окрестила пальцы на ногах, когда накидалась «Маргаритой» и играла в бутылочку.

— Познакомишь меня с ними?

Я села и принялась стягивать носки. От моих манипуляций кровать дергалась, заставляя Гаррета время от времени едва слышно вздыхать от боли.

— Ну ты и нытик, — пристыдила его я, снова укладываясь рядом, и подняла ноги. — Итак, начиная с мизинца на левой ноге, знакомься: Глупыш, Док, Ворчун, Счастливчик, Скромняга, Чихоня^[24], Соня, Королева Елизавета Третья, Сексапильная Святая Заступница Обалденных Задниц и Пинки^[25] Флойд.

— Пинки Флойд? — переспросил Своупс после недолгих раздумий.

— Ну да, как группа, только не совсем.

— Понятно. А у пальцев на руках тоже имена есть?

Повернувшись, я наградила его скептическим взглядом.

— Это самая большая нелепица, которую мне доводилось слышать в жизни.

— Это еще почему? — разобиделся Гаррет.

— С чего вдруг мне давать имена пальцам на руках?

— Кто тебя знает, — отозвался он, с трудом проговаривая согласные.

Его взгляд был затуманен лекарствами, и я поняла, что начала действовать последняя доза морфия.

Прижавшись к нему, я чмокнула его в щеку как раз в тот момент, когда его глаза закрылись. Я ожидала очередной вспышки гнева Рейеса, но вдруг осознала, что его нет. Вместе с его уходом у меня в груди воцарилась пустота.

***

После бесконечной череды больниц, униформ и вопросов меня наконец отпустили на собственное попечение. Поскольку я понятия не имела, что такое попечение, то решила, что будет нечестно считать меня ответственной за провал дела. Которое я провалю однозначно. Состояние Гаррета оставалось стабильным, а меня опять заклеили суперклеем. То есть мою голову. Тупая пульсирующая боль не давала забыть, каково это — получать по башке.

Когда в заброшенный отель прибыли копы, стрелявший был мертв. Его шея была сломана. По всей видимости, это случилось, когда он свалился с багажника своей тачки,

откуда по нам и стрелял. Ладно, я могу такое съесть и не подавиться. Я сказала полицейским, будто Гаррет волновался, что меня похитили, потому и поехал за теми мужиками. Убедившись, он вызвал полицию и во всеоружии явился меня спасать. Тогда-то и застрелил одного из похитителей. Злого Риггза.

Однако у мужика со свернутой шеей, которого нашли на улице, глаза были не голубые. А значит, это был не Злой Мертаф, он же один из липовых агентов ФБР. Того, что пристрелил Гаррет, я знала как агента Фостера. Он оказался мелким преступником из Миннесоты. Тогда куда делся второй «федерал»? Специальный агент Пауэрс? Должно быть, успел слинять. Потому что стрелка со сломанной шеей я никогда в жизни не видела.

От поклонника «сочного» белья мистера Смита не было ни слуху ни духу, поэтому мне оставалось только надеяться, что с мистером Чао все в порядке. Попросить дядю Боба проверить больницы, чтобы найти его, я не могла, иначе он бы узнал, что в представлении участвовало больше людей, чем я рассказала. Если они не хотят светиться, то кто я такая, чтобы болтать о них направо и налево?

Куки с Дибби провожали меня домой. Перед дверью миссис Аллен я остановилась и постучала. Было очень поздно, но я-то знаю, что по ночам она бродит по своей квартире с одной ей известной целью. А мне нужно было убедиться, что она не пострадала, когда меня похитили. Она приоткрыла дверь.

— Миссис Аллен, с вами все в порядке?

Она кивнула. Лицо ее выражало страх и сожаление. Я выяснила, что она позвонила в полицию, как только меня забрали, но не смогла описать ни похитителей, ни их машину. По крайней мере она пыталась мне помочь.

— Ясненько. Если вам что-нибудь понадобится...

— Ты как? — спросила миссис Аллен дрожащим от возраста и беспокойства голосом.

— Все прекрасно, — ответила я. — Как Пипи?

Она бросила взгляд через плечо.

— Он очень волновался.

Я выдавила самую широкую, самую ободряющую улыбку, на какую была способна.

— Передайте ему, что со мной все в порядке. И большое спасибо, что позвонили в полицию, миссис Аллен.

— Они тебя нашли?

— Они меня нашли.

Дибби и Куки сопровождали меня в мою квартиру, а я решила, что больше никогда не буду недооценивать миссис Аллен и ее пуделя.

— Кажется, нас ждет много-много кофе.

— Не смей, — сказала я, когда Куки направилась к творцу. Конечно до Творца, который Господь Бог, ему далеко, но кофе мистер Кофе творит великолепный. — Пойди отдохни. Обещаю, что не буду спать, но больше на ногах ты не прстоишь ни минуты.

Было почти двенадцать ночи, а неделька выдалась самая нелегкая в моей жизни. Конечно, если не считать того раза, когда я расследовала исчезновение туриста во время Марди Гра^[26].

Куки и дядя Боб обменялись сомневающимися взглядами.

— Давай я первый ее постерегу, — предложил он ей, — а ты передохни немного. Через пару часов я тебя разбужу.

Поджав губы, Куки все равно подошла к кофеварке.

— В любом случае, кофе не помешает. А вы обещайте разбудить меня ровно через два часа.

В ответ Дибби ухмыльнулся. Ухмыльнулся! Он флиртовал! Бога ради, у меня же сотрясение, меня и так подташнивает. А она взяла и улыбнулась ему в ответ. Точно так же. Фу-фу-фу!

— Это еще что? — резко спросила Куки.

— А что там?

— Записка. Откуда она взялась?

Наверняка она имела в виду записку с угрозами, которую я нашла этим утром.

— Я же тебе рассказывала, — ответила я самым невинным на свете голосом.

Стиснув зубы, она медленно пошла ко мне, размахивая запиской.

— Ты спросила, не оставляла ли я тебе записку. И ни слова не сказала о том, что в ней угрожают твоей жизни.

— Что?! — Дибби вскочил с дивана, куда только что уселся, и выхватил записку. Прочитав ее, он с упреком воззрился на меня. — Клянусь, Чарли, не будь ты моей племянницей, арестовал бы тебя за препятствие правосудию.

— С чего вдруг? — возмутилась я для проформы. — На каких, черт возьми, основаниях?

— Это улика. Ты должна была рассказать мне о записке, как только она появилась.

— Ха. — Сейчас я им всем покажу! — Я понятия не имею, когда она появилась. Она лежала на кофеварке, когда я проснулась.

— В твою квартиру кто-то проник? — изумился Дибби.

— Ну, я, кажется, никого не приглашала.

Он повернулся к Куки.

— И что нам с ней делать?

Та все еще пыталась испепелить меня взглядом.

— Думаю, уложу ее к себе на колени и отшлепаю.

Дядя Боб просиял. Неужели Куки жизнь совсем не учит?

— Можно мне посмотреть? — поинтересовался он.

Словно меня тут вообще не было.

Куки хихикнула и вернулась к мистеру Кофе. Блаженный шоколад! Все это не может происходить на самом деле.

***

В дверь ванной постучали.

— Чарли, солнышко?

— Да, Дибби, дорогуша?

— Ты не спишь?

Смешной он у меня.

— Сплю, — ответила я, смывая мыльную пену со спины.

Раздраженный вздох я даже через дверь слышала, а потом Дибби снова заговорил:

— Меня вызывают в участок. Похоже, у нас что-то есть по делу Кайла Кирша. — Слова «Кайла Кирша» он произнес шепотом, и я чуть не прыснула со смеху. — Я поставил двоих

ребят следить за домом. Одного пошлю к тебе.

— Дядя Боб, я обещаю не спать. Мне еще нужно кое-что проверить. — Например, еще раз поглазеть на сногсшибательную фотосессию мистера Рейеса Александра Фэрроу из серии «Шальные парни». За фотки его задницы я и сама бы отвалила целое состояние. — Все будет путем.

Несколько долгих секунд он раздумывал и наконец согласился:

— Ладно. Я мигом. Одна нога там, другая здесь. На всякий случай предупрежу ребят, вдруг тебе что-то понадобится. И не засни.

Я захрапела. Громко.

— Уморительная ты барышня, — сказал Дибби, но я чувствовала, что восхищается он вовсе не искренне.

Надеясь на качество суперклея, я как можно осторожнее вымыла волосы. Кто бы знал, что обзавестись сотрясением так больно? Пришлось сесть, чтобы побрить ноги. Мир продолжать крениться вправо, поэтому стоять на одной ноге было самоубийством. Все-таки отходняк — редкая гадость.

Я как раз собиралась выключить воду, когда ощутила его присутствие. Пробирающий до костей жар устремился ко мне. Воздух потрескивал, как от электричества. Меня окружил земной запах, такой, какой бывает в полночную грозу, и я глубоко вдохнула. Я слышала, как бьется его сердце. Сильные удары наполняли атмосферу и эхом отдавались у меня в груди. Прекрасный звук. Дождаться не могу, когда увижу его настоящего. Из плоти и крови.

Он не сказал ни слова, не попытался подойти ближе. Я уже подумала, нет ли у него еще одной суперсилы, и поинтересовалась, шутя лишь наполовину:

— Ты умеешь видеть сквозь шторку?

Послышалась звон металла, а через мгновение срезанная с карниза шторка с мягким шуршанием опустилась на пол.

— Теперь могу, — сказал он с кривоватой ухмылкой, от которой запнулось мое сердце.

Меч исчез в складках плаща, а потом и сам плащ испарился, открыв моим глазам холмы и долины мощного тела. На Рейесе была все та же футболка, только без пятен крови. Но я знала: если что-то заставит его прийти в себя, там, где сейчас он на самом деле находится, я снова увижу растерзанную жертву пыток, в которую превратилось его человеческое тело. Живот скрутило от этой мысли, и я задвинула ее подальше. Мне давали еще один шанс. Еще одну возможность убедить его рассказать мне, где он. И я была готова на все — от взятки в любой форме до хладнокровного шантажа.

Выключив воду, я потянулась за полотенцем. Рейес отобрал его у меня. Я стояла перед ним голая и мокрая, чувствуя, как капает с меня вода. Что ж, воспользуюсь ситуацией по полной.

— Этого ты хочешь? — спросила я, разведя руки, чтобы показать ему всю себя. Оставалось надеяться, что он ничего не имеет против суперклея, потому что оттереть эту фиговину не так уж просто.

С голодным взглядом он шагнул вперед и обнял меня. На несколько секунд замер, пристально вглядываясь мне в глаза, словно ему было любопытно. Потом провел пальцами по моей щеке, по губам. Я заметила, что глаза его цвета кофе, обласканного солнечными лучами. В них блеснули золотистые и зеленые искорки, а через мгновение Рейес закрыл глаза и прижался ко мне губами. Поцелуй был обжигающим. Его язык раздвинул мои губы и скользнул мне в рот. На вкус он был темным и опасным.

Одна рука опустилась и накрыла мою ягодицу, в то время как Рейес прервал поцелуй и принялся губами искать пульс на моей шее. От удовольствия меня била дрожь. Пришлось собрать в кулак всю силу воли до последней капли, чтобы прошептать ему на ухо:

— Ты можешь получить меня, всю меня, после того как скажешь, где ты.

Он застыл, помолчал немного, переводя дух, затем отступил на шаг и, прищурившись, посмотрел на меня.

— После того как скажу?

— После того как скажешь.

В мгновение ока в ванной стало холодно. Я разозлила его, и мы опять оказались в тупике. Я забеспокоилась, не взорвется ли он на этот раз. В наших отношениях столько не сочетаемых нюансов!

— Ты используешь свое тело, чтобы добиться того, чего хочешь?

— Не задумываясь.

Ему было больно. Я чувствовала эхо его боли всем своим существом. Он снова приблизился, наклонился ко мне так, что до моего лица оставалось каких-нибудь два сантиметра, и тихо сказал нежнейшим из голосов:

— Шлюха.

— Теперь можешь уходить, — отозвалась я, не в состоянии побороть укол боли, вызванный его заявлением.

Он исчез, оставив меня в горькой пустоте. А потом меня осенило. Шлюха, то бишь, хм-м, проститутка. И кинозвезда. О чем я раньше-то думала?

***

— Куки, просыпайся скорее.

Я трянула ее так, что у нее застучали зубы, и метнулась к шкафу.

Куки резко села в постели и сдвинула на лоб очки для сна. Прямо как мультяшный персонаж. Я бы рассмеялась, если бы не трещала голова, обремененная сотрясением. Но хихикнуть я смогла.

— У тебя на голове взрыв макаронной фабрики.

Смущенно пригладив волосы, она покосилась на меня.

— Что случилось?

— У меня появилась идея.

— Идея? — Целую минуту она сверлила меня сердитым взглядом, пока я не нашла трусы, которые тут же полетели ей в лицо.

Ну не смогла я удержаться. Едва успев глубоко вдохнуть, я согнулась пополам от хохота. В основном потому, что месть — это блюдо, которого подают холодным. Ну или хотя бы чуточку остывшим. Тогда она вкуснее всего.

— Тебе надо поработать над меткостью, — проворчала Куки, снимая с головы трусы и сонно хмурясь.

— Чтоб ты знала, с меткостью у меня все в порядке.

В моей голове назревала ядерная катастрофа, пока мы с Куки выходили из дома через заднюю дверь и в обход подбирались к Развалюхе, чтобы не наткнуться на копов, о который

говорил Диби. Мне было не по себе, но я очень сомневалась, что полицейский эскорт как-то поможет мне в задуманном.

Когда мы подъехали к кафе «Шоколадный кофеек», Куки с надеждой посмотрела на меня.

— Мы что-то пропустили? У тебя появились новые зацепки?

— Не совсем. — Я повернулась к ней перед тем, как выйти из машины. — У меня возникла идея. Но для Нормы, Брэда и любого, кто может оказаться внутри, все будет выглядеть очень странно, поэтому мне нужна твоя помощь.

— Что угодно, если не придется танцевать у шеста.

Мы вошли в кафе и осмотрелись. Была смена Нормы, но кто сейчас на кухне, мы не видели. А еще в самом неудобном месте сидели двое посетителей. Но с этим я разберусь позже.

Я кивнула в сторону стойки, и мы с Куки двинулись туда. У стойки стояла моя кинозвезда, опираясь на локти и скрестив ноги. Коричневая шляпа и длинный плащ явно были прямиком из сороковых. Ни дать ни взять Хамфри Богарт. Я даже немножко обалдела при виде его. Мы с Куки в Хамфри капельку влюблены.

Я уселась на табурет прямо рядом с ним, и ко мне тут же подошла Норма.

— Приветтики, девочки. Нашли кого искали?

Куки села рядом со мной, но не с той стороны. Я схватила ее за куртку под стойкой и обвела вокруг себя.

— Нет, — печально ответила я Норме, — все еще ищем.

Поцокав языком, Норма без вопросов налила нам две чашки. Меня немного беспокоила мысль пить кофе с пульсирующей болью в голове, но отказаться от кофе все равно что отказаться от мира во всем мире. Любой бы на моем месте согласился, чем принес бы кучу пользы всему человечеству. Поэтому, оказавшись перед выбором, я с чистым сердцем сказала кофе «да».

Усевшись, Куки нервно взглянула на меня.

— Слова помнишь? — спросила я ее.

Она нахмурилась, но все же начала играть свою роль и кивнула.

Я улыбнулась:

— Замечательно. Нам надо выучить роли до завтрашней генеральной репетиции.

— Точно. — Она нервно захихикала. — Генеральная репетиция.

— Где-то играете? — поинтересовалась Норма, подавая нам меню.

— Ага, ставим маленький спектакль. Ничего особенного.

— Чудесно, — отозвалась она, отходя, чтобы вытереть столики. — Я немножко играла в старших классах. Позовите, когда будете готовы сделать заказ.

— Спасибо.

Я повернулась к Куки. Богарт стоял между нами. Он бросил на меня взгляд исподлобья.

— Привет, — поздоровалась я, стараясь казаться безобидной.

Он повернулся ко мне и сердито поджал губы:

— Из всех кафе во всех городах мира она пришла в мое.

Мое сердце пропустило удар. Он так похож на Богарта! Меня просто убивало, что Куки его не видит.

— Пришла забрать мою душу? — спросил он.

Меня немного удивило, что он в курсе, чем я занимаюсь.

— Если вы не против, — ответила я, потом вытащила из кармана фотографию Мими и протянула ему. — Вы видели эту женщину?

Он отвернулся и уставился на окошко Брэда.

— Я не очень-то смотрю по сторонам.

Я улыбнулась:

— Но на меня же вы смотрели.

— Тебя сложно не заметить.

Что ж, это честно.

— Почему вы не хотите перейти?

Он пожал плечами:

— А у меня есть выбор?

— Ну конечно. Сами посмотрите — косы у меня нет, так что я не могу вас заставить.

Он удивленно уставился на меня.

— Милочка, ты-то как раз единственная, кто может.

Спорить с ним мне не хотелось.

— Если не хотите перейти, я не буду вас заставлять.

Я посмотрела сквозь него на Куки. Она молча кивала, будто оценивая мою игру. Я фыркнула, она смущенно огляделась и процедила сквозь зубы, чтобы никто не заметил:

— Ты надо мной смеешься?

— Нет, — заверила я ее и снова переключилась на Богарта.

— Крошка!

Повернувшись, я улыбнулась голове Брэда, торчащей в кухонном окне.

— Ты вернулась ко мне.

— Естественно, — ответила я. — И я голодна, красавчик.

— Ты только что произнесла волшебные слова, крошка, — заявил он с самоуверенной ухмылкой и нырнул обратно в кухню, чтобы приготовить одному богу известно что.

Я же была на сто процентов уверена, что с его плиты сойдет настоящий шедевр.

— Иногда, — обратилась я к Богарту, — наша память прячется под слоем времени и разных переживаний. Когда люди переходят, я могу увидеть их воспоминания. Я надеялась, что вы, возможно, видели Мими или что-то еще, что могли не заметить остальные. Если вы перейдете через меня, я смогу посмотреть ваши воспоминания, поискать в них Мими. Но заставлять вас я не стану. — Я решила не упоминать о том, что никак не могу это сделать.

Он покачал головой:

— Меня там никто не ждет.

— Ерунда. Каждого кто-нибудь ждет. Вот увидите, у вас обязательно есть такой человек.

— Знакомых у меня полно, — сказал он, после чего глубоко вздохнул. — Если там все так же, то, думаю, я пас.

У меня заболело сердце. Он знал, что его ждут, но считал себя не достойным перейти. В прошлом он совершил нечто такое, что привело к отчуждению, и я подозревала, что это касается его семьи.

Я надеялась, мне удастся его уговорить. Он не осознает, чего лишается, оставаясь привязанным к земле. Но у него свои мотивы, и я не собиралась на него давить.

— Когда будете готовы, я к вашим услугам, — сказала я, положив ладонь ему на руку.

Он посмотрел вниз, поднес к холодным губам мою руку и, запечатлев на пальцах

поцелуй, исчез.

Я расстроено посмотрела на Куки:

— Не купился.

— Ты можешь видеть их воспоминания? — восхищенно спросила она.

Ума не приложу, почему она до сих пор чему-то удивляется.

— Могу, но я никогда не пыталась просматривать их, чтобы найти что-то конкретное. И все-таки мне кажется, у меня получится. Стоит попробовать. И есть еще кое-кто, с кем я хотела бы перекинуться словечком.

Я жестом показала ей брать кофе и идти за мной. В просторном помещении с кабинками вдоль стен легко умещалась дюжина столиков. Свет был приглушен. У большого зеркального окна с видом на перекресток перешептывалась молодая парочка. За столиком в дальнем углу сидела женщина, смахивающая на проститутку, давно и прочно подсевшую на наркотики. Судя по виду ее кожи, я бы сказала, что наркоты в ее жизни было немало.

Показав глазами на стул, я взглянула на Куки и с сожалением предупредила:

— Тебе будет холодно.

Однако на нас уже странно поглядывала Норма, и мне было необходимо, чтобы Куки сидела напротив меня, пока я буду разговаривать с призраком.

Словно идя по яичной скорлупе, она шагнула вперед и вся съежилась, сев за стол. Женщина просочилась сквозь нее, совершенно не обращая внимания на факт вторжения в ее личное пространство.

— Мне очень и очень не по себе, — проговорила Куки.

— Знаю, и мне очень жаль.

— Нет-нет, — назидательно сказала она, — ради Мими я готова делать это целый день. А ты давай щелкай пальцами, твори свое волшебство и выясни наконец, где она прячется.

Я усмехнулась и села напротив нее.

— Заметано.

Женщина смотрела в окно. Ее руки лежали на столе, и она то и дело терла запястья. Внезапно я поняла, что она резала себе вены. Правда, раны свежими не были и даже успели зарубцеваться, так что умерла она не от этого. Что бы ни прикончило эту женщину, по виду можно было утверждать, что жизнь ее немало потрепала.

— Солнышко, — сказала я, взяв ее за руку. Она прекратила пялиться в одну точку и перевела на меня пустой взгляд. — Меня зовут Шарлотта. Я пришла, чтобы тебе помочь.

— Ты такая красивая! — Она подняла руку к моему лицу и погладила по щеке. — Как тысячи звезд.

Я улыбнулась:

— Если хочешь, можешь перейти через меня.

Она отдернула руку и покачала головой:

— Не могу. Я попаду в ад.

Потянувшись к ней, я взяла ее за руки.

— Ничего подобного. Если бы тебе суждено было оказаться в аду, ты бы уже была там. Я, конечно, не эксперт, но ад способен и без меня о себе позаботиться.

Губы ее задрожали, и на ресницах выступили слезы.

— Значит... значит, я не отправлюсь в ад? Но я думала... раз я не попала в рай...

— Как тебя зовут?

— Лори.

— Лори, должна признаться, даже я не всегда понимаю, почему кто-то не переходит сразу. Чаще всего это случается, когда умерший оказывается жертвой жестокого преступления. Можешь рассказать мне, как ты умерла?

Куки обняла себя, борясь с холодом.

— Я не помню, — ответила Лори, подаваясь вперед, и крепко сжала мои пальцы. — Зная меня, наверняка от передозировки. — Она бросила на меня пристыженный взгляд. — Я была не самым хорошим человеком на свете, Шарлотта.

— Уверена, ты делала все, что могла. И, очевидно, кто-то тоже так считает, иначе, как я уже сказала, ты бы отправилась в другой пункт назначения. Но ты здесь. Наверное, ты просто запуталась. — Я вытащила фотографию Мими и показала Лори. — Ты видела эту женщину?

Она прищурилась и снова покачала головой:

— Кажется знакомой, но не уверена. Я не всегда обращаю внимание на людей. Они так далеко...

— Если ты решишь перейти, можно мне посмотреть твои воспоминания и попытаться найти ее в них?

Лори удивленно моргнула.

— Конечно. А это возможно?

— Понятия не имею, — усмехнулась я.

Она улыбнулась:

— Что я должна делать?

Я поднялась с места.

— Пройди прямо сквозь меня. Остальное произойдет само собой.

Глубоко вздохнув, она тоже поднялась. Воздух вокруг нас так и дышал волнением. Я была за нее рада. Она казалась такой потерянной. Может быть, как раз об этом мне постоянно талдычит Рокет. Может быть, многие из оставшихся просто потерялись, и я должна искать их, а не они — меня. Но как? На ум приходят только бесконечные скитания по стране.

Мне нужно было сосредоточиться, чтобы найти Мими в воспоминаниях Лори. Я сделала глубокий вдох. Лори шагнула ко мне и прошептала:

— Боже мой...

На меня лавиной обрушилась вся ее жизнь. С того момента, как ее еще ребенком мать продала на день соседу, чтобы свести концы с концами, до выпускного класса, когда одноклассники таскали ее за волосы у шкафчиков. Но печальные картины быстро сменились радостью, когда я увидела, как она победила в конкурсе стихотворений. Ее напечатали в местной газете, даже с фотографией. Никогда в жизни она так собой не гордилась. Решив начать все сначала, она поступила в колледж. Но за семестр быстро отстала, и тяжелый груз неудач глубоко пустил корни. Она вернулась к жизни, которую знала. Снова стала жить на улицах, продавая себя первым встречным за очередную дозу. И умерла от передозировки в грязном номере дешевого отеля.

Мне пришлось проталкиваться через множество важных воспоминаний, чтобы просмотреть все, пока Лори не ушла окончательно. Я нашла ту часть, когда она впервые вошла в это кафе. Она села за столик и больше никогда не вставала, закрывшись в себе на долгие годы. Я продвинулась дальше. Один за другим менялись ее «ухажеры». Так много, что не сосчитать. Я вызвала в воображении образ Мими и увидела в воспоминаниях Лори,

как в кафе заходит женщина, споткнувшись на пороге. С огромными глазами, полными страха.

Она села за столик и стала ждать, провожая взглядом проезжающие за окном машины. Наконец, нервы ее сдали, она схватила со стойки запакованный маркер и помчалась в туалет. Через минуту туда вошла еще одна женщина, и Мими бросилась к выходу, где ее поглотила ночь.

Глотнув воздуха, я открыла глаза и схватилась за грудь, словно меня только что вытащили из бассейна, в котором я тонула. Наполнив легкие кислородом, я упала на стул, удивленно моргая. Получилось. Я смогла просмотреть воспоминания другого человека. Пришлось побороть печаль, которая угрожала переполнить меня до краев. Жизнь у Лори была не сахар. Но теперь она однозначно в лучшем месте, как бы банально это ни звучало.

И я ее нашла. Нашла Мими.

Я взглянула на Куки, с трудом сдерживая улыбку.

— Позволь-ка мне кое о чем тебя спросить, — сказала я, затаив дыхание.

— Давай.

— Будь ты женой преуспевающего бизнесмена с шикарным домом и замечательными детьми, которых ты любишь больше жизни, где, по-твоему, тебя станут искать в последнюю очередь?

Лицо Куки выражало все надежды мира.

— Сработало?

— Сработало.

Я глянула в окно и кивком указала на улицу.

— Приют для бездомных? — недоверчиво спросила она.

Я снова повернулась к ней и пожала плечами:

— Идеальное место. Поверить не могу, что не додумалась раньше. Все это время она была прямо у нас под носом.

— Но... о боже мой! Что нам теперь делать? — Куки постучала ладонями по столу, излучая мегаватты энтузиазма.

— Пойдем поздороваемся.

*Вы же знаете, что с хорошими людьми
часто происходят плохие вещи? Ну вот, я одна из таких вещей.*

Надпись на футболке

Проходя мимо стойки, я положила на нее двадцатку.

— Брэд, упакуешь заказ на вынос?

Он высунул голову в окно и вопросительно развел руками.

— Мы скоро вернемся, — объяснила я.

Перебежав через проезжую часть, мы оказались перед кирпичным зданием с решетками на окнах и огромной металлической дверью. Начинал накрапывать дождик.

— Кажется, тут закрыто, — заметила Куки, переводя дух у меня за спиной.

Я постучала в дверь, подождала несколько секунд и снова постучала. Через пару долгих минут нам открыл Халк с заспанными глазами.

Я решила улыбнуться. В основном потому, что попасть ему под горячую руку не было ни малейшего желания.

— Привет. — Я протянула удостоверение. — Я Шарлотта Дэвидсон, а это Куки Ковальски. Я частный детектив, работаю с управлением полиции Альбукерке над одним делом. — Соврала я только наполовину. — Можно с вами поговорить?

— Нет.

Понятно, Халк становится ворчливым, если его будят среди ночи. И почему об этом ни разу не упомянули в кино? Надо написать продюсерам. И его определенно ни капельки не впечатлило мое удостоверение. Я выудила двадцатку.

— Мне нужно задать всего пару вопросов. Я разыскиваю пропавшую женщину.

Выдернув двадцатку из моих пальцев, Халк уставился на меня, видимо, ожидая, когда я начну играть в вопросы и ответы.

— Ах да. — Я достала из сумки фотографию Мими. — Вы видели эту женщину?

Он изучал снимок целую вечность. Глубоко вздохнув, я вручила ему еще двадцать баксов. Если так и дальше пойдет, придется искать банкомат или объявить себя банкротом и делать ноги со скоростью света.

— Возможно, — протянул Халк, взял у меня фото и присмотрелся внимательнее. — Ну да. Это Молли.

— Молли?

Что ж, в этом есть смысл, раз на самом деле ее зовут Мими. Ей было бы сложно привыкнуть откликаться на нечто вроде Гвиневры или Хильдегарды.

— Ага, сто процентов. Но сейчас все спят.

— Послушайте, вы же в курсе, что в любую секунду нам на голову может свалиться ядерная бомба и заодно всех нас в зад поцеловать? И нельзя откладывать прощание до утра и все такое?

Он рассмеялся. Кто сказал, что у Халка нет чувства юмора?

— А ты веселая.

— Ага. Теперь представь, что я ядерная боеголовка. До утра ждать никак не могу.

— То есть вам надо увидеться с ней прямо сейчас?

Черт возьми, какой сообразительный.

— Не прошло и полгода. Да ты, никак, гений?

Он нахмурился, пытаясь понять, не смеюсь ли я над ним.

Я подалась вперед:

— Может, после всего этого мы с тобой зависнем вон в той кафешке и выпьем по чашечке кофе?

— Ты не в моем вкусе.

Проклятье. Иногда такое случается. И что теперь делать девушке?

— Вот и славненько, тогда, может быть, простопустишь нас?

— Мне нравятся... позеленее.

— Боже мой, мистер. — Я вытащила последнюю двадцатку. — Ты разбил мне сердце.

Забрав у меня деньги, Халк открыл дверь шире.

— Надо будет записать вас в журнале посещений, и мне нужна копия твоего удостоверения. Потом проведу вас к ней.

Через пять минут Куки уже тормошила спящую женщину, укрытую серым пледом. Она лежала на одной из десятков примитивных коек, которыми было забито огромное, похожее на спортзал помещение.

— Мими, — едва слышным шепотом позвала Куки. Чтобы Мими поняла, что мы пришли с миром, Куки одолжила у Халка фонарик и теперь держала его под подбородком. Мне не хватило духу сказать ей, что в его свете она смахивает на дикенсовский призрак из «Рождественских повестей». — Мими, дорогая...

Мими пошевелилась, приоткрыла сонные глаза и испустила самый чудовищный вопль, который мне доводилось слышать в жизни. От человеческого существа, разумеется. Бездомные вокруг нас отреагировали на все лады: некоторые едва не до потолка подпрыгнули, а некоторые продолжали храпеть как ни в чем не бывало.

— Мими, это я! — Теперь Куки светила фонариком прямо себе в лицо, отчего стала еще больше похожа на привидение, потому что свет сгладил мелкие морщинки и придал ее лицу нездоровое, радиоактивное свечение.

Ноги Мими взлетели вверх. Надо признать, совершенно бесполезное действие, если она готовилась драться или, наоборот, дать деру. Потом она резко перевернулась и грохнулась на пол.

Мужик с соседней койки похлопал меня по ноге:

— Какого хрена тут творится?

— Экзорцизм. Волноваться не о чем, сэр.

Хмыкнув, он повернулся на другой бок и мгновенно уснул.

Над матрасом появилась голова Мими.

— Куки? — спросила она куда более тихим голосом, чем пару секунд назад.

— Да. — Куки поспешила к ней на помощь и помогла сесть на койку. — Мы пришли тебе помочь.

— Господи... Извините меня. Я думала, что...

— У тебя кровь идет, — заметила Куки и вытащила из сумочки салфетку.

Промокнув верхнюю губу, Мими затолкала салфетку в обе ноздри.

— Так бывает, когда у меня вся жизнь проходит перед глазами. — Несколько секунд она молча смотрела в никуда. — Кажется, я намочила штаны. А может, и нет.

— Пойдем, солнышко. — Куки помогла ей подняться, а я поддержала с другой стороны. За такие гроши, они же двадцать баксов, но на этот раз из бумажника Куки, мы отхватили во временное пользование один из кабинетов, где могли поговорить с Мими.

— У тебя казенные легкие, барышня, — заявила я, когда нашла в маленьком холодильнике бутылку воды и вручила ей.

Кровь из носа у нее уже не текла.

— Прошу прощения, — извинилась она и помахала рукой перед лицом. — Я совсем растерялась. Я ведь не знала, что это вы.

Я повернулась к Куки:

— Твое перевоплощение в Каспера тоже свою роль сыграло.

Она нахмурилась:

— Мими, это Чарли.

— Боже мой. — Мими попыталась встать, но ноги ее не держали, и она снова рухнула на стул.

Я пожала ей руку:

— Вставать не обязательно. Я вовсе не такая особенная.

— Из того, что я слышала, — она крепко сжала обе мои руки, — еще какая особенная. Как вы меня нашли?

— Это работа Чарли, — усмехнулась Куки. — Ты в порядке?

Несколько минут ушло на приветствия и красочный рассказ о том, как Мими оказалась в приюте для бездомных, в котором фигурировали пьяный таксист и не очень опасное, но весьма неуместное возгорание двигателя. После чего мы подошли к самому важному — почему Мими оказалась в приюте.

— Я подумала, что тут меня точно искать не станут.

— Мими, — осторожно, но с упреком проговорила Куки, — твои родители и Уоррен ужасно волнуются.

Мими кивнула:

— Пускай. Лучше пусть волнуются, чем умрут.

Она была права. Но на дворе стояла ночь, а моя голова уже была на грани взрыва. Я решила поделиться с ней нашими подозрениями, после чего мы все отсюда уйдем.

— Останови меня, когда история покажется знакомой. — Мими нахмурилась, а я продолжила: — Однажды ночью ученики старших классов устроили вечеринку. Девочка по имени Хана Инсинья улизнула из дома, чтобы туда попасть. А на следующий день родители объявили о ее исчезновении. — Когда я упомянула Хану, Мими опустила глаза. Я опять заговорила: — Некоторые помнят, что она там была, а некоторые нет. Одни говорят, что она ушла с вечеринки с каким-то парнем, другие клянутся, что ничего подобного не было. — Мими тихонько ахнула, и я убедилась, что иду в правильном направлении. — И вот, двадцать лет спустя, все, кто видел, как Хана уходит с вечеринки с мальчиком, один за другим умирают. Знакомо звучит?

Мими опустила голову, как будто не могла смотреть нам в глаза. В знак поддержки Куки положила руку ей на плечо.

— Ты почти права. Но Хана ушла с вечеринки не с одним мальчиком. С ней было несколько человек, и я в том числе.

Куки замерла:

— Что ты имеешь в виду?

— Она имеет в виду, — сказала я, борясь с горем, которое внезапно поглотило Мими и до боли сдавило мне грудь, — что в ту ночь несколько человек вынесли из дома тело Ханы. Она была уже мертва, и они вместе ее похоронили. Верно? — По-моему, это было единственным логичным объяснением.

Мими вытерла слезу промокнутой от крови салфеткой.

— Да. Всемером. Нас было семеро.

Куки ахнула и прикрыла рот ладонью.

Я присела, чтобы заглянуть Мими в глаза.

— На той вечеринке кто-то ее убил. Может быть, ты это видела? Тебя тоже угрожали убить?

— Хватит, пожалуйста, — выдохнула она, уже не сдерживая рыданий.

— В школе тебя запугивали? Толкали в коридорах? Выбивали из рук книги? Чтобы ты не забывала. Чтобы не соскочила с крючка.

— Я не могу... Я...

Я решила начать с Томми Запаты, а Кайла Кирша оставить для финального аккорда.

— Это имеет отношение к продавцу машин, с которым ты недавно встречалась? Томми Запата?

Она уставилась на меня с открытым ртом:

— Откуда ты знаешь?

— Три дня назад Томми был найден мертвым. — Мими прикрыла рот обеими руками, а я продолжала наступление: — Твоему мужу выдвинут обвинения в убийстве, если мы как можно скорее не докажем, что он этого не делал.

— Нет! — Мими вскочила и бросилась к двери. — Он ничего не делал. Они не понимают...

Догнав ее, я схватила ее за руку.

— Мими, притормози. Мы можем помочь, но я должна знать, что произошло.

— Но...

— Ты должна сесть и все мне объяснить, чтобы я могла вытащить из беды и тебя, и твоего мужа. Что случилось той ночью?

Некоторое время она колебалась, но в конце концов со вздохом снова уселась на стул.

— Мы были на вечеринке. Мне стало нехорошо, поэтому я с одним человеком поднялась в ванную наверху.

Наверняка этот загадочный «один человек» — Джанель Йорк.

— Мы были у Томми. Его родители тогда уехали из города. — Она взглянула на меня с убийственным отчаянием. — Нам было весело. Мы слонялись по дому, слушали музыку. А потом пошли в ванную в спальне родителей Томми. Какое-то время сидели там. Болтали о том, о сем. Потом услышали голоса, выключили свет и приоткрыли дверь, чтобы посмотреть, в чем дело. Мы подумали, что кто-то решил порезвиться на родительской кровати, и хотели их напугать. Шутки ради.

Куки отыскала в сумочке носовой платок и вручила Мими. Та шумно высморкалась, прежде чем продолжить:

— Но там оказалось целых три парня. Трое из футбольной команды. И с ними была Хана. Они занимались с ней сексом. — На этом Мими разрыдалась в платок.

— Среди них был Томми? — спросила я.

— Нет. Он обжимался в углу.

Выходит, он там однозначно был, а теперь он мертв.

Придя в себя, Мими снова заговорила:

— Не думаю, что все было спланировано заранее. Хана тогда напилась до чертиков. А потом ее вырвало на одного из парней. Он слез с нее и стал орать. Она испугалась, поднялась и пошла к двери. Тогда-то все и случилось. Не знаю, толкнул он ее или нет. Было плохо видно. Хана упала и разбила голову об угол комода. Томми пытался остановить кровь, но Хана умерла в считанные секунды.

Мне стало интересно, почему она ни разу не упомянула имя Кайла Кирша. Неужели так его боится?

Мими умоляюще посмотрела на нас с Куки:

— Это была случайность. Все можно было объяснить, но ребята до смерти испугались. Около получаса они ходили по комнате, матерились и пытались придумать, что делать дальше. Потом вспомнили, что отец Томми работал на кладбище, и у одного из них возник план. Для начала они собирались завернуть Хану в полотенца, тогда-то нас и нашли в ванной. Я рыдала и кричала. Напугала их еще больше.

— Они причинили тебе вред? — спросила Куки. На ее лице было написано почти такое же отчаяние, как на лице ее подруги.

— Нет, — ответила Мими. — Честное слово, нет. Хану завернули в полотенца, смыли кровь, а когда все ушли с вечеринки, отнесли Хану в грузовик Томми. Кто-то бросил в кузов две лопаты, и нас заставили ехать вместе со всеми. Через несколько минут мы оказались на кладбище.

— Ну конечно! — На меня снизошло озарение. — Цифры, которые ты написала на стене в туалете рядом с именем Ханы. То-то они показались мне знакомыми. Это номер участка на кладбище. Ее похоронили в свежей могиле.

— Не просто в могиле, а под могилой. — Когда мои брови вопросительно приподнялись, Мими объяснила: — Работники кладбища уже выкопали могилу для похорон, которые должны были состояться на следующий день. Парни раскопали ее глубже, пока мы стояли и смотрели. — От тяжелых воспоминаний ее голос оборвался. — Мы стояли и смотрели. Даже не пытались их остановить. Как раз тогда и нужно было поступить правильно и...

Куки взяла ее за руки.

— Во всем этом не было твоей вины, Мими.

— Но они сказали, что мы тоже виноваты, — возразила та. — Сказали, что мы помогали, а значит, мы сообщники. И если скажем кому-то хоть слово, они нас убьют. Господи, нам было так страшно!

Страх, пожиравший ее целых двадцать лет, всплыл на поверхность с новой силой, омывая и меня удушающими волнами. Борясь с ним, я наполнила легкие воздухом, чтобы не дать ему поглотить меня, пока Мими продолжала рассказывать:

— Мы тогда были уверены, что нас они тоже убьют. Но ничего подобного. Они положили тело Ханы в могилу и забросали землей. А на следующий день прямо на ней похоронили мистера Ромеро, и никто ничего не знал.

Я считала, что Мими и Джанель выжили тогда исключительно потому, что убийство не было преднамеренным. Будь те парни настоящими безжалостными убийцами, сомневаюсь,

что мне довелось бы познакомиться с Мими.

— Меня так трясло, что я едва дышала, — сказала Мими, которую прямо сейчас трясло, как мне казалось, не меньше. — И ты была права насчет запугиваний. — Она взглянула на меня. — Парни все больше нагнали, и наконец это стало невыносимым. Я перестала ходить в школу и с горем пополам уговорила родителей отпустить меня пожить у бабушки. Там я больше оставаться не могла. Не могла смотреть на родителей Ханы, зная, через что им приходится проходить.

— Джанель тоже угрожали? — спросила я, чем, очевидно, сбива Мими с толку.

— Джанель? — переспросила она.

— Джанель Йорк.

Выражение печали на ее лице сменилось отвращением.

— Она оказалась их ручной собачкой. Она была одной из них.

— Не понимаю. — Я поднялась на ноги. — Если вы с ней прятались в ванной...

— В ванной я пряталась не с Джанель. — Похоже, Мими была в ужасе от того, что я так подумала. — Она была с ними в комнате. Это с ней в углу обжимался Томми. Ради него она была готова на все. Когда он испугался, что родители узнают обо всем случившемся, именно ей пришла в голову идея похоронить Хану в той могиле.

Я развела руками:

— С кем же тогда ты пряталась? И кто занимался сексом с Ханой?

Мими тяжело сглотнула. Я видела, что ей не хочется нам рассказывать.

— Джефф. Джефф Харгроув... был на ней.

— Минуточку, Джефф Харгроув занимался сексом с Ханой?

— Да. Ну то есть в тот момент. Мне кажется... они с ней по очереди...

— Кто «они»?

Она беспомощно пожала плечами:

— Кроме Джеффа, были Ник Веласкес и Энтони Ричардсон.

Что за черт?!

— Мими, кто был с тобой в ванной?

Она опустила голову.

— Это же конфиденциально, да?

Я снова присела рядом и заглянула ей в глаза:

— Не могу обещать, что это не всплывет наружу, но я должна знать, кто там был.

Тяжело вздохнув, она неохотно ответила:

— Кайл Кирш.

Ее слова вышибли из меня дух.

— Хочешь сказать, Кайл к смерти Ханы никакого отношения не имеет?

Кажется, Мими удивилась.

— Конечно, нет. Ему угрожали едва ли не сильнее, чем мне. Только он был сыном шерифа, и парни боялись зайти с ним слишком далеко. — Она схватила меня за руку, вцепившись ногтями в рукав. — Надо знать Джеффа Харгроува. Он сумасшедший. Шериф или нет, он убил бы нас обоих.

Я села на пятки.

— Итак, что у нас? — размышляла я вслух, с полнейшим недоумением уставившись на Куки. — Кайл не хочет, чтобы эта история всплыла на поверхность, поэтому убивает одного за другим?

— Что?! — взвизгнула Мими, и ее ногти добрались до моей кожи. — Кайл никогда бы на такое не пошел. Он и мухи не обидит.

— Мими, — сочувственно проговорила я, — люди начали умирать через две секунды после того, как Кайл объявил о своем намерении баллотироваться в Сенат. Сложно списать такое на случайное совпадение.

— Я в курсе, что начали умирать люди. Но никто не знает, кто за этим стоит. Даже Кайл. Он до смерти напуган. — Она перевела взгляд на Куки. — Нанял кучу телохранителей. — Задумчиво помолчав несколько секунд, Мими покачала головой: — Наверняка это Джефф Харгроув. Он всегда был психом.

Куки подалась к ней:

— Мими, две недели назад Джефф Харгроув утонул в бассейне.

Мими испытала чистейшее потрясение. Она была так же сбита с толку, как и мы. Что до меня, то я совершенно запуталась.

— А три недели назад, по предварительному заключению, наложил на себя руки Ник Веласкес.

— Об этом мне известно. Энтони Ричардсон тоже покончил с собой, но о Джеффе я ничего не слышала.

— Солнышко, все они мертвы — каждый, кто был в той комнате. Кроме вас с Кайлом. Другого объяснения нет.

— Нет, — Мими затрясла головой, — это просто невозможно. Если б вы знали Кайла...

— Вы были парой? — спросила я. Любовь не только слепа, но и частенько завозит людей в город Несущих-околесицу-идиотов.

Мими наградила меня скептическим взглядом. Черт, да она профи по части таких взглядов.

— Нет, не были. Вы не понимаете. — Прикусив губу, она помолчала, а потом сдалась со вздохом. — Никто этого не знает, ни одна живая душа. Кайл гей. В ту ночь в ванной мы говорили о мальчишках.

Святые кукурузные оладушки! Чем дальше, тем лучше.

— Ладно, дайте-ка подумать, — сказала я, потирая лоб. — Зачем ты встречалась с Томми?

Брови Мими сошлись над переносицей.

— Он попросил меня о встрече. А я боялась не пойти. Он сказал, что его шантажируют и что больше он не может жить в мире с самим собой.

Надо же, обычно жертва шантажа не может жить в мире с тем, что он или она натворили, но чтобы с самим собой... Удивительно.

— Томми говорил, что виделся с Кайлом. Сказал ему, что пойдет в полицию, во всем сознается и возьмет на себя ответственность за свою роль в этом кошмаре. Спрашивал, поддержи ли я его. Он собирался рассказать властям, как угрожали нам с Кайлом и как нас всех заставили тогда поехать на кладбище.

Я по-прежнему ни черта не понимала.

— У семьи Кайла есть деньги, ты замужем за состоятельным бизнесменом, но ни его, ни тебя никто не шантажировал? — спросила я, все никак не находя выхода из подвала недоумения.

— Нет, но мы думали, что знаем, кто шантажирует Томми.

— И?

— Томми считал, что это Джефф Харгроув.

— Тот самый Джефф Харгроув, которого должны были посадить за решетку за изнасилование и убийство?

— Да. Томми думал, что у Джеффа появились финансовые проблемы и в качестве легкой добычи он выбрал Томми, который владел автосалоном. И Томми был прав. Я проверила финансовые отчеты Джеффа...

Да она молодчина!

— ...и выяснила, что в те же дни, когда Томми снимал деньги со своего счета, точно такие же суммы поступали на счет Джеффа. То есть трижды.

Ничего себе! И все-таки и Джефф, и Томми сейчас мертвы.

— Потом мне позвонил Кайл, — продолжала Мими, — и сказал, что Томми принес ему свои извинения, потому что вроде как собирался разрушить его политическую карьеру.

— Это веская причина для убийства, — заметила Куки.

— Нет, Кайлу было наплевать. Он собирался сделать то же самое. Хотел плечом к плечу с Томми выступить сегодня с речью и всем рассказать, что произошло на самом деле.

Какой бесстрашный политик!

— Может быть, он передумал.

Мими отчаянно вздохнула:

— Знали бы вы Кайла — не говорили бы такого. То, что вы пытаетесь на него повесить, совершенно не вписывается в его характер. Это просто невозможно. Ему и так кажется, что он живет во лжи, скрывая свою гомосексуальность.

Я провела рукой по лицу. Голова трещала, и не только из-за сотрясения. Я ведь думала, что решила задачку. Поди разберись теперь, что к чему.

— Ладно, — расстроенно проговорила я. — После того как ты переехала в Альбукерке, что было с Кайлом? Его оставили в покое?

Помрачнев, Мими пожала плечами:

— Кайл прекрасный актер. Ему удалось убедить Джеффа, что он на их стороне. А как только начались каникулы, сделал то же, что и я, — уехал на все лето к бабушке.

— После твоей встречи с Томми тебе кто-то угрожал? Поэтому ты сбежала?

— Очень скоро я поняла, что все умирают. И что мои родные в опасности. Я была в списке и, оставаясь рядом, подвергала риску всю семью. Поэтому села в такси и сбежала. Если бы не загорелся двигатель, я была бы уже в Спокане.

— Ты сохранила себе жизнь, — сказала Куки, — и теперь нам надо доставить тебя в безопасное место.

Ага, а мне еще надо выяснить, что, черт возьми, происходит.

Внезапно погас свет, и нас обступила зловещая тишина. Я шикнула, призывая всех молчать, присела и выглянула из кабинета. Дальше по коридору включилось аварийное освещение, и мне удалось рассмотреть массивное тело, распростертое на полу. Тело, вероятнее всего, принадлежало Халку.

— Сукин сын, — прошипела я, не в силах поверить в происходящее. — Неужели за нами следили?

Надо обращать больше внимания на тех, кто у меня на хвосте. Это уже просто нелепо.

— Кто? — спросила Мими, и ее панический, хоть и приглушенный фальцет покатился по коридору.

Куки шикнула на нее, приложив палец к губам. Я схватила Мими за одну руку, Куки —

за другую, и мы вместе бросились из кабинета в сторону запасного выхода, который я заметила по пути сюда. Нам пришлось как можно тише пробираться мимо коробок и сумок, пока наконец мы не добрались до двери. На ней была система аварийного выхода, но, если бы мы ею воспользовались, включился бы сигнал тревоги, поэтому я не торопилась. А может быть, именно орущая сирена пришла бы очень кстати.

Я отвела всех в темный угол у двери, где мы и укрылись, пока я решала, нужна ли нам такая степень внимания здешних обитателей.

— Привет, босс, — сказал нарисовавшийся сбоку от меня Ангел.

Я подпрыгнула, перепугав Куки и Мими, мрачно глянула на него и шепотом спросила:

— Опять ты за свое?

— Чем занята?

— Убегаю от плохих парней. Разве не этим я занимаюсь изо дня в день?

— С кем она говорит? — поинтересовалась Мими.

— М-м... — На несколько секунд Куки овладела паника, но она быстро справилась с собой: — Она репетирует пьесу.

— Сейчас?!

— Так мне тебя тут и бросить? — спросил Ангел с сиплым смешком.

Закатив глаза, я повернулась к Куки и прошептала:

— Так, держи телефон наготове. Вы вдвоем побежите на улицу через ту дверь. Не останавливайтесь ни за что на свете. Я закрою и попытаюсь забаррикадировать дверь снаружи.

— Чем? — пискнула от страха Куки, вместо того чтобы говорить шепотом.

— Кук, — я взяла ее за руку, — я когда-нибудь тебя подводила?

— Я не переживаю, что ты меня подведешь. Я переживаю, что ты подведешь саму себя. Эти люди — хладнокровные убийцы, Чарли.

— Кажется, меня сейчас вырвет, — прошептала Мими.

Их обеих заметно трясло, и я начала сомневаться, что они доберутся до безопасного места, ни разу не упав и не схлопотав по паре переломов.

— Кук, ты должна вывести отсюда Мими. Она на нас рассчитывает. Ты справишься.

Куки сделала глубокий вдох:

— Ясно. Ладно. Я все сделаю. А ты поспеши. Ты стреляешь лучше меня, — добавила она и вытащила из сумочки пистолет калибром девять миллиметров.

— Черт возьми, — вырвалось у меня. Мой «Глок» забрали в качестве улики после случившегося в заброшенном мотеле. Но прямо сейчас Куки была моей героиней. Хотя, если судить по весу пушки... — А пульки к нему есть?

— Ой! — Она залезла в сумочку и вытащила полную обойму, которую вручила мне с улыбкой. — И поспеши, — напомнила она, когда я вставила обойму в магазин и дернула затвор, досылая первый патрон в патронник.

Щелчок прозвучал так громко, что я поежилась. Дождь, разгулявшийся снаружи, немного приглушил звук, но все же любой на расстоянии броска камня услышал бы и сразу понял, что у меня есть оружие.

— Ты знаешь, сколько их там? — обратилась я к Ангелу.

— Один. Подонок из мотеля.

— Злой Мертаф? — зачем-то спросила я.

Ангел пожал плечами:

— Как скажешь.

— Черт его дери. — Я обвела глазами помещение. — Черт его дери до самого ада.

— А она молодец, — оценила Мими, — тянет на Оскар.

— Ой, — я улыбнулась ей, — спасибо.

Пришла очередь Куки закатывать глаза. Испустив раздраженный вздох, она взяла Мими за руку и помчалась к закрытой двери, со всей дури врезавшись в нее. Вторая попытка была продуктивнее. Как я и думала, завывла пронзительная сирена, сильно напомнившая мне крик, которым нас встретила Мими. Я бежала за ними сквозь кошмарный шум, и тут одновременно случились две вещи: Куки споткнулась на ступеньках снаружи, а по моей спине прошелся самый гнусный на свете нож.

Если с первого раза не получилось, то, возможно, лажать — твоя фишка.
Надпись на футболке

По непонятной причине людям на этой неделе страшно хотелось вырезать из меня фонарь, как из тыквы. Может, оттого, что на носу Хэллоуин.

Как обычно это и бывает с ножами, мне было больно. Молясь, чтобы никого не пристрелить, я налетела на Мими, которая споткнулась о Куки. В защиту Куки надо сказать, что на улице лило как из ведра.

Когда мы рухнули ошалевшей кучей вниз у ступенек, Ангел навалился на дверь — благослови Господь его маленькую сумасбродную гангстерскую душу! — и захлопнул ее перед самым носом Злого Мертафа. Дверь с грохотом закрылась, и нож, лязгая, полетел по ступенькам.

— Молодец, Ангел! Шикарно! — крикнула я, стукнувшись сотрясенной головой о колено Куки. Будет знать, как падать передо мной.

— Да бегите же! — раздраженно рявкнул Ангел. С чего вдруг он стал таким вспыльчивым?

Сердце билось в горле, когда мы, сумев-таки подняться на ноги, бросились по переулку в самый темный угол. Будь у Злого Мертафа, как я и подозревала, пистолет, ему бы не составило труда перестрелять нас по очереди, побеги мы в сторону улицы. Там слишком ярко горели фонари, чтобы можно было где-нибудь укрыться. Я планировала обогнуть здание и добраться до кафе. У Нормы, само собой, окажется ключ, чтобы закрыть двери, а включившийся сигнал тревоги в приюте привлечет внимание спасательной кавалерии.

Куки дико оглядывалась набегу. Когда надо, эта женщина превращается в чертову газель. Но не успели мы пробежать и шести метров, как дверь распахнулась и ударилась о внешнюю кирпичную стену. Мими закричала. Что на этот раз меня несказанно порадовало — вдруг кто-нибудь не услышал оглушительный звук сирены.

— Бегите, — крикнула я и развернулась, прицеливаясь.

Это оказалось не так легко, как я ожидала, потому что ливень ручьями тек у меня по лицу. Я выстрелила наугад, заставив преследователя нырнуть обратно внутрь здания, чем дала Куки и Мими время унести ноги с линии огня. Как можно быстрее я побежала к ним.

— Что мне делать? — спросил Ангел, снова превращаясь в кузнечика на сковородке.

— Все, что в твоих силах, солнце.

Я обогнала своих спутниц, чтобы проверить, сможем ли мы укрыться в узком переулке между приютом и конфетной фабрикой по соседству. Темное пространство было заставлено ящиками и коробками, но мы втроем вполне могли там спрятаться, а нежелательные сейчас препятствия станут неплохим укрытием, когда возникнет необходимость.

К сожалению, необходимость возникла слишком скоро. Раздался выстрел, и Мими, пискнув и прикрыв руками голову, упала на землю. Я прицелилась и выстрелила, хотя Злой Мертаф тоже успел выпустить еще две пули.

Впервые в жизни я оказалась в перестрелке. В самой что ни на есть настоящей перестрелке с плохим парнем. Судя по всему, мы с ним оба лажали. Я целилась в голову, а пристрелила фонарь, под которым он стоял. Понятия не имею, куда целился он. Может быть, разбить все окна в здании конфетной фабрики — это хитрый стратегический отвлекающий маневр. Куки и Мими бежали к мусорному контейнеру. Злой Мертаф бросился к нам, но Ангел сбил его с ног. Злой выронил пистолет, который по инерции проехал по земле в сторону.

— Забери его пушку! — завопила я Ангелу, после чего бросилась через аллею к мусорному баку, за которым уже спрятались Куки с Мими.

Ангел уставился на меня и поднял руки вверх:

— Не получится.

О господи! Неужто еще и правила какие-то есть?

— Вы не ранены? — едва дыша, спросила я, присаживаясь на корточки за контейнером.

— Кажется, нет, — отозвалась Мими. — Как думаешь, много времени понадобится копам, чтобы сюда добраться?

— Больше, чем у нас есть, — честно призналась я.

Ангел умудрился отпинать пистолет подальше, но у Злого Мертафа всего несколько секунд ушло на то, чтобы найти пушку и пойти вслед за нами.

Мы оказались в ловушке между мусорным баком и забором. Бежать было некуда. Я протиснулась мимо Куки и Мими, чтобы посмотреть, не найдется ли прохода в этом заборе. Однако удача мне не улыбнулась. Забор уходил метра на три в высоту. А поскольку он был из шлакоблока, я очень сомневалась, что способна пробить его насквозь без предварительного разбега в несколько километров. Если бы мы забрались на мусорный бак, то смогли бы перелезть через забор, но это означало сделаться чудесными мишенями для Злого Мертафа. А пуль у него в запасе наверняка больше, чем у меня.

— Мне очень жаль, Мими, — проговорила я.

Она скрывалась не без причины, а мы взяли и привели плохого парня прямиком к ней. Молодец, Шарлотта.

— Нет-нет, не извиняйся, пожалуйста. — Мими расплакалась. Она так дрожала, что у меня сжалось сердце. — Вы с Куки ни в чем не виноваты. Это все я, я одна.

Я быстренько осмотрелась. Злой Мертаф почти добрался до нас. В руке он держал пистолет, готовый выстрелить в любую секунду. Я могла бы его пристрелить, если бы он подошел на расстояние вытянутой руки и совсем-совсем не шевелился.

— Если бы двадцать лет назад я поступила правильно...

— Мими, — перебила ее Куки и прижала к себе.

Чтобы не успеть передумать, я подняла пистолет и вышла из-за контейнера, чувствуя себя голой, как никогда. Даже считая тот раз в Мехико. Чертова текила.

— Ты меня ударил! — крикнула я, стараясь перекричать дождь.

Выбора не оставалось — надо было звать Рейеса. Не люблю досаждать, тем более когда его пытаются и все такое, но...

Лицо моего противника исказила злая ухмылка, и я поняла, почему в эти дни он известен в миру как Злой Мертаф.

— Рейазизэль...

Не медля больше ни секунды, Злой выстрелил. Минуточку! Я же не закончила.

Но мир замедлился, и пуля повисла в воздухе прямо передо мной.

— Разве мы не договорились, что ты будешь лучше выбирать время?

Справа от меня стоял Рейес. Плащ клубился вокруг него волнами, словно сам Рейес был океаном. Я снова посмотрела на яростное лицо Злого Мертафа, на капли дождя, застывшие в воздухе, на пулю, которая медленно пробиралась ко мне сквозь пространство и время, игриво расплескав по пути одну из капель. Я почти видела, как вибрирует вокруг пули воздух. Она была всего в нескольких сантиметрах от моего сердца. Если бы время не остановилось, если бы замерло секундой позже, пуля попала бы в цель.

— Как такое возможно? — спросила я у Рейеса и краем глаза заметила, как он пожал плечами.

— Так происходит, когда кто-то стреляет в упор. — Глубокий голос успокаивал меня даже теперь, когда обстоятельства были более чем напряженными.

— Я не об этом. Все замерло. То есть замедлилось. Сильно замедлилось.

— Это мир, в котором мы живем, Датч. — Он смерил меня взглядом и наклонил голову в капюшоне, словно ему было любопытно. — Ну так как? Хочешь, чтобы я о нем позаботился?

Я хотела. Очень хотела. Но между нами, как выбившаяся из свитера ниточка, все еще висела одна неразрешенная проблема. Мне хотелось потянуть за ниточку, но я знала, что рискую распустить весь свитер. Что для меня было в одном ряду с чихуахуа и оружием массового поражения. Но я не могла оставить все как есть.

— Ты собираешься сказать мне, где ты?

— Хочешь вернуться к этому прямо сейчас?

— Да.

— Тогда нет.

— Значит, я сама обо всем позабочусь.

И в тот момент, когда я это сказала, в тот самый момент, когда слова слетели с моих губ, я поняла, что в слухах о моей психической нестабильности куда больше правды, чем я привыкла верить. Разве сам факт, что я позвала Рейеса, не говорил о том, что мне нужна его помощь?

— Уверена?

— На сто процентов.

Теперь это официально. Я психопатка.

Рассердившись, он с рычанием, от которого мурашки по спине поползли, отвернулся от меня.

— Ты самая упрямая...

— Я? — перебила я, ушам своим не веря. — Это я упрямая?!

О да. Закройте меня, пожалуйста, на замок и выкиньте ключ.

Он снова оказался передо мной.

— Как ослица.

— Потому что не хочу, чтобы ты наложил на себя руки? Поэтому я упрямая?

Он навис надо мной, так близко, что мне даже лицо его было трудно рассмотреть.

— На сто процентов.

Плагатчик. Я скрипнула зубами.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Ладно. Разве что немного вот так... — Просто ткнув пальцем мне в плечо, Рейес сдвинул меня левее от пули. — В следующий раз пригнись.

Каждый раз, когда после замедления мир возвращается, возникает ощущение, которое можно сравнить разве что с врезавшимся в меня скоростным товарным поездом. Из легких вышибло весь воздух, какофония обрушившихся на меня звуков ударила в грудь, отдалась эхом в костях, но я все-таки увидела, как пуля продолжила свой путь с того места, где остановилась, и, не причинив никакого вреда, пролетела мимо. Меня повело в сторону, но я успела оглянуться и заметить, как удивленно заморгал Злой Мертаф, снова прицеливаясь.

Если бы я была внимательнее, если бы рев грозы и ливня не был таким оглушительным, то услышала бы, как к нам приближается автомобиль. Наверное, Злой Мертаф тоже бы услышал. Тем не менее, мы оба очень удивились, когда к нам подъехал черный джип. Водитель ударил по тормозам, машину закружило, и она, как торнадо, сбила Злого Мертафа, впечатав его в стену конфетной фабрики, в то время как я осталась целой и невредимой.

Я так и стояла, пытаюсь проморгать потоки, заливающие глаза. Взвизгнув покрывками, джип остановился. С заднего сидения на улицу выскочил Ульрих — один из трех мушкетеров — и помчался к Злому Мертафу. Стекло с пассажирской стороны опустилось. За ним оказался ухмыляющийся мистер Смит:

— Клянусь, сочная мисс, с вами случается больше неприятностей, чем с моей двоюродной бабушкой Мэй, а у нее давным-давно старческий маразм.

Я оглянулась на Ульриха. Он проверил пульс Злого Мертафа, а потом врезал ему ногой, как я поняла, на всякий случай. Испытывая явное облегчение, Ангел рухнул на колени, а потом грохнулся в фальшивый обморок, изображая самую драматическую версию «Смерти коммивояжера»^[27] из всех, что мне приходилось видеть.

— Как вы нас нашли? — спросила я у Смита.

— Мы уже долго ищем этого парня. Проследить за вами было самым логичным решением.

— Вы копы?

— Это вряд ли.

Тогда какого черта? Вдалеке я слышала сирены и была готова биться об заклад, что мушкетеры скоро уедут. Я взглянула на мистера Чао. Вот ведь каскадер выискался.

— Уверены, что с вашими ранами стоит садиться за руль?

Ульрих снова пнул Злого Мертафа.

— Теперь он безмозглый тупица, — прокомментировал Смит.

— Я сваливаю, — сообщил Ангел, отсалютовал мне и испарился.

Салют мне понравился. Надо сделать его в офисе официальным приветствием.

— Чарли, ты в порядке? — из теней спросила Куки. Сомневаюсь, что она при этом тоже отсалютовала мне.

— Лучше всех. Оставайся на месте.

Я по-прежнему не имела понятия, кто эти люди. А вдруг они хотели добраться до Мими не меньше, чем Злой Мертаф?

Мистер Чао выбрался из машины и пошел на голос Куки. Я опередила его и загородила собой зазор между контейнером и забором. Если ему нужна Мими Джейкобс, придется иметь дело со мной. На что у него уйдет пять седьмых секунды. Плюс-минус.

Наклонившись в сторону, мистер Чао заглянул мне через плечо. Судя по всему, увиденное ему понравилось. Он посмотрел на меня. С его волос уже капала вода. Когда он поднял руку к моему лицу, я дернулась, но только потому, что подумала, будто он сломает мне шею или еще что-нибудь. В последнее время такая фигня случается со мной постоянно.

Однако он всего лишь провел пальцами по моему лбу, убрав с глаз мокрую челку. Потом едва заметно поклонился и вернулся за руль.

— Она жива, — сказал он Смит, и я поняла, что это он о Мими.

— Полагаю, вы не собираетесь рассказать мне, на кого работаете? — поинтересовалась я.

— Скажем так, — отозвался Смит, — на большую шишку.

— На бога?

Он усмехнулся:

— Берите рангом ниже.

— Тогда это имеет отношение к Сенату.

— В некотором смысле.

— Черт возьми, а они времени даром не теряют. Погодите, так за всем этим стоит Кайл Кирш?

Смит отвел глаза и пожал плечами:

— Поищите подальше на севере.

— Да ладно вам! Неужели это все?

Его брови поползли вверх от недоумения.

— Мы только что спасли вам жизнь.

Я фыркнула:

— У меня все было под контролем.

Ухмыльнувшись, Смит покачал головой:

— Должен признать, это самое интересное задание, за которое я когда-либо брался. —

Его глаза смотрели на меня с сожалением. — Мне будет вас не хватать. И вашего домашнего гардероба. — Посмотрев мимо меня, он добавил: — Отвезите эту женщину в полицию. Ей есть что рассказать.

Наградив Злого Мертафа еще одним мощным пинком, Ульрих кивнул мне, проходя мимо, и забрался на заднее сиденье. Меня посетило подозрение, что больше я никогда их не увижу. Когда джип отъехал, из своего убежища вышли Куки и Мими, и через мгновение я стала участницей самых крепких групповых объятий из всех, в которых мне доводилось участвовать.

***

Стены зданий окрасились отсветами синих и красных огней, когда переулок загородила куча машин полиции и неотложки. Два медика загружали в карету «скорой помощи» скованного наручниками Злого Мертафа. Еще один осматривал Халка, у которого, как выяснилось, тоже было сотрясение. Он много стонал. Кто-кто, а я-то знала, каково ему сейчас. Только я вышла вперед, чтобы еще раз взглянуть на Злого, как ко мне подошли двое в костюмах с иголки. Что-то в последнее время перебор с такими костюмами. Наверное, в «Диллардсе» распродажа.

— Мисс Дэвидсон? — спросил один из них.

Я кивнула. Теперь, когда все закончилось, спина саднила. Злой Мертаф испортил идеально сидящую на мне куртку, оставив заодно нечто вроде трещины поперек

позвоночника. Я скорчилась, пытаюсь хоть немного уменьшить дискомфорт.

— Мы из ФБР. Я агент Фостер, — он протянул мне удостоверение, — а это специальный агент Пауэрс.

Я фыркнула:

— Ага, слыхала я такое.

На лице агента Фостера не дрогнул ни один мускул.

— Мы об этом осведомлены. Поэтому хотели переговорить с вами, перед тем как допросить того человека.

Я посмотрела на «скорую», в которой лежал Злой Мертаф.

— Кажется, вам придется потрудиться.

— Ни на минуту нельзя тебя оставить! — проворчал дядя Боб, подходя ко мне.

— Видимо, я еду в участок, — сказала я агентам.

— Встретимся там, — ответил Фостер.

— Ты ранена? Как твоя голова? — забеспокоился Диби. Он такой душка!

— Лучше, чем твоя. Ты не думал об электрошоковой терапии?

Он глубоко вздохнул:

— Все еще злишься на меня, значит.

— Да неужели?

***

Выяснилось, что Злой Мертаф и Злой Ригтз родственники. Вроде как двою- или троюродные братья. Новость века. Оба были родом из Миннесоты и попадали в неприятности всю свою жизнь. Однако ничего похожего на убийство. По крайней мере у нас такой информации не имелось.

К нашему приезду участок напоминал тающий ледник старых и новых дел. На горизонте уже прожигало себе путь утро. Мими давала показания в комнате для допросов. Куки оставалась рядом с ней в качестве группы поддержки. Обеим дали по одеялу и по чашке горячего шоколада. Учитывая обстоятельства, со стороны обе казались спокойными. Приехали и родители Мими, которые тоже находились в комнате для допросов. Не в силах отпустить, отец продолжал обнимать Мими, отчего ей, вероятно, было неудобно пить какао, но не думаю, что она была против. Нельзя быть слишком взрослой, чтобы отвергнуть отцовские объятия. Я же просто наблюдала и могла с уверенностью утверждать, что за это время распаковали немало старых чемоданов, из которых посыпались горы грязного белья.

Дядя Боб работал над тем, чтобы с Уоррена сняли обвинения. А еще он позвонил Кайлу Киршу, который должен был появиться с минуты на минуту.

— Маловато им заплатили, — заявил Диби, подходя ко мне с пачкой документов в руках. Я наливала сливки в чашку с кофе и пыталась удержать на плечах одеяло, чтобы скрыть порез на спине. — На банковских счетах кузенов Кокс по пятьдесят тысяч баксов.

— А кто такие кузены Кокс?

Он вздохнул. Это было забавно.

— Люди, которые тебя похитили. Один из них сегодня пытался убить тебя в темном переулке. Арт и Уильям Кокс. Припоминаешь?

— Само собой. Просто хотела, чтобы ты еще раз сказал «Кокс». И, учитывая их решительный настрой, — я отпила кофе, — им наверняка пообещали больше, когда все будет сделано.

— Не сомневаюсь. Но мы не можем проследить, откуда присылались деньги. Кстати, мертвый стрелок из мотеля был их тюремным приятелем. Сейчас проверяют его финансовые отчеты.

Я отвернулась, когда заметила, что в участок спешит Кайл Кирш с двумя телохранителями. Я узнала его по плакатам предвыборной кампании. Он остановился возле дежурного, чтобы о чем-то спросить, и в тот же миг из комнаты для допросов появилась Мими, которая помчалась прямо в его объятия.

— Ты как? — спросила она.

— Я? — поразился он. — Это у тебя надо спросить. Что произошло?

— Тот человек пришел за мной, а Куки и ее начальница, Чарли, спасли мне жизнь.

Я съезжилась. С ее стороны было мило не упомянуть о том, что как раз из-за нас ее чуть и не убили.

Дядя Боб подошел к ним и протянул Кайлу руку, поздравившись:

— Конгрессмен.

— Вы детектив Дэвидсон? — спросил Кайл, пожав руку Дибби.

— Да, сэр. Спасибо, что приехали. Могу я вам что-нибудь предложить, прежде чем мы начнем?

Кайл согласился дать показания, настаивая на том, что ему нечего скрывать. Он еще раз обнял Мими и с печальной улыбкой сказал ей:

— Вот, кажется, и все.

— Рано или поздно мы должны были это сделать.

— Верно.

Арестуют ли их за то, что не пришли раньше? Я надеялась, что нет. В этой истории они тоже были жертвами.

— Это Чарли Дэвидсон, — сказала Мими, заметив меня.

Кайл взял меня за руку:

— Я вам очень обязан.

— Уоррен! — Я и глазом моргнуть не успела, как Мими оказалась в руках мужа, который выглядел все таким же измотанным, каким я его помнила.

Я снова посмотрела на Кайла и пробурчала себе под нос:

— Очень неприятно вам это говорить, но довольно долгое время я считала, что за всеми этими убийствами стоите вы.

Он понимающе улыбнулся:

— Я вас не виню, но уверяю, — он повернулся к дяде Бобу, — я к ним никакого отношения не имею. Я виноват, да, но не в убийствах. — Кайл достал сотовый. — Я знаю, меня вызвали на допрос, но вы не будете против, если я позвоню матери? Никак не могу дозвониться до отца. Наверное, он поехал на рыбалку — туда он сотовый никогда не берет. Я только хочу рассказать им, где я и что происходит, пока они не увидели это в новостях.

— Разумеется, — отозвался Дибби.

— Спасибо, — поблагодарил Кайл, уже собираясь отойти в сторонку. — Мама гостит у бабушки в Миннесоте.

Мы с дядей Бобом застыли. Шагнув вперед, я опустила руку Кайла, в которой он держал

прижатый к уху телефон.

Нахмурившись, он закрыл сотовый.

— В чем дело?

— Кайл... Конгрессмен...

— Можете называть меня Кайл.

— Наши подозреваемые были наемниками из Миннесоты. Вы рассказывали о том, что произошло в Руисе, вашей маме или бабушке? Или хотя бы о том, что Томми Запата собирался сознаться в содеянном?

Кайл удивленно моргнул, переваривая мои слова, а потом отвернулся. Он был потрясен.

— Кайл, каждый, кто был в ту ночь в комнате с Ханой Инсинья, мертв. Кроме вас с Мими. И поверьте мне: Мими сейчас не было бы здесь, если бы те люди до нее добрались. — Я осторожно коснулась его плеча. — Получается, что остаетесь только вы.

Он прикрыл глаза рукой и глубоко вздохнул.

— Ваша мама случайно не одалживала у вас недавно сто тысяч долларов?

— Нет, — ответил Кайл с выражением смирения на лице. — Моя мать из обеспеченной семьи. Ей никогда не было нужды занимать у меня деньги.

Теперь понятно, откуда такой роскошный дом, где она жила с шерифом в отставке.

— Как по-вашему, она способна на...

— Поверьте, более чем способна. — В голосе Кайла звучала холодная, неумолимая горечь. — Я рассказал ей все, что произошло, в ту же ночь, двадцать лет назад. Она заставила меня поклясться, что я не проговорюсь отцу. Уверяла, что меня арестуют, что люди станут винить меня так же, как остальных. Как только начались летние каникулы, она отправила меня к бабушке.

— То есть все это время она знала? — переспросил дядя Боб.

Кайл кивнул:

— Когда я рассказал ей, что собираюсь во всем сознаться вместе с Томми, она вышла из себя. Сказала, что все не важно. Важен только Сенат. А потом и пост президента. — Его смех был горьким и грубоватым. — Так или иначе, это невозможно. Рано или поздно общественность узнала бы о моем прошлом. И о моей жизни. Таких, как я, в президенты не берут. Но мама настаивала, чтобы я попытался. И начал с Сената. — Он серьезно посмотрел на меня. — Эта женщина не в себе.

— Предлагаю прямо сейчас и взять у вас показания, — сказал дядя Боб и повел Кайла в отдельную комнату для допросов.

Я осталась. У меня в голове все еще пульсировали ритмы, только теперь Пятая симфония Бетховина сменилась «Summertime» Гершвина. Но мне было лучше хотя бы по одной причине: моя мачеха хоть и ненормальная, но точно не убийца. По крайней мере я ничего такого о ней не знаю.

Выпив две таблетки ибупрофена, я уселась на стул в приемной. Волей-неволей веки тяжелели, но мне хотелось дождаться Куки и узнать, что удастся выяснить дяде Бобу. Мы только что разгадали загадку целой серии убийств, но моим слипающимся глазам было до лампочки. Мир расплывался, мутнел, кружился, вставал с ног на голову... И тут появился папа. Наверное, узнал, что произошло, и пришел меня проводить.

— Привет, пап. — Я кое-как поднялась со стула и неуклюже обняла отца. Мы не виделись с самого нападения, а значит, я плохая дочь.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, крепко обнимая меня.

— Мм-м, а ты что здесь делаешь?

— Я еще не подал заявление о нападении.

— А-а. — Склероз не за горами.

— Почему ты в одеяле? Что случилось?

— Пап, все хорошо. Расследую дела, как обычно.

— Чарли, — раздраженным тоном начал он, — тебе нужно найти другую работу.

Я усмехнулась и в тот же миг заметила, как в участок входят Дениз и Джемма. Появление старой доброй мачехи и сестры меня озадачило.

— Почему ты здесь? — спросила Дениз и повернулась к отцу, наградив его вопросительным взглядом. — Я думала, ее не будет.

Папа стиснул зубы. Похоже, ведьма проговорила.

Джемма махнула мне левой рукой и зевнула. Выглядела она такой же уставшей, какой я себя чувствовала.

— А почему меня не должно было быть здесь? — спросила я папу.

Он покачал головой:

— Мы ничего важного не планировали. Я подумал, что ты не захочешь тратить на это время.

Я заметила, как сорвался его голос. Вот это уже интересно.

— У тебя показания должны взять позже. Я не хотел мешать тебе или влиять на твоё мнение.

— Значит, нам повезло, — широко улыбнулась я. — Раз уж я здесь, с удовольствием присоединюсь к веселью.

Папа поиграл желваками, наблюдая, как к нам идет дядя Боб.

— Конгрессмен дает письменные показания, — сказал мне Дибби. — Это займет какое-то время. А мы пока можем пройтись по записям.

— По каким еще записям? — Ни сном ни духом я ни о каких записях не знала.

— По записям разговоров Карузо с твоим отцом. Лиланд их записывал. Но, брат, — он повернулся к папе, — может, Дениз и Джемме не стоит это слышать?

— Еще как стоит, — отозвалась Дениз и проплыла мимо всех в конференц-зал.

Папа казался совершенно разбитым. От его вида мне стало не по себе.

— Это обалденно, — заявила я, вприпрыжку следуя за Дениз, — убить двадцать семь зайцев одним выстрелом. Кто бы знал, что один визит в участок может быть таким чертовски продуктивным.

— Она все еще немного дуется, — предупредил папу Дибби.

Судя по всему, намечалось общественно важное событие. Мы, то есть я, моя семья и двое других детективов, сидели вокруг стола в конференц-зале, в то время как вдоль стен расположились копы всех мастей и размеров. В основном симпатичные и очень симпатичные. Даже Тафт нарисовался. И это было любопытно, потому что у меня не имелось ни малейшей догадки, с чего вдруг все, а особенно Дениз и Джемма, с таким нетерпением ожидают, когда прокрутят эти записи.

— Кого мне убить сначала, Дэвидсон? — спросил говоривший на записи, Марк Карузо. У него был приятный тембр, хорошее произношение. Чуть-чуть бы поработал над интонацией, и было бы ясно, в каком он настроении. — Чья смерть поставит тебя на колени? — А вот это открытие. Надо же, он явно репетировал перед звонком. — Чья смерть низвергнет тебя в глубокую черную дыру, из которой ты уже никогда не выберешься?

Любому понятно, что вопрос был риторическим, а вовсе не из подлинного любопытства. Все присутствовавшие исподтишка бросали на папу пронзительные взгляды, надеясь заметить, какие эмоции вызвал у него Карузо. Происходящее с невероятной точностью объясняло, почему реалити-шоу пользуются такой популярностью. У людей разыгрывается неутолимый аппетит, когда появляется возможность увидеть чужую трагедию, заметить тонкую грань между болью и страданием, понаблюдать, как эмоции искажают обычно улыбчивое лицо. Это не их вина. Болезненное любопытство заложено внутри каждого из нас как часть биологического макияжа, как часть нашей ДНК.

— Может быть, начать с твоей жены, Дениз? — поинтересовался Карузо, словно спрашивал разрешения.

Как только прозвучало ее имя, мачеха тихо ахнула и поднесла руку ко рту. Из ее глаз послушно брызнули слезы. Но я собаку съела на чтении эмоций и была уверена на все сто, что она сполна наслаждается сочувствующими взглядами, скользящими в ее сторону. Однако я почувствовала и ее облегчение, когда глаза Дениз остановились на мне — в конце концов, Карузо пришел за мной, а не за ней. Честно говоря, я не могла ее винить, но вполне могла бы обойтись без внимания, на которое она напросилась за мой счет.

Карузо молчал, ожидая какой-то реакции.

— Нет, — сказал он наконец, будто покорился чему-то. — Нет, нет и нет. Ты должен потерять дочь, как я потерял свою. Как насчет красотки Джеммы?

Все это время Джемма и так почти не шевелилась, но теперь застыла, как статуя. С побледневшим лицом она надолго задержала дыхание и только потом посмотрела на папу. Сжав его ладонь, Дениз прильнула к нему, предлагая наигранную поддержку. Но он не обратил внимания ни на Джемму, ни на проявление заботы со стороны жены. Он замкнулся где-то внутри себя, став похожим на оболочку, в которой когда-то был мой отец. К моему удивлению, он покрылся потом. Почему сейчас? Все кончено. Чувак за решеткой.

А на записи папа по-прежнему молчал. Все ждали, зная, что будет дальше. Зная, чье имя звонивший назовет следующим.

— Или, может быть, лучше заняться твоим вторым выродком? — спросил Карузо таким тоном, что было ясно: он наслаждается моментом. — Как же ее зовут? Ах да... Шарлотта.

Мое имя он произнес медленно, словно смакуя каждый звук, каждую согласную, стекавшую с его языка. Я почувствовала, как все взгляды в комнате устремились ко мне, но опустила голову и продолжала молча сидеть. Особенно ясно я почему-то ощущала дядю Боба. Когда речь заходит обо мне, он становится мягким, как мед. Чем я без зазрения совести пользуюсь, как только представляется возможность.

Внезапно на пленке заговорил папа. Ясным и чистым голосом, четко проговаривая каждое слово, выделяя каждый слог. Ни слова не сказав, когда Карузо упомянул Дениз и Джемму, он сломался, когда прозвучало мое имя.

— Прошу тебя, — проговорил папа хриплым от подавляемых эмоций голосом, — только не Чарли. Умоляю, только не Чарли.

У меня остановилось сердце. Воздух в помещении сгустился, и я решила, что сейчас задохнусь. Истина только что произошедшего ударной волной накрыла меня, вызвав такой шок, что с минуту я сидела в полном оцепенении, прежде чем смогла поднять глаза. Теперь все собравшиеся бросали сочувствующие взгляды на моего отца. Они видели страдающего человека. Я же видела бывалого копа и детектива, который принял решение.

Папа опустил голову и искоса печально поглядывал на меня. Сказать, что его просьба на

записи меня ошарашила, было бы преуменьшением века. Я ощущала отголосок эмоции, которую он изо всех сил старался держать под контролем. И это был не болезненный страх. Его подавляло чувство вины. Папины глаза встретились с моими. Молча, одним только взглядом он просил у меня прощения. От возмущения, которое в этот миг поглотило меня целиком, я вскочила, опрокинув стул.

Забыв об одежде и обо всем остальном, что слышала на записи, я выпрямилась в полный рост и обвела глазами присутствующих. Дениз потрясло, что муж умолял за мою жизнь, а не за ее. Узколобое представление о действительности не оставило ей шанса заглянуть глубже и осознать истину. Наверное, приятно жить и видеть мир таким одномерным.

Но дядя Боб все понял. Он сидел с отвисшей челюстью и так смотрел на папу, словно тот спятил. И Джемма тоже все поняла. Джемма. Единственный на планете человек, за чье сочувствие я бы гроша ломаного не дала.

К счастью, слезы, которые могли хлынуть из моих глаз от того, что отец фактически нарисовал у меня на лбу мишень, скрывались за стеной замешательства. Легкие оставались парализованными, как будто кто-то ударом вышиб из меня весь воздух. В груди начало гореть, поэтому я заставила себя сделать вдох, хотя была уверена, что ошеломленное выражение моего лица не изменилось ни на йоту.

Мой отец, пропахавший в управлении полиции Альбукерке двадцать лет, был слишком умен, чтобы совершить такую несусветную глупость. И дядя Боб прекрасно это знал. Я видела, как в его карих глазах смешиваются шок и ярость. Он был так же поражен, как и я.

Папа выглядел виноватым. Бестолковое выражение лица мачехи, которая то и дело переводила взгляд с него на меня и обратно, могло бы меня рассмешить. И все же в комнате было три человека, до кого дошло все и сразу. Дядя Боб — это я еще могла понять. Но не могла поверить, что Тафт тоже все понял. Он смотрел на меня, и в его взгляде читалось удивление, граничащее с сочувствием.

Однако недоумения на лице Джеммы я просто не могла вынести. Она сверлила папу тяжелым взглядом, представляя собой классический образ крайнего изумления. Что ж, ее степень в психологии окупилась. Она поняла, что отец предпочел ее мне. Предпочел мне нашу мачеху.

Ноги самостоятельно стали отступать назад, пока я не почувствовала, что уперлась в дверную ручку. Протянув руку за спину, я повернула ее как раз в тот момент, когда с места поднялся папа.

— Чарли, погоди.

Я бросилась через дверь, попав в море столов с трезвонящими телефонами и щелкающими клавиатурами, и помчалась к выходу.

— Чарли, прошу тебя, остановись! — раздался позади папин голос.

Чтобы он увидел кучу соплей, в которую я превратилась? Ни за что на свете.

Однако он оказался проворнее, чем я ожидала. Поймав меня за локоть длинной худой рукой, он развернул меня лицом к себе. Тогда-то я и поняла, что слезы снесли стену и уже текут у меня по щекам. Папа расплывался перед глазами, поэтому я сморгнула слезы и вытерла щеки свободной рукой.

— Чарли...

— Не сейчас. — Я выдернула руку и снова направилась к выходу.

— Чарли! — повторил папа и снова схватил меня за руку, когда я уже выходила на улицу.

Он втащил меня обратно внутрь, я освободила руку. Он схватил меня снова, я снова освободилась. И так еще и еще раз, пока я не дала ему такую звонкую пощечину, что звук эхом прокатился по участку. В помещении повисла тишина, и все взгляды устремились к нам.

Папа потрогал щеку, по которой я ударила.

— Я это заслужил, но позволь мне все объяснить.

Мы стояли и смотрели друг на друга, но боль предательства и обиды не давала моим ушам услышать, что он говорит. Я закрылась. Его слова отскакивали от меня, будто меня окружало невидимое защитное силовое поле. Изобразив самый лучший гневный взгляд, на какой сейчас была способна, я отвернулась и снова попыталась уйти. В основном потому, что увидела, как к нам подходят Дениз с Джеммой. От одной мысли, что придется иметь дело с их безразличием, меня по-настоящему тошнило. Я тяжело сглотнула, пытаюсь избавиться от горького комка, застрявшего в горле.

На этот раз папа меня не хватал. Просто уперся рукой в стену, перекрыв дорогу, наклонился и прошептал мне на ухо:

— Если придется надеть на тебя наручники и силком затащить в ту комнату, я это сделаю.

Я наградила его яростным взглядом. Дениз тоже разозлилась и припустила к нам, оказавшись рядом быстрее, чем я ожидала.

— Она тебя ударила? — потрясенно спросила она.

Больше, чем когда-либо в жизни, мне захотелось хорошенько ее пнуть. Где носит Ульриха, когда он так нужен?

— Что ты собираешься с этим делать? — снова спросила Дениз папу. Моего папу. Смутившись, что офицеры видели мою истерику, она огляделась по сторонам. — Лиланд...

— Заткнись, — отозвался он тихим, угрожающим голосом, лишив Дениз дара речи. Наконец-то.

Ее рука легла на горло, словно так ей было легче проглотить папины слова. По закону, любой офицер, который видел, как я ударила папу, был обязан меня арестовать. Но никто не сделал ни шага в нашу сторону.

Папа возвышался надо мной в полный рост. Он был высоким и худым, но я знала, какой он крепкий и сильный, и не сомневалась: если ему взбредет в голову поволочь меня в конференц-зал, он это сделает. Но тогда он дернет кошку за хвост. Без боя я не сдамся, и этот бой он забудет нескоро.

— Да пожалуйста, — сказала я так же тихо и угрожающе, как он, — надевай на меня наручники. По собственной воле в ту комнату я не вернусь, потому что не имею ни малейшего желания видеть жалость всех, кто догадался, что ты натравил психа на собственную дочь.

Вздыхнув, папа ссутулился.

— Я этого не делал.

— Не делал? — резко переспросила Джемма, выходя вперед. — Именно это ты и сделал, папа.

— Нет. Я хотел сказать...

— Она особенная. Неповторимая. — От слов Джеммы я затаила дыхание. — Ты понятия не имеешь, кто она такая. И ты послал его к ней?!

— Джемма, — подала голос Дениз, и я поняла, что она думает, будто ее предали, — о

чем ты говоришь? Он умолял того человека не причинять вреда Чарли.

Похоже, Джемма с трудом сохраняла спокойствие. На несколько секунд закрыв глаза, она повернулась к нашей мачехе:

— Мам, неужели ты ничего не слышала?

— Я слышала каждое слово, — с горечью отчеканила Дениз.

— Мама, — Джемма положила руки ей на плечи, — открой глаза. — Ее голос был мягким, потому что она не хотела ранить чувства ведьмы.

У меня таких порывов не было:

— Это невозможно.

Дениз злобно скрипнула зубами и повернулась к папе, тыча в меня пальцем, на случай, если он не заметил:

— Видишь?

Меня до сих пор беспокоила реакция Джеммы. Честно говоря, не думала, что ей вообще есть до меня дело.

Державшийся все это время позади дядя Боб шагнул к нам.

— Может, пойдем все ко мне в кабинет?

— Я уйду, — сказала я, чувствуя себя выжатой, как лимон. Казалось, меня вот-вот стошнит. Я снова шагнула к выходу.

— Я знал, что у него ничего не выйдет, — еле слышно проговорил мне вслед папа.

Я остановилась. Обернулась. Ждала продолжения.

— Я знал, что все закончится, как с остальными.

С какими остальными? О скольких случаях ему известно?

Папа сделал шаг вперед и умоляюще посмотрел мне в глаза:

— Солнышко, ну подумай. Если бы он пришел за Дениз или Джеммой, они были бы уже мертвы.

Он прав. Но от этого боль из-за его поступка не ослабевала. Ужасная, жгучая боль, какой мне еще никогда не доводилось испытывать, прожигала дыру у меня в груди, стеной росла прямо передо мной, пока я снова не почувствовала, что задыхаюсь. А потом это случилось опять. Чертовы слезы. Господи, неужели можно быть еще более жалкой?

Папа погладил меня по щеке:

— Я знал, что с тобой все будет в порядке. Как всегда, моя замечательная девочка. У тебя есть, ну не знаю, какая-то сила. Которая неотступно следует за тобой. Ты самое удивительное создание, какое я когда-либо видел.

— Но ты должен был ей сказать, — упрекнула Джемма, — должен был ее предупредить.

Теперь она тоже плакала. Я глазам своим не верила. Я попала в «Сумеречную зону». Больше никаких телемарафонов научной фантастики. Шагнув ближе, Джемма меня обняла. Взяла и просто обняла. И будь я проклята, если не обняла ее в ответ.

Прорвались на поверхность годы горечи и обиды, когда меня постоянно отодвигали в сторону, как чокнутого изгоя, как гадкого утенка. И, несмотря на все усилия, рыдания сотрясали меня снова и снова. Папа обнял нас обоих, едва слышно шепча какие-то извинения.

Я взглянула на Дениз. Смущенная и сбитая с толку, она оглядывалась по сторонам. Мне почти стало ее жаль. Почти. Я жестом предложила дяде Бобу присоединиться к нам. Он мечтательно улыбался, но, когда увидел, что я его зову, нахмурился и замотал головой.

Наградив его своим убийственным взглядом-лазером, я позвала снова. Глубоко вздохнув, он подошел к нам и обнял всех сразу.

Так мы и стояли посреди полицейского участка, обнимаясь и рыдая, как звезды в реабилитационном центре.

— Сейчас задохнусь, — сдавленно выдохнула Джемма, и мы рассмеялись, как когда-то, когда были еще школьницами.

Если мне до лампочки, это еще не значит, что я чего-то не понимаю.

Надпись на футболке

— Без обид, но все эти годы ты вела себя со мной, как последняя стерва.

Я подмигнула Джемме. Мы сидели за столиком в папином баре. Сэмми готовил нам хуэвос ранчерос, а папа разливал заказанные напитки. Дениз увязалась за нами. Даже дядя Боб нашел себе оправдание, чтобы сбежать из участка и перекусить.

— Конгрессмен может и подождать, — усмехнулся он, а потом огорошил меня вопросом: — Не объяснишь, откуда у тебя на спине порез?

Похлопав его по животу, я доверительно поделилась:

— Будешь продолжать есть, как сейчас, начну называть тебя дядя Жлоб.

А он ответил:

— Не очень-то мило.

А я:

— Знаю, потому и сказала.

А он:

— А-а.

А потом мы все приехали сюда.

Джемма поерзала:

— Я над этим работаю, ясно? Ты хоть представляешь, что значит быть сестрой удивительной Чарли Дэвидсон? Той самой Чарли Дэвидсон?

Я как раз глотнула чая со льдом, который вручил мне папа, и чуть не поперхнулась. Пережив затяжной приступ кашля, я уставилась на нее с открытым ртом:

— Издеваешься, что ли? Это ты всегда была идеалом. И тебе было сложно быть моей сестрой?

— Чушь собачья, — закатила глаза Джемма. Оказывается, мы с ней больше похожи, чем я помнила. Жуть какая.

— Ты ведь со мной не здоровалась, — гнула я свое. — Даже не замечала меня, когда я входила в помещение.

— Мне казалось, ты этого не хочешь. — Джемма смущенно опустила глаза.

У меня отвисла челюсть.

— Откуда такие нелепые мысли?

— Ты сама мне сказала больше никогда с тобой не заговаривать. Даже не здороваться. И никогда, ни при каких обстоятельствах на тебя не смотреть.

Чего? В упор такого не помню. Хотя... нет, разок было.

— Чувиха, мне ж тогда было девять лет.

Она покачала головой. Ладно, два раза.

— Двенадцать?

Джемма снова покачала головой.

— Да ладно, не важно. Это было давным-давно.

— Ты не определяла временные рамки. Вижу, что ты не помнишь, но я помню, словно все случилось только вчера. К тому же ты всегда была очень скрытной. Мне так много хотелось узнать, но ты ничегошеньки не рассказывала. — Она пожала плечами. — Я всегда чувствовала, что мне в твоей жизни места нет.

Пришла моя очередь заерзать.

— Джемма, есть некоторые вещи, о которых просто-напросто лучше не знать.

— Опять двадцать пять, — сказала она, поднимая руки.

Сидящий напротив нас папа рассмеялся:

— Со мной то же самое.

— Серьезно, ребята, я не шучу, — настаивала я.

— Чарли права, — вклинилась Дениз, — пусть оставит все это при себе.

Ну вот, опять мы катимся в Пошланафигвиль. А в нем совсем не так весело, как в Маргаритавиле. Ничего на свете Дениз не любит меньше, чем говорить о Чарли.

— Дениз, — папа накрыл ладонью обе ее руки, — тебе не кажется, что мы слишком долго придерживались этой позиции?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда старалась отодвинуть ее в сторону, отказывалась признавать ее особенную одаренность, даже когда доказательства бросались в глаза.

Дениз ахнула:

— Ничего подобного я никогда не делала.

— Мам, — начала Джемма. Она искренне любила эту женщину, что всегда меня поражало. — Чарли очень необычная. Ты это знаешь. Должна знать.

— В том-то все и дело, — проговорил папа. По его виду было ясно: ему стыдно. — Я знал, что если Карузо придет за тобой, солнышко, то ты выберешься целой и невредимой. Как всегда.

Я бы не сказала, что выбралась из той заварухи целой и невредимой. Все-таки меня мазали суперклеем. Хоть и на несколько минут, потому что рана зажила практически мгновенно, в чем мне не хватило духу признаться врачу. И это еще один аспект моей жизни, в который не посвящена моя семья. Родные понятия не имеют, что я так быстро исцеляюсь.

— Пап, почему ты просто не рассказал обо всем мне?

Его поглотила такая глубокая грусть, что мне пришлось взять его за руку, — я испугалась, что он просто исчезнет.

— Не хотел, чтобы ты что-то знала о Карузо. И о том, что я сделал. Мы рассчитывали схватить его раньше, чем он сможет воплотить свои угрозы в жизнь.

— Папа, нам ты можешь говорить о чем угодно, — поддержала меня Джемма.

— Вы не понимаете. Он был прав. — Папино лицо вытянулось, когда стыд захлестнул его новой волной. — Его дочь погибла из-за меня. Была погоня. Сумасшедшая скорость. Я ехал прямо за ним. Карузо проскочил закрытый шлагбаум. Автомобиль повело, и он съехал на насыпь с другой стороны. Машина перевернулась, и дочь Карузо выбросило наружу.

— Папа... черт побери. — Он меня вывел. — Это все его вина, а не твоя. Сам подумай: скоростная погоня с ребенком в машине?

Глубоко вздохнув, он кивнул:

— Знаю, но на душе не легче. — Потом снова посмотрел на меня. — Просто не мог тебе сказать. Но сказал. Твоя очередь.

— Боже мой, так все подстроено!

Дядя Боб фыркнул:

— Он прав, ты должна хоть чем-нибудь поделиться.

Святые макароны! Если они узнают, что я ангел смерти... Нет, никогда и ни за что.

— Может, начнешь с того, как ты это сделала? — предложил папа.

— Сделала что? — спросила я, наблюдая, как к нам с нашей едой подходит Донни, папин бармен-индеец. Я дала себе несколько секунд полюбоваться его широченной грудью и вдруг заметила, что Джемма тоже на него пялится. Дав ей пять под столом, я поздоровалась: — Привет, Донни.

Он посмотрел на меня, нахмурился и осторожно ответил:

— Привет.

А раньше никогда не обращал на меня внимания.

— Ну это, — продолжил папа, когда Донни отошел. — То, как ты двигалась. — Наклонившись ближе ко мне, он едва слышно добавил: — Чарли, в том, как ты двигалась, не было ничего человеческого.

Глаза Джеммы превратились в блюдца.

— Как? Как она двигалась?

Даже Дениз внезапно обуял интерес, пока она, не глядя в тарелку, смешивала яйца с красным чили.

Папа принялся всем объяснять, что там произошло и как я двигалась, а я покосилась на Сахарную Сливу, которая появилась сбоку от меня. Чтобы уступить ей место, я так близко придвинулась к Джемме, что бедром сдвинула ее чуть дальше.

— Привет, милашка, — сказала я, глядя, как СС взбирается на диванчик рядом со мной. Папа замолчал, все уставились на меня. Я закатила глаза: — Да ладно вам! Вы все в курсе, что я разговариваю с мертвецами.

— В курсе, — отозвалась Джемма, — просто хотим послушать.

— А-а, ну тогда ладно.

Дениз притворилась, будто поглощена рассматриванием еды. Я-то думала, она фыркнет или даже закатит истерику, но она, похоже, поняла, что на этот раз в меньшинстве. Впервые в жизни.

— Что случилось? — спросила я Сливу. — Брат опять пошел по шлюшкам?

— Чарли, — предостерегающе произнесла Джемма.

— Да нет, серьезно, он встречается со шлюшками, — объяснила я. — Наверное, кому-то надо наконец вмешаться.

— Не знаю, — ответила СС, пожав плечами, по которым рассыпались светлые волосы. — Я была с Незабудкой. В том старом здании. Там весело. Рокет ужасно смешной.

При упоминании Рокета у меня чаще забилося сердце.

— Значит, с ним все хорошо?

— Ага. Говорит, лучше не бывает.

С облегчением вздохнув, я гадала, не нашла ли Незабудка тело Рейеса. Очень не хотелось говорить вслух, но...

— Она нашла его? Нашла Рейеса?

Дядя Боб застыл. За столом он был единственным, кто хоть что-то знал о Рейесе и о том, что он, так сказать, сбежал из тюрьмы.

И снова Слива пожала плечами:

— Нет, но она говорит, что найти его можешь только ты. Вот только ищешь не той частью тела.

Не успев подумать, глянула себе между ног.

— И что это значит?

— Понятия не имею.

— Ладно, а она не намекала, — я наклонилась к СС и перешла на шепот, — какой частью тела я должна искать?

Все сидящие за столом потянулись к нам.

— Говорит, нужно просто слушать.

— А-а. — Я выпрямилась, совершенно сбита с толку. — А она сказала, что именно я должна слушать?

— Не знаю. Она так смешно разговаривает!

— Ясно. Тогда скажи мне дословно, что и как она тебе сказала.

— Она сказала, надо слушать то, что можешь услышать только ты.

— А-а, — снова протянула я, сдвинув брови.

— Мы собираемся поиграть в классики.

— О'кей.

— Ах да, еще она сказала, что надо поспешить.

— погоди! — Но Слива уже испарилась. — Чертовы мертвецы.

— В чем дело? — спросила Джемма, едва не подпрыгивая от нетерпения.

Должна признаться, было приятно меньше держать в себе и больше делиться с родными. Со знанием дела я уставилась на дядю Боба:

— Она сказала, чтобы найти Рейеса, я должна слушать то, что могу услышать только я. Не представляю, что бы это значило.

— Чарли, — Джемма не сводила с меня глаз, — я знаю, кто ты.

В который раз у меня отвисла челюсть. Я воровато осмотрелась.

— Джемма, никто за этим столом не знает, кто я.

— И кто в этом виноват? — спросил папа.

— Я знаю, — усмехнулась Джемма, — что ты — влюбленная по уши барышня. — Она заговорщицки подмигнула мне, и я поняла, что она меня прикрывает. Она действительно знала, кто я. С каких, черт побери, пор?! — А еще знаю, что у тебя есть способности, о которых ты никогда нам не рассказывала.

Откинувшись на спинку диванчика, папа подозрительно воззрился на нас обеих. Ему нужны были ответы, которые я не готова была дать. По крайней мере, прямо сейчас.

— Вам хватит, если я скажу, что пользуюсь ими исключительно во благо?

Папины губы сложились в тонкую линию.

— Что говорит тебе сердце? — неожиданно спросила Джемма.

Уткнувшись подбородком в кулак, я принялась яростно ковырять свои картофельные оладьи.

— Мое сердце слишком переполнено любовью к нему, чтобы думать ясно.

— Тогда притормози и прислушайся, — сказала она. — Я видела, как ты такое делаешь, когда мы были маленькими. Ты закрывала глаза и просто слушала.

И правда, было дело. Вспомнив, я расправила плечи. Джемма права. Иногда, замечая издали Злодея, — того самого Злодея, который потом оказался Рейесом, — я закрывала глаза и прислушивалась к его сердцу. Но тогда Злодей был в пределах видимости, поэтому и

я могла услышать, как оно бьется. Разве нет?

Джемма нахмурилась:

— Закрой глаза и слушай. — Потом наклонилась ко мне и шепнула на ухо: — Ради бога, ты же ангел смерти!

Каким-то чудом мое удивление осталось за маской раздражения.

— Откуда ты знаешь? — шепнула я в ответ.

— Слышала, как ты сказала тому мальчишке, Ангелу, когда впервые его встретила.

Святой ежик, я напрочь забыла об этой маленькой подробности.

— А теперь сосредоточься, — велела Джемма, глядя на меня так, словно в ней жила вера всего человечества.

Сделав глубокий вдох, я медленно выдохнула и закрыла глаза. А уже через секунду слышала. Слабое, едва слышное сердцебиение где-то там, вдалеке. Я сконцентрировалась на нем, сделала его центром своего мира. Чем сильнее я сосредотачивалась, тем громче билось сердце. До боли знакомый, успокаивающий ритм. Неужели я действительно слышу, как бьется сердце Рейеса? Неужели он действительно все еще жив?

— Где ты, Рейес? — прошептала я.

Накатило тепло, превратившись во вспышку обжигающего жара. А потом я почувствовала губы возле уха и слышала дразнящий глубокий хриплый голос, от одного звука которого тонула в чувственных волнах:

— Там, где ты будешь искать в последнюю очередь.

Задохнувшись, я открыла глаза.

— Боже мой, я знаю, где он.

Я заглянула в каждое лицо. Все с надеждой ждали продолжения.

— Дядя Боб, пойдешь со мной? — спросила я, вскакивая с места. Он запихнул в рот еще один кусок и встал. Папа тоже. — Пап, тебе необязательно идти.

Он наградил меня скептическим взглядом:

— Попробуй меня остановить.

— Но я могу ошибаться.

— Ничего страшного.

— Ну и ладно. Только еда твоя точно остынет.

Папа ухмыльнулся. Я оглянулась на Джемму, до сих пор не веря, что она знает, кто я такая. Но от одной мысли, что об этом узнает папа, болело в груди. Я его маленькая дочка. И хочу оставаться ею как можно дольше. Перед тем, как выскочить на улицу, я наклонилась к Джемме и шепнула:

— Пожалуйста, не рассказывай папе.

— Ни за что, — заверила она и ободряюще улыбнулась.

Ничего себе, а это приятно. Пусть и в стиле семейки Аддамсов, но все равно приятно.

***

Где бы я не стала искать Рейеса? В собственном доме, ясное дело.

Промчавшись по парковке с такой скоростью, какую только могла выжать из ботинок, и не став дожидаться папу и дядю Боба, я буквально скатилась по ступенькам в подвал. Это

единственное логичное объяснение. Перед сессией в колледже все квартиры в доме были сданы. Стало быть, Рейес находился в подвале.

Когда я наконец остановилась, скрипнув подошвами по бетонному полу, то поняла, что кое о чем забыла. Свет. Выключатель был наверху. Я повернулась, чтобы подняться, но застыла как вкопанная. По коже скользила странная тревога, как будто кто-то пустил ток по оголенным нервам. Первое, что я осознала, — запах. В воздухе висела такая острая, такая едкая вонь, что жгло глаза и горло.

Прикрыв ладонью рот и нос, я поморгала, чтобы привыкнуть к темноте. Геометрические линии стали приобретать форму. Прямо на глазах, словно из ниоткуда, материализовались выпирающие под острыми углами суставы. Привыкнув к темноте, я осознала, что фигуры движутся, наползают друг на друга, как огромные пауки, падают с потолка, смешиваясь в громадной куче.

Я попятилась, пока не поняла: они повсюду. Покрутилась вокруг себя. Меня окружили со всех сторон.

— Сюда послали двести тысяч.

Крутанувшись на пятках, я увидела Рейеса. Со страшным мечом в руках он казался таким неукротимым, таким умопомрачительным, что я невольно вздрогнула.

— *In numeris firmatis*, — сказал он. Сила в количестве.

Они так сильно его хотели, что пускали слюни. В буквальном смысле. С острых как бритва зубов стекала темная жидкость, собираясь в лужи на полу. Тогда я и увидела его материальное тело, истерзанную оболочку, в которое оно превратилось. У меня подогнулись колени. Чтобы не упасть, я схватилась за перила, тряхнула головой, прогоняя головокружение, и снова сосредоточилась. Он был без сознания, весь покрыт собственной кровью и густой черной демонской слюной.

— Оно пока держится, — проговорил Рейес.

Держится! Да здесь двести или триста тысяч демонов! Сколько еще может вместить этот подвал? Демоны. Сажа и пепел с зубами.

Включился свет, и в тот же миг до меня дошло. Их изгнали из света. Они не могли существовать в нем, поэтому исчезли, как только свет включили.

— Выключите свет! — крикнула я, потому что больше не видела демонов.

— Что? — переспросил сверху дядя Боб.

— Выключите свет и оставайтесь на месте!

— Нет, оставь свет, — услышала я Рейеса, — если ты их видишь...

Он повторил предупреждение, которое я уже слышала раньше.

Но дядя Боб сделал, как я просила.

Рейес сердито зарычал. Он стоял в полном облачении, черный плащ клубился вокруг него, а меч поблескивал даже в темноте подвала. Демоны потянулись к нему, черной массой сомкнувшись над его физическим телом. Их становилось все больше. Они просачивались из всех трещин и щелей, стекали с потолка, стремились оказаться впереди легионов своих же собратьев.

Сердце бешено колотилось в груди, пока я пыталась их рассмотреть. И, как предупреждал Рейес, они меня увидели. Одна за другой головы, похожие на голые черепа, повернулись ко мне. В какой-то кошмарной, невообразимой оптической иллюзии мне привиделось, что они улыбаются. Широко раскрытые рты, в которых торчали страшные острые зубы, были похожи на перевернутые полумесяцы, когда они пригнули головы,

готовясь к нападению.

— Включи свет, — напряженно повторил Рейес, махнув огромным мечом, когда один из них подобрался слишком близко. — Это ослепит их и даст тебе время.

— Что происходит, Чарли? — крикнул Дибби из-за двери.

Я взглянула наверх. Лестницу полностью заблокировали десятки и сотни демонов. Настоящих, самых натуральных демонов.

Чтобы осознать, где я и что происходит, понадобилось время. Я стояла в подвале, словно приклеенная к месту, в полном отупении. Передо мной возник Рейес. Его предупреждающий голос звучал так отчаянно, так решительно, что последние капли кислорода покинули мои легкие.

— Не вынуждай убивать тебя.

Демоны подбирались ближе. Рейес стоял передо мной, готовый в любой момент нанести удар. Возле меня появился Ангел с огромными от страха глазами. И я поняла, как сильно, окончательно и бесповоротно облажалась. Надо было послушать Рейеса. Надо было внять его предупреждениям.

Но с другой стороны, ничего подобного. Если бы я его послушала, если бы не стала искать, сколько еще это могло продолжаться? Сколько еще его бы пытали? На сколько кусочков смогли бы разорвать, прежде чем он умрет?

— Датч, — угрожающе процедил Рейес, поднимая меч, — прошу тебя.

Так или иначе, они все равно бы меня нашли. Мне все равно бы пришлось ввязаться в эту битву. К сожалению, именно в этой битве я не могла победить. Их слишком много. Рейес был прав. Если они меня получают, если найдут путь на небеса, начнется другая война, и виновата буду я. Я не имею права становиться катализатором этой войны. Портал должен быть закрыт.

Я в последний раз закрыла глаза. Рейес не колебался. Меч со свистом рассек воздух, словно разрезая в нем атомы. Мир замедлился. Сердце замерло у меня в груди, и я решила встретить свою судьбу с высоко поднятой головой. Открыв глаза, я увидела застывшего в воздухе демона. Его взгляд был прикован к моей шее. Воздух рябил, потому что сила, с которой Рейес взмахнул мечом, была невероятной. Спустя долю секунды я стояла на месте, целая и невредимая, а у моих ног валялся разрубленный на куски демон. Рейес снес ему голову еще в прыжке.

Время вернулось к привычной скорости, и демоны посыпались один за другим. Рейес лишь поворачивался и рубил их по очереди, демонстрируя безупречное владение мечом. Где-то глубоко-глубоко в душе я упивалась тем, что он не убил меня, что он борется с демонами за мою жизнь. Изувеченные, они падали на пол, но их ряды все пополнялись и пополнялись. Они продолжали наступать. И теперь знали слабое место Рейеса.

Посреди этого хаоса стоял один демон, который только наблюдал за разворачивающейся битвой. Он казался разумнее, хитрее остальных. Он изучал Рейеса, изучал его мастерство, позволявшее наносить исключительно точные удары. Потом посмотрел на тело, лежавшее у его ног, и атаковал. Пальцы с длинными зазубренными когтями разорвали грудь Рейеса, и бог, стоявший между мной и демонами, запнулся. Плащ, дававший ему защиту, исчез. Рейес схватился за грудь, и десятки демонов, пользуясь моментом, налетели на него.

Усилием воли он поднялся на ноги, выпрямился, сбросив с себя демонов, и еще усерднее принялся рубить их направо и налево. Плащ снова окутал его, развеваясь вокруг

твердых очертаний мышц, обнимая широкую грудь.

Но через секунду демон нанес еще один удар, погрузив когти в плечо Рейеса. Плащ снова исчез, и на этот раз Рейес упал, упершись руками в пол. Видеть, как такое могучее создание поставили на колени, было так больно, что у меня разрывалось сердце. Я бросилась к нему, но он повернулся и пригвоздил меня к месту яростным взглядом. Плечи его ссутулились, и я поняла: живущий в Рейесе зверь сорвался с цепи.

— Уходи, — процедил он и утонул в море демонов.

В груди все сжалось, и на этот раз ноги сдались окончательно. Я рухнула на пол, в ужасе наблюдая, как растет куча демонов-пауков. Тяжелое чувство вины затопило во мне каждую молекулу. А потом остальные демоны одновременно повернулись в мою сторону. Они наступали медленно, не торопясь, в предвкушении капая на пол черной жижей, потому что единственное препятствие на их пути сейчас было слишком занято.

— Беги, Чарли! — заорал Ангел, рывком поднимая меня на ноги.

Я пошатнулась, сделала один нетвердый шаг и в ту же секунду затылком почувствовала чье-то дыхание.

Жуткий, леденящий душу страх парализовал меня. Мир закружился перед глазами. Сознание начало мутнеть, и я поняла то, отчего из глаз брызнули слезы. Сейчас я умру.

Бояться нужно лишь самого страха. И пауков.

Наклейка на бампер

Не в силах смотреть, как напирают демоны, я зажмурилась. Я же ангел смерти, черт побери! Мне и побирать всех чертей! Рейес говорил, я могу с ними бороться, вот только как? У меня даже меча нет. Но я же яркая. Мне миллион раз говорили, я такая яркая, что мертвецы видят меня из любого уголка любого континента. Если демонов изгнали из света, то как они могут приближаться ко мне? Почему не исчезают от моего собственного света?

Я открыла глаза.

Стоило об этом подумать, стоило самой идее появиться в голове, как внутри зажглась сила, наполняя меня вибрирующей энергией, заставляя дрожать от потребности выпустить ее наружу. Сила вихрилась и росла, росла, росла, пока я больше не могла вмещать ее в себе.

— Ангел, — выдавила я, не в состоянии сдерживать клубящуюся во мне энергию, — беги.

Три вещи случились одновременно: Ангел отпустил мою руку, острые зубы сомкнулись у меня на затылке, и я взорвалась ослепительным светом, который залил весь подвал и поглотил все тени до единой. Рев чистой силы, поглощающей все на своем пути, заглушил крики демонов. Они пылали, сгорая в пепел, как бумага. Свет вернулся ко мне, успокоившись где-то глубоко внутри, а я так и стояла, пытаюсь осознать всю офигительность только что произошедшего.

— Чарли! — Дядя Боб проломился через двери. — Что это за звук?

За ним попятая бежал папа.

— Подождите! — Я подняла руку. — Побудьте там еще минуту.

— Это Фэрроу? — спросил дядя Боб.

— Звони в «скорую».

Шаг за шагом я приближалась к телу, понимая, что нематериального Рейеса нигде не видно. Сердце больно сжалось, как вдруг я услышала его голос, эхом отразившийся от стен:

— Оно все еще уязвимо.

Я обернулась и увидела его. Он сидел на корточках на полке вдоль стены. Одна рука покоилась на рукояти меча, острие которого упиралось в пол. Впервые я заметила, что меч в длину почти как я ростом. Вокруг Рейеса развивался плащ, с ног до головы, заполняя все пространство движением, пока я наконец не ощутила, что тону в темном океане. Он самое великое существо из всех, кого я когда-либо видела.

И он здесь. Живой.

— Я думала, что и тебя снесла светом.

Он повернул ко мне голову, но лица мне видно не было.

— Я не демон. Меня создали из света.

— Из света адского пламени, — напомнила я. Он промолчал. А я неожиданно разозлилась. Почему быть ангелом смерти так сложно? — Почему ты просто не рассказал,

что мне такое по зубам?

— Как я уже говорил, это все равно, как сказать птенцу, что он умеет летать. Ты сама должна была узнать, исходя из собственной интуиции. Если бы я тебе рассказал, то оказал бы медвежью услугу.

— А если бы до меня не дошло, Рейес?

Скрытая капюшоном голова склонилась набок.

— Зачем задавать такие вопросы? Ты это сделала. У тебя получилось. Конец истории. Но оно все еще уязвимо. — Он кивнул на свое материальное тело — на изувеченную, искалеченную оболочку человека, которым он когда-то был.

— Все будет в порядке, когда мы доставим тебя в больницу.

— Ради чего?

Я снова повернулась к нему:

— Как это ради чего?

— Неужели ты считаешь, что все кончено? Неужели думаешь, что мой отец сложит руки? Для него это была победа. Теперь он знает, что портал живет на Земле. Он ни перед чем не остановится и найдет способ тебя уничтожить. Разорвать на куски, чтобы добраться до твоей сердцевины, самой твоей сути. К тому же теперь ему известно, где твоя ахиллесова пята. — Рейес снова взглянул на свое тело. — Ты не понимаешь, что будет, если отец до меня доберется. Существует причина, по которой я должен избавиться от физического тела, Датч. Я не могу так рисковать.

— Чарли, пусти меня наконец! Он умирает.

Я слышала, как приближается сирена неотложки.

— Еще минуту! — крикнула я дяде Бобу. Я не могла представить, что сделает Рейес, окажись дядя Боб рядом. — О чем ты говоришь? Что еще за причина?

Спрыгнув с полки, Рейес легко приземлился прямо перед телом и проговорил:

— Меня могут найти. Могут выследить через это тело.

— Это я уже слышала. Но ведь есть еще какая-то причина. Так в чем же дело?

Он покачал головой:

— Ты расчистила путь. Теперь я могу с этим покончить.

Понимание того, что я натворила, ошеломило меня. Я шагнула к Рейесу.

— Почему ты меня не убил, когда был шанс? Тогда не пришлось бы убивать себя.

— Чарли, — заволновался папа, — что происходит?

Рейес коснулся моего лица рукой в перчатке. Жар, который он излучал, ласкал меня, как горячий шелк.

— Убить тебя, — произнес он бархатным голосом, от которого трепетали все потаенные уголки глубоко во мне, — это все равно, что погасить солнце.

Беспомощно моргая, я смотрела, как он поворачивается и поднимает меч, обеими руками держась за рукоять невероятно большого оружия. Лезвие молниеносно пошло вниз, и я метнулась сквозь пространство и время, нырнула под руки Рейеса и накрыла собой его тело. Меч остановился в миллиметре от моего позвоночника.

Рейес поднял его и угрожающе прорычал:

— Уйди.

— Нет. — У меня не получилось сдержать чувства, не дать им пролиться слезами. Поэтому я просто стиснула зубы и продолжала лежать на Рейесе. Даже пропитанное кровью, его тело было как пламя — горячее, полное жизни. Под моими ладонями билось его сердце.

У меня в ушах шумел его пульс. — Я тебе не позволю так поступить.

Он шагнул ко мне, опустив капюшон. Теперь я видела суровые черты его лица.

— Ты не понимаешь, что произойдет, если меня найдут, если заберут обратно.

— Я понимаю, понимаю, — умоляюще отозвалась я. — Тебя будут пытаться. Ты для них — ключ в это измерение. Но...

— Все не так просто.

Он считает, это просто?!

— Тогда что еще? Скажи наконец.

Рейес скрипнул зубами, всем своим видом выражая неохоту. Но наконец сказал:

— Я как ты. Ключ.

— Я знаю, понимаю.

— Нет, не понимаешь. — Он потер лоб обтянутыми перчаткой пальцами. — Так же как ты — вход на небеса, — он опустил голову, словно ему было стыдно, — я — выход из ада. Если до меня доберутся, сюда пройдут легионы. Им уже не придется искать души новорожденных.

Несколько секунд я обдумывала его слова. Трудно в это поверить, но оказывается, мы похожи больше, чем я себе представляла. Оба — ключи. Оба — порталы. Один в рай, другой в ад. Как зеркало.

— Через меня у них появится прямой путь сюда, так же как умершие через тебя попадают прямо в рай. И первым делом они начнут тебя отслеживать. Со мной у них будет выход из ада, а с тобой — дверь в рай. Теперь отодвинься, или я сам тебя отодвину.

Я и не сомневалась. Еще как отодвинет. Чтобы добраться до своего тела, он просто сбросит меня на пол. Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как сердце заходится от боли и обливается кровью. А потом вдруг подняла руку и произнесла:

— Рейазиэль, te vincio.

Он застыл, в глазах светилось изумление.

— Именно так, — добавила я, больше не в силах выносить его взгляд. — Я тебя связываю.

Рейес отшатнулся. По лицу было ясно, в каком он шоке.

— Нет, — выдохнул он, хватаясь за исчезающий плащ. Меч упал на пол, рассыпался на куски и испарился. В глядящих на меня глазах отчетливо читалась мольба. — Датч, нет.

Чувство вины, пронзившее мое сердце, казалось в сто раз хуже всего, что он мог сделать с помощью своего меча. Взгляд обвинял меня в предательстве. А потом он исчез. Через мгновение с громким вздохом очнулось его материальное тело. Рейес задышался, стиснув зубы от невыносимой боли, исказившей прекрасное лицо.

— Дядя Боб! — закричала я, и они с папой бросились ко мне. — Пожалуйста, помогите ему...

***

Рейеса устроили в карете «скорой помощи», где сразу поставили капельницу и надели кислородную маску. Сильное крепкое тело теперь казалось хрупким и уязвимым. Больше всего на свете мне хотелось обнять его и прогнать все плохое, что с ним когда-нибудь

случалось. Но для этого понадобилось бы сказочное волшебство. Благодаря же моим способностям — или скорее вопреки им — волшебство было последним, во что я верила.

Мы с папой и дядей Бобом сочинили историю еще до приезда «скорой». Якобы мы втроем шли ко мне за какими-то документами, как вдруг я услышала шум в подвале. Там мы нашли Рейеса, который был без сознания, и вызвали неотложку. Сойдет, если никому не вздумается копнуть глубже. Мне пришлось рассказать эту историю раз двадцать, поэтому от нее уже тошнило.

Я сидела в приемном покое, завернутая в папину куртку, чтобы скрыть пропитанную кровью одежду, и надеялась услышать хоть что-то о состоянии Рейеса, пока какой-то доктор засыпал меня вопросами.

— Послушайте, это все, что мне известно. Понятия не имею, где он так поранился и что произошло, и мне очень жаль, что некоторые раны выглядят старыми. Он уже был в таком состоянии, когда я его нашла.

Прогнав врача мрачным взглядом, рядом со мной присел Нил Госсет с двумя чашками кофе в руках.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Где твой дядя?

— Вернулся в участок. Он же только что раскрыл запутанное дело, поэтому сейчас берет показания.

А еще Дибби должен был обо всем сообщить Куки. Она обрадуется, что мы нашли Рейеса.

— Итак, — Нил вручил мне чашку и нахмурился при виде крови на моих руках, — судя по всему, Рейес очнулся в больнице для хроников с полной амнезией. В конце концов, он был в коме после пулевого ранения в голову. Не знал, кто он и тем более где находится. Значит, он не может нести ответственность за побег, раз уж понятия не имел, что совершает его.

Я громко ахнула. Ухмыльнувшись, Нил протянул руку и помог моей челюсти вернуться на место.

— Ты правда это сделаешь? — спросила я полным надежды и благодарности голосом.

— Правда.

Я с облегчением вздохнула:

— Спасибо тебе, Нил. Огромное спасибо.

— Не стоит об этом. — Он сделал глоток. — Я серьезно, вообще не стоит об этом упоминать. Мне нравится моя работа.

Я улыбнулась:

— Черт возьми, у меня же теперь есть на тебя компромат. Хм-м... — Я сделала большой глоток кофе. — Чего бы мне хотелось?

— Обследовать голову? — предложил вариант Нил. — Для этого, кстати, тебе не придется никого шантажировать. У меня есть знакомые, у которых есть знакомые.

— Если мне понадобится мозгоправ, я обращусь к сестре.

— О да, сестрица у тебя просто шикарная. — Он уселся поудобнее, предаваясь воспоминаниям.

— Фу-у. — Джемма, безусловно, красавица, но, боже упаси, Нил Госсет? И моя плоть и кровь? Ни за какие коврижки. — Я должна тебе кое-что сказать.

Он выпрямился:

— Звучит серьезно.

— Так и есть. Я его связала.

— Чего?

— Я его связала, — тяжело вздохнув, повторила я. — Не веревками, конечно, но связала.

Нил наклонился ко мне и еле слышно спросил:

— А тебе можно такое мне рассказывать?

— Не особенно. — Пихнув его по-дружески плечом, я опустила голову, стыдясь того, что собиралась сказать. — Я привязала его нематериальное тело к материальному. Теперь он не может выходить из тела. Потому что привязан к нему.

— Ты и такое умеешь?!

— Судя по всему, умею. Как-то само собой получилось.

— Ни фиги себе.

— Не в этом дело. Он в бешенстве.

Нил остолбенел и в ужасе уставился на меня.

— Что-что?

— Ну, он вроде как кипит от злости, — пояснила я, дернув уголком рта.

Он поиграл желваками, пытаюсь, видимо, придумать, что сказать.

— Чарли, — решился он наконец, — однажды я видел Рейеса в гневе, помнишь? Это оставило неизгладимое впечатление.

— Знаю, и мне очень жаль. Но он собирался покончить с собой. Я не знала, что еще можно сделать.

— Поэтому довела его до белого каления, чтобы потом вернуть в тюрьму?! — голос Нила превратился в хрипящий шепот.

Я съежилась. В его устах это звучало еще хуже.

— Можно и так сказать.

— Черт тебя дери, Чарли!

— Что она натворила на этот раз?

Мы с Нилом подняли головы. Перед нами стоял Оуэн Вон, тот самый, который пытался переехать меня в старших классах. В черной полицейской форме, с сияющим значком — в общем, при полном параде.

— Вон, — холодно поприветствовал его Нил.

Оуэн постучал ногтем по значку:

— Офицер Вон. Мне надо знать, что произошло в том подвале.

О чудесный дракон Пита^[28]!

— Я дала показания детективу Дэвидсону, — заявила я, вызываясь здоров нос.

— То бишь дядюшке Бобу?

— Ему самому.

Осмотрев коридор в обоих направлениях, Оуэн наклонился ко мне:

— Не желаешь узнать, что я о тебе думаю?

— Мм-м, вопрос с подвохом?

— Ничего-ничего. — Он выпрямился. — Приберегу это до лучших времен. Например до того прекрасного дня, — Вон ухмыльнулся от предвкушения, — когда засажу твою задницу за решетку, — и умчался прочь.

— Seriously, — спросил Нил, — какого черта ты ему сделала?

Я подняла руки:

— Ты же был его закадычным другом, ты мне и скажи.

Еще какое-то время Нил слонялся поблизости. Потом появилась Куки с едой и сменой одежды. Пыталась убедить меня вернуться домой, но я не могла, пока не узнаю, как там Рейес. Приехал и уехал папа. Приехала и уехала Джемма. Наконец ко мне вышел врач с уставшими глазами. Рейеса определили в палату интенсивной терапии, однако, учитывая обстоятельства, держался он на редкость хорошо. И все равно уйти я не могла. Когда стало темнеть, пришел Ангел и оставался со мной всю ночь. Сидел на полу у моей головы, пока я заявляла права на маленькую обитую дермантином скамейку и спала так хорошо, как только можно спать на маленькой обитой дермантином скамейке.

Рано утром в больницу вернулся немного взвинченный дядя Боб.

— Почему ты не поехала домой?

— Потому что. — Я потеряла глаза и спину и посмотрела на Ангела. — Ты тут всю ночь просидел, малыш?

— Ясное дело, — ответил он. — Вон тот чувак все время на тебя таращился.

— Который? Вон тот? — я указала на спящего напротив меня мужчину. — Мне кажется, он просто спит с открытыми глазами.

— Ну значит, он псих.

— Ага. Как идут дела? — поинтересовалась я у Диби.

— Едем в Руис. Получили разрешение на эксгумацию тела некоего мистера Сола Ромеро.

— Это хорошо. А кто такой Сол Ромеро?

— Человек, под которым предположительно похоронена Хана Инсинья.

— Ах да, я же знала...

— Так ты с нами?

Я слабо пожала плечами:

— Наверное. Все равно власти не разрешат мне увидеть Рейеса.

— Тогда какого хрена ты торчишь тут всю ночь?

Я снова пожала плечами:

— Да ладно тебе, обжора. Мне надо принять душ.

— Пойдем, я тебя подвезу. Заодно Куки прихватим. С шерифом встретимся уже на месте.

К руисскому кладбищу мы подъехали как раз за Мими и Уорреном. Кайл Кирш со своим отцом уже были там. По покрасневшим глазам было ясно, что никому из них не удалось выспаться. Мать Кайла нашли в Миннесоте, и сейчас она ждала, когда ее перевезут обратно в Нью-Мексико. К сожалению, Хи Инсинья тоже присутствовала. По ее лицу было видно как она страдает. Мое сердце болезненно сжалось и потянулось к ней.

— Это там, — сказала Мими шерифу округа Мора, указывая на могилу мистера Ромеро, — вторая могила слева.

Два часа спустя команда судмедэкспертов из Альбукерке подняла на поверхность двадцатилетней давности останки Ханы Инсинья. Боль, которую испытывала ее мать, была такой острой, что даже я с трудом держалась на ногах. Слава богу, с ней была подруга, поэтому я вернулся в джип Диби и оттуда наблюдала, как Хи подходит к дрожащей и рыдающей Мими. Я занервничала, пытаясь предугадать, как пройдет их встреча. Они обнялись и долго не отпускали друг друга.

Через три дня, после чудесного и необъяснимого выздоровления, Рейеса Фэрроу перевели в тюремный лазарет под присмотр тамошних медиков. Чтобы встретиться с ним, я поехала в Санта-Фе. Стоя в куче других посетителей в ожидании, когда придет моя очередь на обыск, я так нервничала, что меня трясло с головы до ног. Внезапно меня подозвал какой-то охранник и сообщил, что сначала со мной хочет поговорить заместитель начальника тюрьмы.

— Ты как? — поинтересовался Нил, когда меня проводили к нему в кабинет.

Уже начиная привыкать к местному организованному беспорядку, я села напротив него и ответила, пожав плечами:

— Нормально. Взяла маленький отпуск.

Нил встревожился:

— Все в порядке?

— Конечно. Просто самоотстранилась от безотлагательных дел. Никаких стрессов. Ну, что скажешь? Могу я с ним увидаться, или он до сих пор в лазарете?

Перед ответом он опустил глаза:

— Я хотел сам тебе сказать, чтобы тебя не просветили прямо в зале для посетителей.

У меня упало сердце.

— Что-то случилось? С Рейесом?

— С ним все в порядке, Чарли, только... он не хочет тебя видеть. — Нил с сожалением покачал головой. — Штат удовлетворил его прошение отказать тебе в посещениях.

Целую минуту я потрясенно молчала, по крупицам впитывая смысл его слов. Грудь сдавило, словно тисками, которые сжимались все крепче и крепче. В глазах помутнело. Я едва дышала. И мне нужно было как можно скорее отсюда убраться.

— Что ж, тогда я пойду. — Я поднялась и двинулась к двери.

Нил обогнул стол и поймал меня за руку.

— Он передумает, Чарли. Просто сейчас он сердится.

Я вымучила улыбку:

— Все путем, Нил. Ты только... позаботься о нем, лады?

— Ты же знаешь, что позабочусь.

Из тюрьмы я вышла с улыбкой на лице, а домой ехала, всю дорогу борясь с удушающим горем. По щекам текли слезы. Жалкое, должно быть, зрелище. Я размышляла о будущем. Какой будет моя жизнь без Рейеса? Он больше не может покидать тело. Не может приходить ко мне, говорить со мной, прикасаться ко мне, снова и снова спасать мою жизнь. С самого моего рождения он был рядом, стоило только позвать, а теперь я осталась одна.

Уже возле своего дома я с полной ясностью, испытывая невыразимую тоску и унижение, осознала, что стала одной из тех женщин, точнее одной из сотен женщин, которые тщетно пытались с ним увидаться и понапрасну тратили силы, чтобы хоть чуточку приблизиться к нему. Я стала Элейн Оук.

Я стала никем.

Кое-как поднявшись к себе, я включила компьютер и просмотрела почту. Несколько писем с пометкой «Срочно». Два из них от дяди Боба. Решив, что они могут подождать, я открыла липовый ящик, попутно пытаясь придумать оправдание, чтобы залезть в постель в одиннадцать утра. Мне хотелось действовать, честно, но апатия с отчетливыми следами депрессии была такой заманчивой... В папке входящих висело сообщение от мадам Мариголд. Наверняка там то же самое, что она писала Куки и Гаррету. С полным

безразличием к написанному, но испытывая крайний интерес к вопросу, зачем мне делать следующий вдох, я щелкнула по письму и прочла:

«Долго же мне пришлось тебя ждать».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes	
-------	--

Примечания

«This Little Light of Mine» — детская песня в жанре госпел. Госпел — жанр духовной христианской музыки, развившийся в первой трети XX века в США. Обычно различают негритянский госпел и белый госпел. Общим является то, что и тот и другой родились в среде методистских церквей американского Юга.

«Грязный Гарри» — полицейский фильм с Клинтом Иствудом в главной роли, выпущенный на экраны США в 1971 году.

Электромухобойка — приспособление, которое привлекает и уничтожает летающих насекомых. Пластиковая или металлическая клетка, внутри которой расположен провод высокого напряжения и источник света, чаще всего флуоресцентная лампа. Сама клетка делается для того, чтобы люди или животные случайно не коснулись провода.

«Краун Роял» (англ. Crown Royal) — марка канадского виски.

Ругательство, которое приблизительно можно перевести как «сукин сын» (исп.).

Американец мексиканского происхождения.

«Поросячья латынь» — форма детского жаргона, при котором первая и вторая половина слова меняются местами, после чего к слову добавляется условленное окончание.

Андре Рене Русимов, (19 мая 1946 — 27 января 1993) известный как Андре Гигант (англ. André the Giant) — профессиональный французский рестлер и актер. Объявляемые рост и вес — 224 см и 240 кг.

Архитектурный стиль, отражающий влияние оседлых североамериканских индейцев пуэбло. Изначально они вырубали многоуровневые жилища в скалах, а переселяясь на равнины, заменяли их аналогичного вида постройками из адобы или песчаника. Здания, имитирующие аскетичный облик индейских поселений, особенно популярны в штате Нью-Мексико (из сносок к первой книге).

«Da Ya Think I'm Sexy?» — песня Рода Стюарта, вышедшая в 1978 году в составе альбома «Blondes Have More Fun» и синглом.

Лоис Лейн — персонаж комиксов о Супермене, его возлюбленная и впоследствии жена.

Йоги Берра (род. 12 мая 1925 г.) — американский бейсболист, обладатель множества титулов и наград.

«SurgiSeal» — наружный препарат, применяющийся при открытых ранах и после лазерной терапии. Повышает эластичность кожи, сокращает время заживления кожного покрова, создает защитный барьер против бактерий.

Blue Öyster Cult — американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 г.

Речь идет о песне выше указанной группы «Don't Fear The Reaper» (в пер. «Не бойтеси ангела смерти»).

Дислектик — человек, страдающий дислексией. Дислексия — избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения при сохранении общей способности к обучению.

Стивен (Стиви) Рэй Вон (1954–1990) — американский гитарист и певец. Один из самых известных и влиятельных гитаристов в мире. В 2003 году журнал «Rolling Stone» наградил Вона седьмым номером в списке ста величайших гитаристов, а журнал «Classic Rock» поставил его на третье место в их списке «100 самых крутых героев гитары» в 2007 году.

Порода Гольштейн — всемирно известная порода молочных коров.

Саман, или адоб — строительный материал из глинистого грунта, высушенного на открытом воздухе.

Чарли приводит Гаррету детский мнемостишок, помогающий запомнить правила чтения дифтонгов.

Лесси (англ. Lassie) — вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг.

«Рип Ван Винкль» (англ. Rip van Winkle) — новелла (1819) и легендарный персонаж американского писателя Вашингтона Ирвинга. Рип Ван Винкль — житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в американских горах и спустившийся оттуда, когда все его знакомые умерли. Персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь.

Мартин Риггз и Роджер Мертаф — персонажи к/ф «Смертельное оружие» (1987 г.) и трех его сиквелов с Мэлом Гибсоном и Дэнни Гловером в главных ролях.

Чихоня — (англ. Sneezy) один из семи гномов в сказке о Белоснежке.

Пинки — (англ. Pinkie) мизинец.

Марди Гра (фр. Mardi gras, буквально — «жирный вторник») — праздник-карнавал, канун Пепельной среды, знаменующей начало Великого поста.

«Смерть коммивояжёра» (англ. *Death of a Salesman*) — пьеса американского писателя Артура Миллера, написанная в 1949 году. Считается самым знаковым произведением автора, удостоена Пулитцеровской премии.

«Дракон Пита» — мультфильм, вышедший в 1977 году от студии Уолта Диснея.